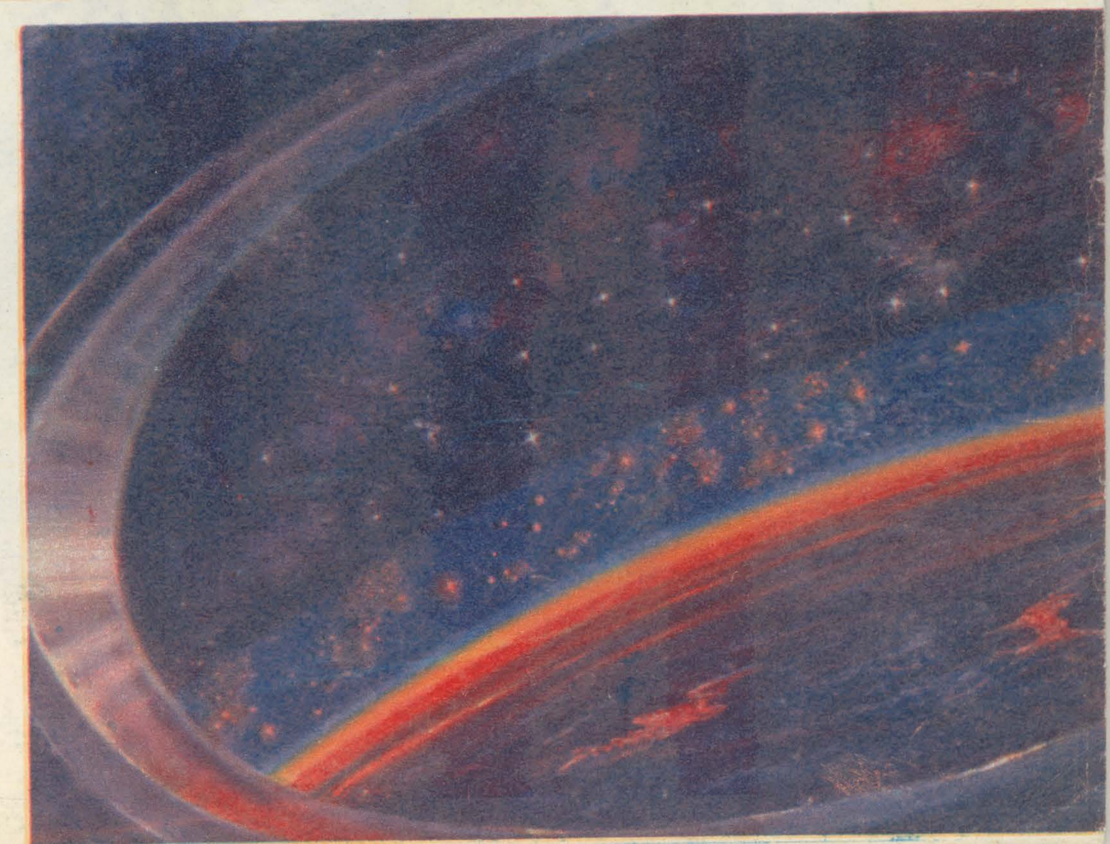
12 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ КОСМОНАВТИКИ

Проводы на Внуковском аэродроме.

фото В. Кошевого и В. Соболева (ТАСС)

ЕДИНСТВО ПАР

Во время открытия съезда.

Телефото В. Егорова и Э. Песова (ТАСС)

ТИИ И НАРОДА

На трибуне — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Встреча Л. И. Брежнева и Г. Гусака.

Телефото В. Егорова и Э. Песова (ТАСС)

6 апреля в Праге открылся XVI съезд Коммунистической партии Чехословакии. По приглашению ЦК КПЧ на съезд прибыла делегация КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР товарищем Л. И. Брежневым.

В состав делегации входят кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе, секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков, член ЦК КПСС, второй секретарь ЦК КП Украины И. З. Соколов, член ЦК КПСС, первый секретарь Саратовского обкома КПСС В. К. Гусев, член ЦК КПСС, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, член ЦК КПСС, посол СССР в ЧССР А. П. Ботвин.

На Внуковском аэродроме делегацию провожали товарищи Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, другие официальные лица.

Вместе с делегацией отбыли член ЦК КПСС, заведующий отделом ЦК КПСС Л. М. Замятин, заместитель управляющего делами ЦК КПСС М. Е. Могилевец.

В пражском аэропорту Рузине у трапа самолета Леонида Ильича Брежнева, членов делегации по-братски радушно и сердечно приветствовал Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак.

5 апреля в Пражском Граде состоялась дружеская встреча Генерального секретаря ЦК КПЧ Г. Гусака с делегацией КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

Затем состоялась беседа товарищей Л. И. Брежнева и Г. Гусака. Они информировали друг друга об актуальных вопросах деятельности КПСС и КПЧ, развитии советско-чехословацкого сотрудничества и обменялись мнениями по некоторым международным проблемам.

Беседа прошла в сердечной, братской атмосфере.

На высший форум коммунистов Чехословакии избран 1451 делегат. В зале присутствуют посланцы 114 коммунистических, рабочих, национально-демократических и других партий и прогрессивных движений из 102 государств мира.

С отчетным докладом «О деятельности партии и развитии общества после XV съезда КПЧ и о дальнейших задачах партии» выступил Генеральный секретарь ЦК КПЧ товарищ Г. Гусак.

Событием большого политического звучания стало выступление с трибуны XVI съезда КПЧ главы делегации КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева. Делегаты и гости стоя приветствовали овацией руководителя великой ленинской партии и страны Октября. С напряженным вниманием слушали собравшиеся яркую, содержательную речь главы делегации КПСС, неоднократно откликаясь на его высказывания горячими аплодисментами.

Л. И. Брежнев в своей речи подчеркнул, что «наше всестороннее и глубокое сотрудничество развивается на последовательно социалистической основе — на основе равноправия, взаимного уважения, учета интересов друг друга, настоящей революционной солидарности. Именно благодаря этому наш, употребляя ленинское выражение, «социалистический кооператив» не только не означает какого-либо ущемления суверенных прав его участников, но, напротив, служит для них надежной опорой».

Заключительные слова речи товарища Л. И. Брежнева сопровождались бурной овацией. В зале раздавались здравицы в честь КПСС, братской дружбы советских и чехословацких коммунистов, народов наших стран.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 15 (2804)

11 АПРЕЛЯ 1981

Во время беседы. Фото В. Егорова и Э. Песова (ТАСС)

ПО ПРИГЛАШЕНИЮ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

2—4 апреля в Москве по приглашению Советского правительства находился заместитель федерального канцлера, министр иностранных дел Федеративной Республики Германии Ганс-Дитрих Геншер.

3 апреля Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле находившегося в Советском Союзе заместителя федерального канцлера, министра иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншера.

В беседе участвовал член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Л. И. Брежнев подчеркнул последовательный характер внешней политики Советского Союза как политики мира, разрядки, переговоров и сотрудничества. В этой связи было особо отмечено значение конкретных предложений, которые были выдвинуты в Отчетном докладе ЦК XXVI съезду КПСС.

Л. И. Брежнев дал положительную оценку общего состояния двусторонних отношений между СССР и ФРГ и высказался за то, чтобы приложить усилия к их дальнейшему подъему.

При обсуждении международных вопросов, в частности касающихся некоторых аспектов разоружения, Г.-Д. Геншер излагал известную позицию правительства ФРГ и НАТО. В то же время он высказался за продолжение диалога между Востоком и Западом в интересах стабилизации международной обстановки и улучшения положения в Европе.

Г.-Д. Геншер подчеркнул, что правительство ФРГ намерено способствовать последовательному развитию советско-западногерманских отношений в соответствии с договором от 12 августа 1970 года и другими совместными документами. Г.-Д. Геншер передал Л. И. Брежневу послание федерального канцлера ФРГ Г. Шмидта.

На встрече присутствовали помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, посол СССР в ФРГ В. С. Семенов, статс-секретарь МИД ФРГ Г. Ван Велль, посол ФРГ в Советском Союзе А. Майер-Ландрут.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

6 апреля из Москвы в Вену по приглашению федерального канцлера Б. Крайского и правительства Австрийской Республики с официальным визитом отбыл Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов.

На Внуковском аэродроме его провожали товарищи М. С. Горбачев, И. В. Капитонов, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, заместители Председателя Совета Министров СССР, министры СССР, другие официальные лица.

Среди провожавших находился временный поверенный в делах Австрийской Республики в Советском Союзе В. Зигль.

В поездке Н. А. Тихонова сопровождали заместитель министра иностранных дел СССР Н. П. Фирюбин, первый заместитель министра внешней торговли Н. Д. Комаров, заместитель председателя Госплана СССР Н. Н. Иноземцев, член коллегии МИД СССР А. П. Бондаренко.

В международном аэропорту Швехат в Вене Н. А. Тихонова встречали Б. Крайский, министр иностранных дел В. Пар, другие официальные лица.

Среди встречавших были посол СССР в Австрии М. Т. Ефремов, главы дипломатических представительств других стран.

Б. Крайский, другие австрийские государственные деятели сердечно приветствовали главу Советского правительства.

В тот же день Н. А. Тихонов нанес визит федеральному президенту Австрийской Республики Р. Кирхшлегеру в его резиденции — дворце Хофбург. Вместе с Н. А. Тихоновым были сопровождающие его официальные лица.

Между Р. Кирхшлегером и Н. А. Тихоновым состоялась дружественная беседа.

Встреча на аэродроме.
Телефото В. Будана (ТАСС)

ФОРУМ БОЛГАРСКИХ КОММУНИСТОВ

31 марта — 4 апреля в Софии состоялся XII съезд Болгарской коммунистической партии. В нем приняли участие делегации марксистско-ленинских партий братских социалистических стран, в том числе делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Украины товарищем В. В. Щербицким, представители многих коммунистических, рабочих, национально-демократических и других партий, организаций и движений из десятков государств мира.

С докладом «Отчет Центрального Комитета БКП XII съезду БКП и предстоящие задачи партии» выступил Первый секретарь ЦК БКП товарищ Т. Живков.

От имени Центрального Комитета КПСС, коммунистов, советских людей делегатов высшего форума братской Болгарской коммунистической партии горячо приветствовал глава делегации КПСС товарищ В. В. Щербицкий, выступивший с речью на съезде.

XII съезд БКП подвел итоги деятельности за прошедший период и наметил планы на будущее, определил очередные задачи партии, главные направления в социально-экономическом и культурном развитии НРБ.

Съезд избрал руководящие органы партии. На заключительном заседании съезда объявлено, что Генеральным секретарем ЦК Болгарской коммунистической партии единодушно избран товарищ Т. Живков.

Телефото БТА—ТАСС

ЗАРЯД ВДОХНОВЕНИЯ

Серафим СЕВЕРНЯК,
болгарский писатель

Когда-то, в начале начал, первые съезды болгарских революционеров волновали умы только социалистов, именовавших себя «тесняками» — тесными социалистами. Уже само название отделяло их от «широкой», всеядной социал-демократии. Небольшое государство Болгария только что освободилось от османского феодального рабства и еще не приобрело ясные социальные очертания, но именно здесь произошло историческое событие — в Болгарии возникла марксистская партия. Рабочий класс только зарождался, его сознание и стремления еще не оформились. Необходимо было иметь недюжинные прозорливость и мужество, чтобы стать у истоков новой идеологии и борьбы в то время, когда пролетариат как класс насчитывал несколько сотен наемных рабочих и батраков.

Мы вспоминаем это не ради идеализации прошлого: восхищение и удивление приходят сами собой — достаточно перечесть строки воспоминаний и статей того времени, и тебя захлестнет волна благоговения. Мы вспоминаем те, не такие уж далекие романтические годы, чтобы оценить величие созданного. Девяносто лет — это возраст нормальной человеческой жизни (болгарин Йордан Милев, которому сто один год, считается самым старым коммунистом планеты). В хронологических рамках одной жизни пройден путь, масштабы которого можно назвать космическими!

Давайте прежде всего вспомним, сколько раз в истории уничтожали физически и морально целые поколения борцов за счастье народа, чьи ум и энергия были так нужны и настоящему и будущему.

Рожденные в Болгарии деятели международного рабочего и революционного движения увенчали ее историю славой. По улицам и мостам Петербурга шагал пролетарский революционер Димитр Благоев, основавший вместе с русскими товарищами одну из первых социал-демократических организаций, которая вошла в историю как группа Благоева. У стен Мадрида и в рядах французских и бельгийских партизан — маки сражались болгары-интернационалисты. Сегодня эстафету солидарности продолжают мои соотечественники, которые убирают сахарный тростник на Кубе, трудятся на стройках и полях Анголы, Мозамбика, Эфиопии.

Недавно случай привел меня и двух моих коллег в дома граждан Вены, в прошлом работавших с Георгием Димитровым. Бывшие инженеры, редакторы, работники печати. Сейчас они скромно живут на окраине Вены, одному из них уже за семьдесят, но он секретарь районного комитета Коммунистической партии Австрии. Среди них Хуго Хупперт — известный литератор и переводчик, издавший на немецком языке полное собрание сочинений Маяковского, которое и сейчас переиздается и пользуется популярностью. Эти пожилые люди дополнили новыми штрихами образ Георгия Димитрова — это уже другая тема, но я был поражен, когда узнал, что русские тексты стихов Маяковского для Хуго Хупперта подбирал Димитров и лично передавал ему их для перевода.

Величие Димитрова бесспорно — это знает весь мир, даже и те, кто не разделяет идей коммунизма. Но вот что примечательно. Живя долгое время в Австрии и Германии, болгарский революционер взялся составлять книгу произведений Маяковского. Это говорит не только о широте интересов и эрудиции Димитрова. Это показывает, насколько ему, коммунисту, было свойственно чувство ответственности перед обществом. Для меня это потрясающе!

Я слушал доклад Георгия Димитрова на V съезде БКП. Стоял под репродуктором на площади перед зданием Народного собрания. Был декабрь 1948 года, тогда я опубликовал свой первый рассказ. Делюсь воспоминаниями не ради тщеславия, а потому — в этом я глубоко убежден,— что каждый рядовой боец, идущий путем, начертанным рукой и словом Димитрова, получает заряд вдохновения на целую жизнь. Мне выпало счастье присутствовать в качестве гостя на трех последних съездах. Помню десятый с его вдохновением и мыслью о новой партийной программе. Помню две конференции, их трезвый анализ и критическое отношение к проблемам.

С волнением следил за работой XII съезда. Что характерно для него? Мудрость и глубина мысли. Точность критериев и оценок. И еще — устремленность в будущее.

Наши идеологические противники всячески стремятся умалить значение партийных съездов в странах социализма. Тенденциозные комментарии рассчитаны обычно на слабую осведомленность людей в капиталистическом мире. И никто из наших «прокуроров», добровольно принявших этот титул, не хочет замечать (а еще менее — рассказывать об этом) подъема и гордости, охватывающих всех тружеников в предсъездовский период. На официальном языке это время называется периодом обсуждения проекта основных направлений социального и экономического развития. Имеющий глаза да увидит, а имеющий уши да услышит, и я бы добавил — имеющий честное сердце да почувствует! И тогда огромный смысл всенародного подъема не останется незамеченным.

Когда-то, в начале начал, съезды волновали только немногочисленных членов партии и их самых близких единомышленников. Сегодня партийные форумы владеют сознанием и воображением всего народа. Каждый из нас может привести множество примеров самой живой заинтересованности рядовых членов нашего общества в судьбах своей страны, в делах государства. Нас объединяет одна идея, одно мировоззрение. И суть их воспринимается так масштабно не только по числу членов партии, но и по глубине мысли, по тому, что стоит за словом «всенародное».

В заключение мне хочется привести строки из только что вышедшего двухтомника «Об Апрельской линии». Автор его — товарищ Тодор Живков, в частности, сказал:

«От пятилетки к пятилетке, год за годом Болгарская коммунистическая партия на деле доказывает, что нет у нее иных интересов, кроме интересов народа, что все то, что она делает, она делает на благо человека, во имя человека. Вот почему народ наш любит свою партию, с глубокой заинтересованностью следит за ее деятельностью, решениями ее форумов, на которых оценивается все сделанное и ставятся задачи на завтрашний день. Широким всенародным соревнованием встречает он партийные съезды. С огромным энтузиазмом воплощает он в жизнь решения партийных форумов».

Жизнь и партийная практика лучше всякого публициста комментируют эти слова.

София.

интервью «огонька»

ПЕРЕД ВЫБОРОМ

«Никогда прежде жизнь на планете не находилась в такой опасности, как сегодня. В пекле термоядерной войны может погибнуть все прекрасное на Земле, может погибнуть само человечество, и этого допустить нельзя!» — заявили участники первой международной конференции «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». Она состоялась 20—25 марта в Эйрли, пригороде американской столицы, и собрала более ста видных ученых-медиков из 11 стран. Корреспондент «Огонька» встретился с членом советской делегации, председателем Национальной комиссии по радиационной защите, членом президиума Академии медицинских наук СССР академиком АМН Л. А. ИЛЬИНЫМ и попросил его рассказать о работе конференции.

— Леонид Андреевич, на конференции обсуждались обширные исследовательские данные о возможных последствиях ядерной войны. Пожалуйста, познакомьте с ними читателей.

— В случае массированного ядерного нападения речь пойдет о многих десятках миллионов убитых и покалеченных в результате ядерного апокалипсиса. Оставшиеся в живых — лишенные пищи и воды, жилья — будут обречены на медленное, мучительное умирание. Окажутся разрушенными больницы, уничтожены средства оказания срочной помощи, нарушены транспортные коммуникации, системы энерго- и теплоснабжения.

Самой резкой критике была подвергнута пресловутая «доктрина № 59» Картера. Ядерная война не может быть «ограниченной». Ее последствия — для воюющих и невоюющих государств — скажутся не только на живущих, но и на грядущих поколениях. Радиоактивные осадки, образующиеся в результате ядерных взрывов, будут распространяться по всей планете. Они могут вызывать раковые заболевания, а также наследственные дефекты, уродства у потомков облученных людей.

Страшно подумать, под какой угрозой может оказаться сама жизнь на планете! В 20—30 километрах от ее поверхности располагается озонный слой атмосферы, который защищает биосферу от губительных компонентов ультрафиолетового излучения Солнца. При ядерном взрыве выделяется огромное количество окислов азота, который в результате фотохимической реакции с молекулами озона разрушает озонный щит атмосферы. В случае массированного ядерного удара этот процесс может принять такие масштабы, когда возникнет прямая опасность поражения растительного мира, людей и животных.

Вот лишь некоторые оценки, прозвучавшие на этой встрече в докладах ее участников. Среди них были видные ученые Англии, Голландии, Канады, Норвегии, США, Сьерра-Леоне, Франции, ФРГ, Швеции, Японии. В состав нашей делегации, которую возглавлял заместитель министра здравоохранения СССР, известный советский кардиолог, один из инициаторов движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» академик Е. И. Чазов, входили ведущие советские ученые-медики, крупнейшие специалисты в своих отраслях. Столь представительный характер делегации придал конференции особый вес и в то же время показал, какую заботу о мире на деле проявляет Советский Союз.

Когда Альберта Эйнштейна спросили, считает ли он неизбежной третью мировую войну, великий ученый ответил, что для него совершенно очевидно: если она разразится, то четвертой уже не будет. Это не преувеличение. На встрече были проанализированы и обобщены результаты многочисленных, независимо проведенных научных исследований. Оценки возможных последствий ядерной войны, данные специалистами разных стран, в основном совпали. Мы — медики, наш профессиональный долг — говорить пациенту правду. И участники конференции открыто, честно заявили народам: врачи практически бессильны спасти людей, если разразится кошмар ядерной катастрофы. Выход один — не допустить ее.

— Человечество, увы, реально однажды уже столкнулось с ядерной смертью. Я имею в виду трагедию Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года...

— Профессору Наоми Шоно тогда было пятнадцать лет. Он видел собственными глазами картину ядерного взрыва в родном Нагасаки, страдания огромного числа обожженных людей, которым некому было оказать своевременную помощь, пережил гибель близких. Нельзя было без волнения слушать японского делегата.

Но что такое по нынешним меркам хиросимская бомба? Капля в море! Современные ядерные арсеналы таковы, что война означала бы самоуничтожение человечества. Вот почему участники конференции, представители различных государств и разных идеологий, единодушно подтвердили вывод, сделанный Леонидом Ильичом Брежневым на XXVI съезде, о том, что пытаться победить друг друга в гонке вооружений, рассчитывать на победу в ядерной войне — опасное безумие.

— Международная встреча врачей проходила в сложный период, когда официальный Вашингтон умышленно нагнетает напряженность в отношениях между нашими странами. Какой отклик получила конференция в самих США?

— То, что говорилось на встрече, на этот раз нельзя было представить «происками русских», как это любит делать буржуазная пропаганда, и многие из американцев, может быть, впервые открыли для себя, почему Советский Союз, потерявший 20 миллионов жизней в минувшую войну, настойчиво стремится к миру.

Не все в США мыслят категориями Пентагона. В этом убедила и нынешняя встреча с коллегами. Профессор Гарвардского университета, бывший член научного консультативного комитета при президенте США Джордж Кистяковский, например, когда-то, поддавшись мифу о «советской угрозе», выступал за рост вооружений. Но честность и непредвзятость ученого со временем помогли ему понять, что стоит за этим мифом. В выступлении на конференции он призвал к организации широкого движения за мир в США. Многие американские делегаты говорили о важности новых советских инициатив в области разоружения, создания безъядерных зон, о готовности СССР к диалогу. Им нелегко было сделать это, испытывая массированное давление со стороны милитаристских кругов. Народы двух наших стран давно связывают взаимная симпатия и дружба. Они могут и должны стать преградой тем, кто размахивает факелом войны.

— В Отчетном докладе XXVI съезду Л. И. Брежнев предложил создать «авторитетный международный комитет, который показал бы жизненную необходимость предотвращения ядерной катастрофы. В комитет могли бы войти виднейшие ученые из различных стран. О сделанных им выводах должен быть информирован весь мир». Какие шаги предпримет в дальнейшем движение «Врачи мира за предотвращение ядерной войны»?

— Наша первая конференция приняла обращение к главам правительств СССР и США. «Наука и техника, — говорится в нем, — вложили в руки возглавляемых вами стран самое смертоносное оружие массового уничтожения. Его огромные количества создают угрозу для всех нас. Интересы нынешнего и всех грядущих поколений требуют, чтобы ядерная война была предотвращена. Веление нашего времени — сделать недопустимой саму мысль использования ядерного оружия в любой форме и любом масштабе».

На встрече принято также обращение к главам всех правительств и к Организации Объединенных Наций. В нем содержится требование продолжить переговоры, не допустить распространения, а в конечном счете ликвидировать средства массового уничтожения. Мы обратились и ко всем своим коллегам в мире с призывом развернуть широкую разъяснительную работу. Когда должен быть сделан решающий выбор — сотрудничество или дальнейшая конфронтация, — в нем должен участвовать каждый! Предполагается повсеместно создать национальные комитеты «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». На конференции принято решение провести в 1982 году в Англии следующую международную встречу медиков.

В свое время совместными усилиями врачи разных стран победили оспу. Неизмеримо труднее побороть эпидемию ядерной войны. Но иного выхода нет!

Интервью взял
Б. ЛАБУТИН.

Руководитель советской делегации академик Е. И. Чазов (в центре) и академик Г. А. Арбатов (слева) во время пресс-конференции в Эйрли, посвященной итогам международной встречи «Врачи мира за предотвращение ядерной войны».
Фото Л. Пахомовой (ТАСС)

Встреча в Звездном.
Фото В. Кузьмина и А. Пушкарева (ТАСС)

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЕВ

Вновь на этом аэродроме рядом с флагами нашей страны развеваются флаги другого социалистического государства. На этот раз — Монгольской Народной Республики, ставшей недавно десятой космической державой мира.

После недельного пребывания на космодроме — медицинские обследования, отчеты о проделанной работе — советско-монгольский космический экипаж возвращается в Звездный. На аэродроме — родные, близкие героев, сотрудники Центра подготовки космонавтов, Центра управления полетом, создатели космической техники. Здесь же работники посольства МНР, монгольские студенты, обучающиеся в Москве.

Ровно в полдень приземляется самолет из Байконура. Владимир Джанибеков и Жугдэрдэмидийн Гуррагча спускаются по трапу, направляются к председателю Государственной комиссии.

— Программа космического полета выполнена полностью, — докладывает командир экипажа.

Кортеж автомобилей направляется в Звездный городок. По давней традиции вернувшиеся из космоса возлагают цветы к подножию монумента человеку, проложившему двадцать лет назад первую космическую трассу.

Затем состоялся митинг. В. Джанибеков и Ж. Гуррагча рассказали о подробностях своей семидневной вахты на борту орбитальной научной станции «Салют-6».

Б. МОКШАНЦЕВ

ВЫГОДА — ОБЩАЯ!

СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ УПРАВЛЕНИЕ И ПОДНЯТЬ УРОВЕНЬ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ ВО ВСЕХ ЗВЕНЬЯХ ЭКОНОМИКИ, УСИЛИТЬ ОРИЕНТАЦИЮ НА ДОСТИЖЕНИЕ ЛУЧШИХ КОНЕЧНЫХ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ.

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года

А. ЧЕБЛАКОВ, директор Минского рессорного завода, рассуждает о необходимости дальнейшего совершенствования системы оплаты труда на предприятиях страны.

Завод лихорадило. Последний год пятилетки, а тут под угрозой срыв плана выпуска сварных емкостей — резервуаров. Они не основная наша продукция, но нам от этого не легче. А что же случилось? Один за другим уволились несколько сварщиков. Причем квалифицированных. Замену им сразу не найдешь, отсюда и трудности.

Сварщики ушли на другие предприятия. Потому что там можно на таких же условиях заработать больше, чем у нас, либо заработать столько же, а отдавать гораздо меньше.

Я знаю, правомерно, конечно, говорить о просчетах в воспитательной работе на нашем рессорном заводе. Представлять идеальным наше предприятие не хочу, не имею морального права (да и нет идеальных коллективов!). Думаю, стоит остановиться сейчас на другом.

Ситуация-то довольно типичная — человек ищет где лучше. А искать у него есть основания, потому что в системах оплаты труда у нас существует большой разнобой, хотя формально они опираются на единый принцип.

И тем не менее есть отступления от основного принципа вознаграждения за труд при социализме. На предприятиях различных отраслей заработная плата в разной мере не соответствует количеству и качеству затраченного труда. Количество труда учитывается только у сдельщиков, составляющих менее половины численности всех работающих. У повременщиков, так же как у инженерно-технического персонала, ни количество, ни качество затраченного труда фактически не учитывается. А это неизбежно порождает и уравниловку и необоснованно высокую разницу в оплате. Ведь оклады устанавливаются не за реальную отдачу мастерства, добросовестности, сил, а за должность; как и тариф выплачивается рабочему за выход на работу, а не за ее результат.

Еще одно подтверждение моей мысли. На большинстве заводов действует шестиразрядная тарифная сетка. Стимулирует ли она творческий рост рабочих (а в нашем обществе мы к иному приучать не хотим!)? Поскольку поскольку. В машиностроении освоивший специальность получает, как правило, второй-третий разряд. Стало быть, за всю свою трудовую деятельность, а она обычно длится 30—40 лет, рабочий может считанное количество раз повысить заработок. Между тем практика показывает, что более или менее толковый производственник достигает шестого, то есть высшего, разряда через пять-шесть лет после прихода на производство. А дальше?

Сталкиваемся мы и с таким положением. Минские автомобильный и рессорный заводы входят в одно производственное объединение и расположены рядом. Однако труд рабочих одинаковой квалификации одной и той же специальности оплачивается здесь и там неодинаково. Заводы относятся к разной категории, которая определяется численностью персонала, размером основных фондов, объемом продукции. Давайте взглянем на это положение с позиции тех же сварщиков, ищущих, где лучше. Не все ли им равно, к какой категории относится завод, какому министерству принадлежит? Они знают, что средняя зарплата на МАЗе (с учетом фондов материального поощрения) примерно на 23 рубля выше, чем на рессорном. И делают выводы. Знают к тому же, что на большом заводе можно быстрее получить жилье, место в детском саду или в яслях для ребенка, путевку в санаторий или профилакторий и т. д.

Издержки в системах оплаты, как и в планировании и организации производства, отрицательно сказываются на самом главном — на производительности труда. Она ведь во многом определяется сознательностью тех, кто участвует в создании материальных ценностей.

Дефицит рабочей силы, от которого страдает промышленность, по моему глубокому убеждению, складывается не столько из-за неблагоприятной демографической ситуации, сколько из-за невыполнения планов по производительности труда, а его причина зачастую — «неувязки» в оплате. Они неизбежно влияют отрицательно на дисциплину рабочих и нередко на «тактику» иных руководителей предприятий: «Не хватит людей, переманим откуда-нибудь». (Я уже не говорю о том, что порой жалуются на дефицит рабочей силы, а в цехах простои — то нет материалов, заготовок, деталей, то не могут как следует организовать труд.)

И вот появляются «летуны», производственный организм разъедает «текучесть кадров». Мне, директору, бывает трудно разговаривать с производственником, потому что я знаю: он тут же, у меня в кабинете, может написать заявление об уходе и где-то поблизости его сразу примут, скорее всего с распростертыми объятиями. Мы тоже поступаем так в критические моменты (а они у нас, к сожалению, не редки!). Так, 17 января нынешнего года уволили за прогул В. Веркина, которого зачислили смазчиком рессор 22 июля прошлого года, зачислили, зная, что до этого его трижды увольняли за прогулы с Минского автозавода. А. Пришивалко 15 августа 1980 года был принят на завод стропальщиком, 15 ноября уволен за длительный прогул, а 6 февраля 1981 года, после неоднократных обещаний исправиться, принят вновь. Знаю примеры, когда рабочие, уволенные нами за нарушение дисциплины, поступили на другие предприятия и зарабатывают там больше (слесарь Л. Ткаченко ушел на подшипниковый завод, там нет третьей смены, а заработок у него 270 рублей в месяц).

Словом, получается так, что, стараясь удержать нерадивого, платим ему не меньше, чем другим, «залезаем» при этом в карман к хорошим работникам. Возникает уравниловка, при которой неизбежно обесцениваются, а то и вовсе исчезают стимулы к высокопроизводительному труду у дисциплинированных производственников, у передовиков.

А что, спросят, я предлагаю конкретно?

Разумеется, надо поднимать уровень воспитательной работы (это иной аспект разговора, об этом надо говорить отдельно). Конечно, назрел пересмотр некоторых положений нашего трудового законодательства, используя которые, иные любители легкого хлеба живут слишком вольготно. Необходимо совершенствовать систему оплаты труда. Если, скажем, на предприятии производительность ниже среднеотраслевого уровня — снижать по отношению к среднеотраслевой и зарплату, мужественно и прямо объясняя коллективу, что это необходимо, чтобы стимулировать более энергичный поиск резервов. Если же производительность выше среднеотраслевой, пусть выше становится и зарплата. Чего, к сожалению, действующая система планирования и экономического стимулирования не обеспечивает.

Мы много говорим о распространении щекинского метода и других коллективных форм организации и оплаты труда. А делаем для их внедрения мало. Одна из причин, на мой взгляд, в том, что предприятию не гарантируют больше чем на год, а по новой системе экономического стимулирования — более чем на пятилетку сохранения тех средств, которые оно «заработало», подняв производительность труда и сократив соответственно численность персонала. Таким образом, теряется заинтересованность бороться за завтрашнюю перспективу. Хотя все мы знаем, что одним сегодняшним днем жить нельзя.

Так что, если мы сформулируем и введем в практику комплекс мер, положений, требований, нацеленных на то, чтоб плохо работать было не только запрещено, но и невыгодно, мы решим одну из основных задач нашего хозяйственного строительства.

НЕ ЗАКВАЧЕНА?

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

12 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ ВОЙСК ПРОТИВОВОЗДУШНОЙ ОБОРОНЫ СТРАНЫ

Б. СОПЕЛЬНЯК, фото И. ГАВРИЛОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Ясный, солнечный день. По улицам гуляют жители. Играют дети. Сосредоточенно всматриваются в поплавки рыбаки. Словом, неторопливая, мирная жизнь небольшого городка.

И никто из жителей и гостей этого городка наверняка не представляет себе, что рядом ни на секунду не утихает напряженная боевая учеба. И не только учеба: ракетчики постоянно на боевом дежурстве. Такая уж у них служба: одни учатся, оттачивая боевое мастерство, другие неотрывно дежурят у ракет.

Когда я поинтересовался, каковы результаты такой упорной учебы и постоянной боевой готовности, меня подвели к большому чеканному панно, на котором выбиты слова Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении полка орденом Красного Знамени. Боевой орден в мирное время — это очень высокая оценка боевой и политической подготовки части. Но в Указе есть слова, свидетельствующие и о славном прошлом полка: орден получен прежде всего «За большие заслуги в вооруженной защите Родины».

...В годы войны формируется зенитно-артиллерийский полк. В конце 1942 года прибыл в район Туапсе. Тут же первый бой и первый сбитый «юнкерс». Январь 1943 года. В составе героической 18-й армии часть ведет ожесточенные бои под Новороссийском. Были дни, когда зенитчики сбивали по девять самолетов противника! В июне — переправа на Малую землю. Зарылись в землю и почти в упор били то по танкам, то по самолетам. Двадцать пять фашистских самолетов уничтожено за время этих боев!

А потом — освобождение Новороссийска, сражения на Тамани, прикрытие керченского десанта... В декабре сорок третьего полк отвели на переформирование и... на фронт больше не вернули. В сорок четвертом зенитчики охраняли военные и промышленные объекты в тылу, а в январе сорок пятого обеспечивали безопасность Ялтинской конференции глав государств союзников.

Приведу еще несколько цифр из истории части. За время боевых действий сбито 39 самолетов противника, 155 человек награждены орденами и медалями, 148 солдат и офицеров вступили в партию.

Нынешние зенитчики, вернее, ракетчики — ведь на вооружении полка не пушки, а современные ракетные комплексы, — достойно продолжают традиции отцов и дедов. Полк — передовой, неоднократно занимал первые места в социалистическом соревновании. Лучший офицер наведения, лучший оператор ручного сопровождения, лучший дивизионный командный пункт тоже в этом полку. Надо ли говорить, как велика в этом роль командира — полковника Ю. М. Орлова. Его заслуги тоже высоко оценены — он награжден орденами «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» третьей и второй степени и медалями.

Несколько лет назад в полку побывал министр обороны СССР Д. Ф. Устинов. Была объявлена учебная тревога, пущена учебная цель, которую ракетчики тут же обнаружили, захватили и «поразили» с первого пуска, хотя в действительности ракета не стартовала. Кстати, учебные пуски от боевых отличаются только тем, что ракета не уходит в небо, но ее возможный путь, вплоть до встречи с самолетом, прослеживается приборами. Так что на экране очень хорошо видно, попала ракета или нет. И вот тут очень многое, если не все, зависит от офицера наведения. Старший лейтенант Ю. С. Дыбкин — потомственный военный. В части он всего два года, но уже стал лучшим офицером наведения.

— Мое дело — обнаружить, захватить, опознать цель и обеспечить ее уничтожение, причем в любых условиях, — говорит старший лейтенант. Летчик ведь тоже идет на задание, как говорится, не с голыми руками. У него есть приборы, которые показывают, что он обнаружен, больше того, он даже видит, что на него пущена ракета. Поэтому летчик либо применяет противоракетный маневр, либо использует активные и пассивные радиопомехи — для этого на самолете стоит специальный передатчик. В такой ситуации нужно немалое искусство, чтобы не потерять цель и уничтожить ее на заданном рубеже. Мне не раз приходилось участвовать в боевых стрельбах на полигоне: там мы били по радиоуправляемым самолетам-мишеням. На какие только ухищрения не шел управляющий ими оператор, но каждый раз мы поражали цель с первой ракеты.

Да, ракетчики войск противовоздушной обороны постоянно на боевом посту.

Совсем рядом небольшой городок. По улицам гуляют жители, в скверах играют дети. Мирная, спокойная жизнь. Но чтобы она была именно такой, неподалеку идет напряженная боевая учеба.

Командир полка Ю. М. Орлов.

Тревога!

ПОЛЕТ В БЕССМЕРТИЕ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ, дважды Герой Советского Союза, лауреат Государственной премии СССР, летчик-космонавт СССР

Первый полет человека в космос. Этого еще не знал Человек. Это впервые. Первый шаг!.. Но этот шаг войдет в историю человеческой цивилизации как самый яркий пример свершения общечеловеческой — всех живших поколений — высокой духовной мечты.

Готовится старт космического корабля «Восток»... У подножия громадной ракеты собрались провожающие, участники этого исторического шага человека в Будущее. С самой верхней ступеньки лестничного трапа, что ведет к скоростному лифту, с лестницы, символизирующей ступени познания и прогресса человечества, к современникам и будущим землянам обращается первый космонавт планеты, гражданин Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин. Звонкий голос его звучит в памяти, волнуя и сегодня, двадцать лет спустя...

Да, с того исторического момента прошло двадцать лет! После первого гагаринского витка вокруг Земли — 108 минут полета — мы научились непрерывно летать в космосе уже 185 суток. Такой продолжительности полет на борту орбитального комплекса «Салют» — «Союз» был в прошлом году у Леонида Попова и Валерия Рюмина. Космонавты выполняют сейчас обширные программы научных, медико-биологических и технических экспериментов и исследований, проводят сложнейшие испытания космической техники. Нужно сказать, что сегодня существенно расширились задачи, выполняемые в полете, усложнилась и сама техника и управление ею. Так, с пультов корабля «Союз» космонавты могут выдать почти тысячу команд, а с орбитального комплекса «Салют» — «Союз» — «Прогресс» — более двадцати двух тысяч команд. А ведь с пульта космонавта на «Востоке» Юрий Гагарин мог подать всего шестьдесят три команды, да и то их выдача была заблокирована выполнением контрольного теста. В случае отказа автоматики в невесомости Юрий Гагарин должен был вскрыть запечатанный конверт, прочитать кодовое число, набрать его на специальном наборном устройстве. Если он не сделал ошибки, то после этого можно было включить электропитание пульта и выдавать команды. Юрий Гагарин четко выполнил тест. Этот логический ключ, заложенный тогда в управление, говорит о том, что при первом шаге в космос не было еще известно: а что произойдет с подвижной психикой человека, когда он окажется в космосе?

Гагарин дал ответ на этот вопрос, он доказал опытом, что человек может жить и работать в космосе. И уже следующий суточный полет Германа Титова на «Востоке-2» подтвердил этот исключительно важный вывод. Гагарин проложил людям Земли дорогу к звездам. Именно поэтому Нейл Армстронг, американский астронавт, первым побывавший на Луне, написал в Книге памяти Ю. А. Гагарина, что лежит в мемориальном кабинете в Звездном городке: «Он всех нас позвал в космос!» Юрий Гагарин — основатель новой профессии человека, профессии «космонавт». На сегодня на нашей планете уже более ста землян — космонавты, из них половина — граждане СССР. И мы горды этим. Становление же профессии началось двадцать один год назад.

В прошлом году мы отметили двадцатилетие Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина, и столько же исполнилось первому отряду космонавтов. Собственно говоря, с отряда, который мы сейчас часто называем «гагаринским», и начал свою биографию сам Центр. Двадцать молодых летчиков, успешно прошедших исключительно строгую медицинскую комиссию, съехались из разных уголков нашей страны сюда, в Москву, осваивать новую летательную технику. Вместе с ними первое время работали десятка два специалистов: летчиков, инженеров, врачей.

Центр тогда располагался в Москве, в районе метро «Динамо», напротив Петровского дворца. Будущие космонавты занимались летной, парашютной, медико-биологической и физической подготовкой и, конечно, изучением той техники, которая тогда еще только проектировалась, создавалась и проходила наземные испытания.

В то время сотрудникам опытного конструкторского бюро, где разрабатывалась эта техника, К. П. Феоктистову, А. С. Елисееву, О. Г. Макарову и мне, а также другим ученым и специалистам Главным конструктором, академиком С. П. Королевым было поручено чтение лекций будущим космонавтам и проведение занятий с ними по программе технической подготовки.

Хорошо помню, как в начале марта 1960 года я присутствовал на первой лекции курса «Механика космического полета», которую читал видный ученый, конструктор первой в СССР жидкостной ракеты, а в то время руководитель головного проектного отдела королевского КБ, где создавался космический корабль «Восток», мой учитель профессор М. К. Тихонравов. Он представил меня, сказал, что в дальнейшем курс буду читать я, и начал свою вводную лекцию.

Это был удивительный полет фантазии в возможности человека и техники того времени. Михаил Клавдиевич кратко изложил содержание курса лекций, необходимость его изучения, место его в технической подготовке космонавтов и приступил к рассказу, как рождался проект «Востока», как складывалась космическая терминология его систем и агрегатов. Будущие космонавты наглядно знакомились с новой для них — летчиков — терминологией. В завершение лекции, уделив большое внимание надежности всех систем корабля и проекта в целом, он ознакомил слушателей с намеченным, пока еще примерным планом и сроками «натурных летных испытаний корабля «Восток» в пилотируемом полете». Именно так, по-инженерному, без признака сомнений в реализации был тогда сформулирован первый полет человека в космос.

Думаю, что в этот момент М. К. Тихонравов вспомнил (позже он рассказывал мне об этом), как в марте 1934 года (время рождения Юрия Гагарина) после серии успешных пусков первых советских жидкостных ракет и создания РНИИ (Реактивного научно-исследовательского института), в котором он тогда работал вместе с С. П. Королевым, они впервые заговорили о полете человека в космос. Вероятно, для них мечта уже тогда, когда они начинали с азов, была ближе и реальнее, чем для этих молодых ребят, которым предстоит работать над новой техникой. Будущие космонавты еще должны вжиться в нее, усвоить и освоить, поверить в нее.

На протяжении всей лекции я наблюдал за слушателями, мысленно спрашивая каждого: «Что же привело тебя сюда, в отряд космонавтов?..» Тогда я еще не знал ребят, и на этот вопрос ответить не мог. Сейчас, двадцать один год спустя, когда они уже выполнили сложные полеты, их узнал весь мир, когда и я сам уже отношусь к старшему поколению космонавтов, со многими мне довелось работать в одном экипаже, выполняя дублирование различных программ, с одним из них, Андрияном Николаевым, одиннадцать лет назад мы выполнили полет на борту «Союза-9», это был мой первый полет,— сейчас я бы, наверное, смог ответить на этот вопрос... Тогда я только еще начал знакомство с ними. Позже все они стали моими большими друзьями. Думаю, они сами уже ответили на этот вопрос своими делами.

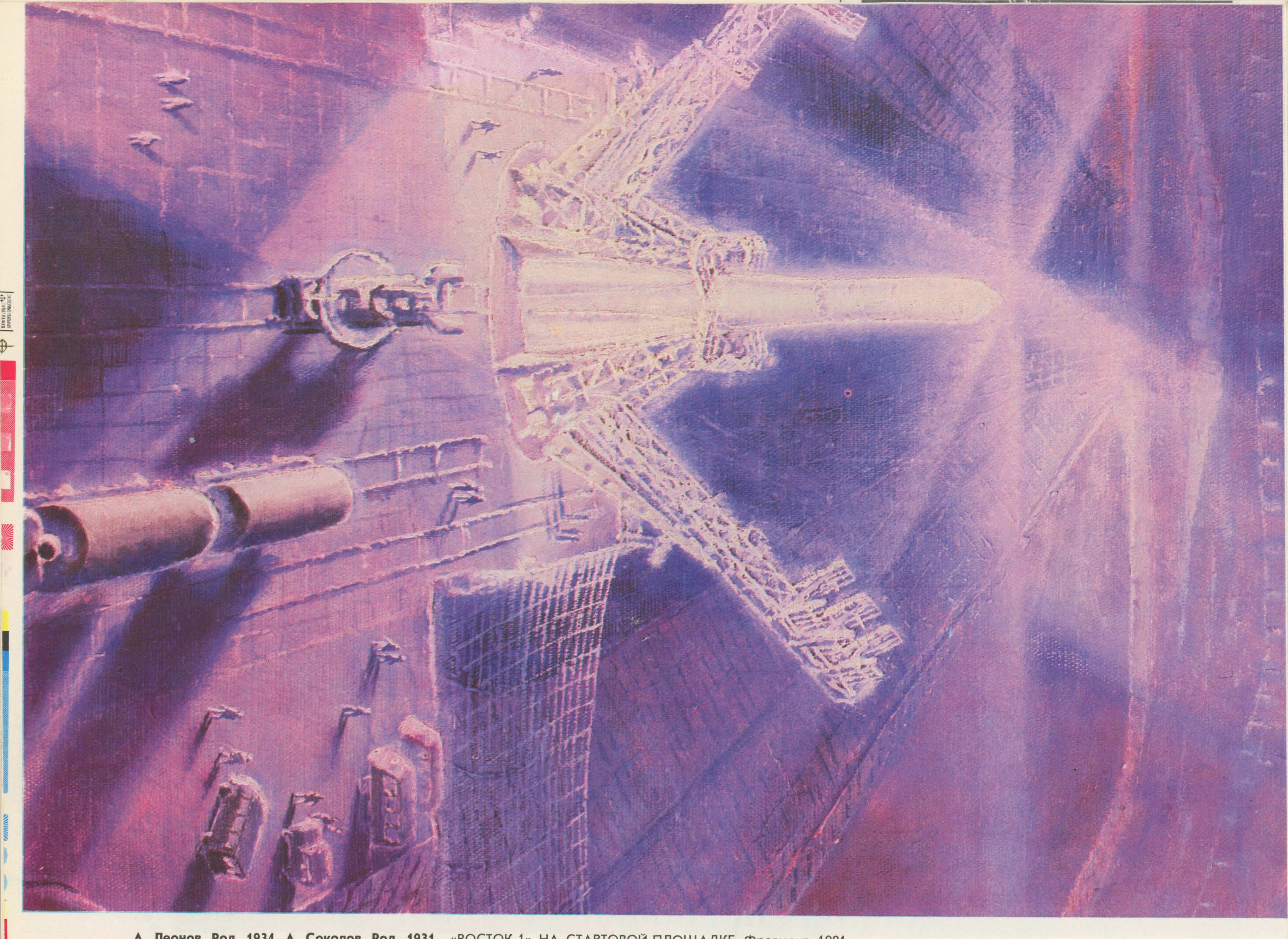
Тогда они еще знакомились друг с другом, формировался настоящий дружеский коллектив. И вскоре душой этого коллектива, а в познании космической техники даже лидером стал Юрий Гагарин. Ему и суждено было быть первым в космосе, первым прокладывать дорогу в неизведанное.

Гагарина узнал весь мир! Узнал и полюбил. Добрый и жизнерадостный, умный и любознательный, чуткий, внимательный и открытый, веселый, острый на незлую шутку и, я бы даже сказал, заряженный на дружеское баловство, откровенный, принципиальный и верно преданный мужской дружбе, он располагал к себе людей и обрел много друзей.

Часто можно услышать вопросы: «Как же это получилось, что его выбрали первым? Кто его выбрал на первый полет?» Отвечая на второй вопрос, некоторые говорят: «Сергей Павлович Королев»... Я присутствовал при первой встрече космонавтов с С. П. Королевым и хорошо помню эту задушевную беседу о заботах текущих и обращенную в будущее. Конечно, внимательный и чуткий, умудренный жизненным опытом нелегкой судьбы, Сергей Павлович сразу выделил среди космонавтов этого голубоглазого симпатичного смекалистого смоленского паренька и приглядывался к нему. А когда космонавты ушли, по вопросам, которые он задавал нам, сотрудникам его КБ, я понял, что Гагарин ему понравился. Но Сергей Павлович не мог решить этот вопрос, что называется, с одного взгляда, он должен был всех выслушать, все тщательно взвесить и только тогда принять окончательное решение. Так оно позже и было. Я бы сказал, что на выполнение этой важной и

А. Шилов. Род. 1943. СЫН РОДИНЫ. ПОРТРЕТ ЛЕТЧИКА-КОСМОНАВТА СССР ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Ю. А. ГАГАРИНА. 1980.

А. Леонов. Род. 1934. А. Соколов. Род. 1931. «ВОСТОК-1» НА СТАРТОВОЙ ПЛОЩАДКЕ. Фрагмент. 1981.

исключительно ответственной миссии Юрия Гагарина выбрал сам наш народ, а формально сделали это космонавты. Отмечая двадцатилетие «гагаринского» отряда, собрались все ветераны и, отвечая на вопрос, «кто выбрал Гагарина», хором ответили: «Мы!..» И я вспомнил...

Я вспомнил последний день рождения Гагарина — 9 марта 1968 года. Это было в Крыму, в Евпатории, где в то время находился Центр управления полетами, там, где сейчас остался Центр дальней космической связи. Днем мы были приглашены Юрием на обед. Мы — это группа космонавтов, которая готовила одну из космических программ. В эту группу входили уже летавшие А. А. Леонов, П. Р. Попович, В. Ф. Быковский и тогда еще не летавшие Г. Т. Добровольский, Ю. П. Артюхин, О. Г. Макаров, Н. Н. Рукавишников, П. И. Климук, Г. М. Гречко и я. Юра был наш командир, он и пригласил нас на обед, сказав с улыбкой: «Ребята, будет только шампанское!» Какая это была теплая, дружеская встреча! Вот тогда в выступлениях моих друзей, в воспоминаниях Алексея Леонова, Павла Поповича, Валерия Быковского я почувствовал их настоящую, преданную любовь к нему. Эта любовь космонавтов и выбрала его первым среди них!

Юрий Гагарин расписывается на пьедестале монумента «В космос».

Фото А. Устинова

10 марта наша группа во главе с Гагариным улетела в Москву. В последующие дни всю группу выбросили парами в разные точки в лесах Ярославской области «на выживаемость». Есть у нас такой комплекс подготовки космонавтов к действиям в разных климатических поясах на случай срочного спуска с орбиты и вынужденной посадки в любом районе Земли. 18 марта нашу группу эвакуировали «с выживаемости» и возвратили в Звездный городок. Еще в вертолете, когда мы собрались все вместе и поздравили Алексея Леонова с третьей годовщиной его исторического полета вместе с Павлом Беляевым, он сказал: «Ребята, прошу всех вечером ко мне. Отметим!»

Через несколько часов мы уже сидели у Алексея Леонова, здесь же был Юрий Гагарин с Валей, своей супругой. Сначала мы все вместе прослушали магнитофонную ленту, на которую только что в профилактории космонавтов, собираясь в гости к Леонову, надиктовали шуточные воспоминания о его полете, о посадке «Восхода-2» в районе Перми, о их с Павлом Беляевым «выживаемости» в снегах уральской тайги, о выброшенном десанте лыжников — группы поиска и встречи космонавтов на Земле, в которой были и наши коллеги—космонавты Владислав Волков и Виктор Пацаев, Юрий Гагарин, один из руководителей полета космического корабля «Восход-2», тут же в шуточной форме рассказал, как принималось решение о переходе на ручное управление кораблем перед спуском на Землю, когда автоматическая система отказала. Затем мы с юмором рассказывали о только что прошедшей тренировке, о своей «выживаемости». Обветренные и загорелые, мы возбужденно и весело вспоминали о разных приключениях, которые происходили с нами в эти несколько суток пребывания в ярославских лесах. Я рассказывал, что когда в сеансе связи мы с Павлом Поповичем получили приказ в определенное время сняться из лагеря и выйти в указанный квадрат, куда за нами должен прилететь вертолет, я с радостью бросился к Павлу с криком: «Конец выживаемости! Домой!» А Павел, продолжая свое любимое занятие, подледный лов — в этот раз на маленькой, в два прыжка шириной лесной речушке без названия,— невозмутимо ответил: «Могли бы еще на сутки остаться, питание у нас обеспечено. Клев больно хороший!..» И тут же остановил меня: «Чего шумишь? Рыбу испугаешь!»

Ребята веселились и балагурили весь вечер, и душой вечера, как всегда, был Юрий Гагарин. Довольно рано мы разошлись. Прощаясь, Юрий сказал: «Пора, завтра предполетная подготовка». Мы знали, что он уже начал полеты с инструктором на УТИ МИГ-15 (двухместный учебно-тренировочный реактивный самолет-истребитель) и готовился к самостоятельному вылету. Раньше он уже летал на этих самолетах. Но был большой перерыв, и вот он снова должен пройти краткий курс восстановления навыков пилотирования и контрольных полетов. Когда в апреле 1967 года при первом испытании «Союза» погиб наш друг Володя Комаров, Юрия Гагарина освободили от летно-космической подготовки к полетам на «Союзах». Он тогда был среди дублеров Комарова, тогда же и запретили летать на самолетах. Год он добивался разрешения летать и добился. Все чаще он задумчиво мечтал: «А может быть, и подготовку разрешат. Еще бы разик в космос слетать!»

А наша группа на следующий день, 19 марта, улетела на парашютные прыжки. Несколько дней наземной подготовки, и начались прыжки. Прыгаем с вертолета. Весенняя распутица, снег в поле рыхлый, а на площадке, с которой мы взлетаем,— лужи. К этому времени мы уже имели достаточно хороший опыт парашютных прыжков с разных типов самолетов и вертолетов, днем и ночью, на сушу, на воду и в лес, с задержкой раскрытия парашюта до 50 секунд. Прыгаем каждый день по два раза.

И вот 27 марта... Утро. Мы уже выполнили первый прыжок. Взлетели на второй. Площадка, на которую прыгаем, тремя ярусами облачности закрыта полностью. Нам по программе предстоит выполнить прыжок с большой задержкой раскрытия парашюта, а поэтому с большой высоты. Этот прыжок по инструкции можно выполнять только при прямой видимости, наш инструктор Лель командует: «Прыжки отменены». Возвращаемся, садимся. Снимаем парашюты, оставляем их в вертолете и выходим на снежное поле. Собрались кучкой и обсуждаем, будет ли погода, будет ли второй прыжок, кое-кто рассказывает переживания первого прыжка, делится советом. Более опытные Павел Попович, Алексей Леонов и Валерий Быковский рассказывают разные случаи и в то же время наставляют нас, молодых, советуют, как действовать в разных ситуациях.

Вдруг слышим гулкий двойной удар звуковой волны... Кажется, что волна прокатилась через нас. Павел Попович сказал: «Кто-то из ребят на малой высоте скорость звука прошел». Недалеко от места, где мы находились, расположена воздушная зона полетов, и, возможно, кто-нибудь из летчиков нарушил инструкцию: пролетел на малой высоте со скоростью больше скорости звука.

Алексей Леонов, наш старший, как бы очнувшись от задумчивости, решил: «Пойду свяжусь по рации, узнаю погоду». Все ребята, как будто что-то чувствуя, присмирели, кончили балагурить, подшучивать, острить. Кто-то неожиданно заметил: «Через три дня будем дома...» Я вспомнил, что последний раз дома был в конце февраля: все командировки, командировки.

Приехал на автобусе Леонов и скомандовал: «Всем в автобус! Парашюты оставляем в вертолете. Едем в гостиницу (так все мы в шутку называли большую бревенчатую избу). Пятнадцать минут на сборы. Пришла команда. Через полчаса возвращаемся». Когда мы в летных костюмах и унтах (не успели переодеться) вышли из вертолета на аэродроме, встречающие сообщили нам страшную весть: полчаса назад кончилось топливо на самолете, на котором летали Гагарин и Серегин. Самолет на аэродром не вернулся... Организованы поиски экипажа.

Дана команда: всей нашей группе выехать в Звездный городок, разместиться в профилактории космонавтов и ждать дальнейших указаний. Едем... В автобусе кто-то из ребят вдруг сказал: «А ведь мы, наверное, слышали взрыв». Молчание. Об этом уже подумали все, но не решились произнести эту мысль вслух. Кто-то с надеждой сказал: «Может, успели катапультироваться...» И опять молчание.

До позднего вечера мы все ждали, надеялись... Пришло сообщение, которое боялись услышать. Нашли упавший самолет, нашли останки экипажа, нашли кусок летной куртки с карманом. В кармане бумажник, в бумажнике документы Гагарина, фотография С. П. Королева, трассовый талон на питание на имя Юрия Гагарина...

Гагарин и Серегин погибли... Да, мы слышали взрыв их самолета. Он упал в 15 километрах от площадки, на которой мы выполняли парашютные прыжки.

...Мы слышали их последний вздох и стон...

Это случилось в 10 часов 31 минуту 27 марта 1968 года.

Прошло уже тринадцать лет. Но все эти годы и сегодня Юрий Гагарин с нами, в наших делах на Земле, в наших наземных испытаниях, в нашей новой созданной космической технике, в нашей подготовке и в наших космических полетах. Мы продолжаем начатое им дело.

Наши достижения в освоении космического пространства за прошедшие двадцать лет исключительно впечатляющи. Больше того, мы, космонавты, да и ученые, двадцать лет назад не смогли бы даже прогнозировать эти успехи. Чтобы наглядно представить себе прогресс пилотируемой космонавтики, разделим эти двадцать лет на четыре пятилетки: первая — с 12 апреля 1961 года по 12 апреля 1966 года; вторая — 1966—1971 годы; третья — 1971—1976 годы; четвертая — 1976—1981 годы, так что четвертая наша пятилетка еще продолжается и заканчивается 12 апреля 1981 года. Посмотрим рост некоторых критериев, которые характеризуют развитие пилотируемых полетов за эти двадцать лет, по пятилеткам соответственно, в первой, второй, третьей и четвертой.

Количество пилотируемых космических полетов — 8; 8; 10; 21. Всего выполнено 47 полетов, из них почти половина — в последней пятилетке.

Количество космонавтов, участвовавших в полетах,— 11; 15; 22; 43 (всего 91). Из них количество советских космонавтов, выполнивших первый полет,—11; 11; 12; 16 (всего 50); второй — 0; 4; 8; 11 (всего 23); третий — 0; 0; 2; 8 (всего 10). В четвертой пятилетке по программе «Интеркосмос» вместе с советскими космонавтами летали представители 8 социалистических стран: Чехословакии, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Кубы, Монголии.

Отряд слетавших советских космонавтов вырос до 50 человек, из них 13 выполнили по два, а 10 — по три космических полета.

Это говорит о становлении нашей профессии «космонавт», основоположником которой явил-

ся Юрий Гагарин. Использование опыта ранее уже летавших космонавтов в последующих полетах стало хорошей традицией, явилось требованием жизни, тех сложных программ, которые сейчас выполняются в полетах. Это особенно характерно для четвертой пятилетки.

Рекордная за пятилетку продолжительность космического полета (в сутках) — 5, 18, 63, 185. Кто бы мог себе представить даже десять лет назад, что мы будем летать в космосе полгода?

Общая продолжительность пилотируемых космических полетов (в сутках) — 18, 44, 161, 785. Это данные по 12 апреля 1981 года, так как и сейчас на борту орбитального научного комплекса «Салют-6» — «Союз Т-4» летают космонавты. Владимир Коваленок и Виктор Савиных отмечают двадцатилетие полета Ю. А. Гагарина трудовой вахтой в космосе. В четвертой пятилетке два с лишним года советские космонавты работали в космосе! А всего они трудились уже более тысячи суток!

Все эти наши успехи стали возможными благодаря созданию прекрасной, надежной, экономичной космической техники: и пилотируемых кораблей серий «Союз» и «Союз-Т» и орбитальных научных станций «Салют», и беспилотных грузовых транспортных кораблей «Прогресс». Станция «Салют-6» работает в космосе с 29 сентября 1977 года, уже более трех с половиной лет, превысив расчетный ресурс работоспособности в несколько раз. Семнадцать пилотируемых кораблей «Союз» и «Союз-Т» подходили к станции, пятнадцать из них стыковались с нею, в том числе и два новых корабля «Союз-Т». Двадцать шесть человек работало на станции, из них пятеро прилетали на нее дважды, а семь были представителями социалистических стран. К станции были посланы и успешно состыковались с нею двенадцать грузовых кораблей «Прогресс», которые доставляли на нее топливо, пищу, воду, блоки системы регенерации атмосферы, научное оборудование и т. д.

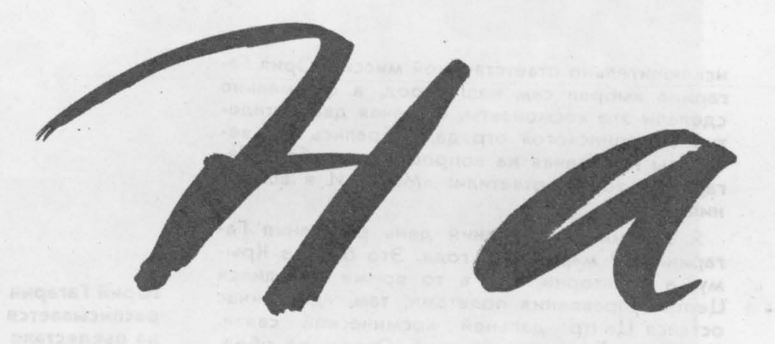
«Салют-6» — станция нового поколения. Она отличается от своих предшественниц не только наличием двух стыковочных узлов, но и возможностями выполнения таких сложных элементов программы полета, как внешний выход, заправка станции топливом, доставляемым «Прогрессами». На «Салюте-6» экипажи неоднократно меняли научное оборудование, которое приходило с Земли на «Прогрессах», тем самым существенно расширяя фронт научного поиска в космосе. Вспомним, например, уникальный эксперимент, выполненный с помощью космического радиотелескопа КРТ-10.

«Салют-6» стал гостеприимным домом для наших коллег — космонавтов братских социалистических стран, которые в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина прошли подготовку и вместе с советскими коллегами выполнили полеты. В этих полетах проведены научные исследования по программам и с помощью аппаратуры, изготовленной совместно и при самом тесном сотрудничестве академий наук социалистических стран с Академией наук СССР. Кроме научных исследований, на «Салюте-6» продолжались работы и прикладного характера: исследовались природные ресурсы Земли, выполнялись технологические эксперименты, проводились испытания новой аппаратуры и оборудования.

Да, за это двадцатилетие в космосе реализованы самые смелые планы и мечты, а жизнь и наши успехи постоянно их корректировали, сжимая сроки исполнения, приближая их воплощение. В космосе, да и на Земле, мы многому научились. Открылись широкие перспективы создания в космосе отрасли народного хозяйства. Именно на это нацелили нас решения XXVI съезда КПСС. И мы выполним все намеченные планы!

И все-таки, подводя итог этому двадцатилетию пилотируемых полетов, можно было бы сделать вывод: человек, выйдя в космос, увидел, ощутил, прочувствовал малость нашей планеты Земля и взял всю заботу о ее будущем на себя. Как это созвучно с заключительными словами Юрия Гагарина, которыми он завершил свой послеполетный доклад на заседании государственной комиссии: «Маленькая Земля наша, беречь ее надо!»

Это были слова Человека, первым облетевшего Землю и ставшего бессмертным.

Евгений РЯБЧИКОВ

РАССКАЗ

Милиция явилась по экстренному вызову: в подвале старого дома № 19 по Садово-Спасской произошел взрыв. У входа в подвал милиционера Михеева и его напарника ждала возбужденная толпа.

— Ой, взорвали!.. Терпежу нету...— заголосили старушки и старички при виде Михеева.— Страх какой!.. Стекла вышибает...

— Граждане, разойдемся!— строго приказал Михеев.— Без паники. Кто вызов делал?

Михеев только что наводил порядок на Сухаревском рынке, что шумно раскинулся у Сухаревской башни со своими ларями, балаганами, лоточниками и шныряющими в толпе воришками, и рассчитывал после возни с мошенниками и конокрадами передохнуть, а тут... взрыв. Дело серьезное.

— Разрешите, гражданин милиционер, дать пояснение...— заглядывая в глаза, вкрадчиво обратился к Михееву худосочный мужчина с нездоровым лицом.— Дело тут, видите ли, подозрительное. В данном подвале, как вам, конечно, известно, в старое время держал свои бочки виноторговец. Царство ему небесное, добрый был хозяин, и подвал отгрохал отменный.

— Короче!— прервал Михеев.

— В настоящее время в данном подвальном помещении обосновались весьма подозрительные, так сказать, субъекты.

— Чем подозрительные?— сухо спросил Михеев.— Факты? Доказательства? Что известно?

Назойливый мужчина дохнул Михееву в лицо перегаром:

— Делають взрывчатку. Может, в виде бомбы, может, в ином виде. Свою преступную деятельность алхимики прикрывають полетами на Луну и всякой тому подобной чертовщиной и чепухой. А это, как вы понимаете, что означает?— глаза отводят. Бдительность нашу тупять...

— Да не слушайте вы его, товарищ милиционер!— вырвалась из толпы разгневанная девушка в красной косынке.— Честное комсомольское! Ученые здесь работают. На Луну летят. Помощь им нужна. Беда у них стряслась — ОР взорвался, а не бомба.

— Кто вызов делал?— Отмахнувшись от девушки, Михеев сурово посмотрел на толпу.

— Да мы тут все делали,— басом заговорил дородный мужчина.— Это все правда: бомба! К-а-а-к шарахнуло... Тут и дым, и гарь, и стекла в крупу. А заступницу вы, товарищ милиционер, не слушайте: чево она, свистушка, в таком деле понимает? Тоже мне: наука! Может, она из той самой шайки.

— Может, и не из шайки, может, и не злоумышленники...— в раздумье заговорил плешивый старичок с длинными белыми усами.— Может, секта какая? А?

Толпа понимающе зашумела.

— Есть у них один — самый главный алхимик, а может, какой святой по-ихнему? — продолжал плешивый.— Так он не говорит как все мы, православные: «Доброе утречко» или «Здравствуйте, люди хорошие», а он, как входит в подвал, так вместо крестного знамения вроде своей какой молитвы: «О, Марс, когда я увижу тебя, Марс?» Цандером его зовут. Видали? Так что не преступники они, а по какой другой части — сказать не могу. Батюшку бы спросить надо.

— Разберемся,— сухо произнес Михеев. Голова у него заболела от противоречивых сообщений, шума, мелькания лиц и высказанных догадок. Но для него важно было уже то, что постепенно ослабевало чувство острой опасности, отпадала необходимость взводить курок. Желая поскорее разобраться в случившемся, Михеев коротко бросил напарнику: «Пошли!»— и стал осторожно спускаться в подвал. Каменные ступени давно были побиты тяжелыми бочками, сквозь кладку проросла трава.

Толкнув дверь, Михеев увидел рассерженного с виду, еще молодого человека с красивым волевым лицом. Сверкнув темными глазами, он представился:

— Я так и знал, что вы придете. Будем знакомиться: Королев. Сергей Павлович. Начальник ГИРД при Центральном Совете Осоавиахима. Цель вашего визита мне понятна. Жалоба? Ищете причину взрыва? Я все объясню.

Отстраняющим движением Михеев остановил Королева и первым вошел в сумрачный подвал. На него пахнуло кислотой, гарью, бензином и каленым железом.

— Должен принести извинения и вам и всем жильцам,— произошел неудачный запуск ОР... Да, прежде всего должен доложить вам о наших работах, имеющих государственно важное значение. Речь идет о будущем человечества.

Михеев остановился и обвел взглядом подвал. В дальнем углу какие-то люди торопливо убирали с пола сбитую взрывом штукатурку и куски обгорелого металла.

— Так... Значит, взрывами занимаетесь?— сурово спросил Михеев.— Жалоба поступила от трудящихся. Нарушаете общественный порядок.— Произнося эти слова, Михеев пробуравил Королева серыми колючими глазами.— Что за ГИРД? По какому праву заняли данный подвал? Кто такие?

Королев выдержал испытующий взгляд Михеева, горько усмехнулся и, предлагая ему грубо сколоченный табурет, сел рядом с ним на ящик, накрытый куском фанеры.

— Что могу сказать? Прежде всего: виноваты. Сами огорчены без меры. Все так было рассчитано, и вот...— Королев сжал пальцами подбородок и изучающе посмотрел на Михеева.— Так вот, сначала о ГИРД. Там, наверху,— по щекам Королева заходили желваки,— там бог знает что наговорили о нас,— мы к этому привыкли,— и алхимики мы, и злоумышленники, и бомбы делаем, и фальшивые деньги печатаем, и сектанты мы... Верно ведь, наговорили?

Хмуро слушая Королева и думая о своем — не отводит ли Королев своими досужими разговорами от сути дела?— Михеев открыл старый планшет и достал из него бумагу для составления протокола.

— Говорили, говорили...— усмехнувшись, подтвердил Михеев.— А на самом деле что?

— На самом деле?— Королев подумал и улыбнулся.— Не фальшивомонетчики, не сектанты, бомбы не делаем, работаем мы над ОР — это опытный ракетный мотор. Техника будущего. По Циолковскому работаем. О Циолковском слыхали?

— М-м-м...— неопределенно гмыкнул Михеев и с огоньком подозрительности в глазах посмотрел на Королева:

— Так... А документы есть?

— Есть и документы.— Королев открыл железный ящик и достал из него папку с решениями и выписками из протоколов ЦС Осоавиахима об организации ГИРД.— При этом он пояснил: — ГИРД — это Группа изучения реактивного движения. Создаем моторы для ракет.

— Жюль Верны?— хитро посмотрел Михеев.

— Да, как вам сказать... Жюль Верн предсказал то, что будет. А то, что будет, делается вот здесь.— Королеву важно было замять скандал, чтобы протокол не дошел до ЦС Осоавиахима. А то и так много всяких жалоб поступило туда. Не все верят в ГИРД. Есть и враги. Вот для противников ГИРД протокол

чало

о взрыве и будет сущим подарком. Создадут комиссию, начнется нудное расследование, опять пойдут разговоры о чудачествах гирдовцев, о пустой трате денег: все нервы издергают. «Конечно, отобьемся,—укрепился в своей вере Королев,— есть и верные защитники, есть верующие в ракетное будущее. Но все достанется «большими нервами»... Желая склонить Михеева на свою сторону, заинтересовать его планами ГИРД и тем, что уже сделано, Королев торопливо стал знакомить милиционера с документами, а затем представил ему и гирдовцев: научный руководитель ГИРД Фридрих Артурович Цандер, руководитель второй бригады Михаил Клавдиевич Тихонравов, руководитель третьей бригады Юрий Алексеевич Победоносцев, конструктор Николай Иванович Ефремов...

По мере того как Королев знакомил Михеева с гирдовцами, представитель милиции профессионально осматривал каждого с головы до ног. Его поразил Цандер, с впалой грудью, часто кашляющий, до того истощенный, что старый потрепанный костюм висел на нем, как на вешалке. В заплатах были его стоптанные ботинки. Но какие были у него глаза! Горящие, полные силы и вдохновения. Они заворожили Михеева, и он невольно вспомнил услышанные там, наверху, слова о Цандере как об алхимике, святом, вещуне. Рассудительный Тихонравов показался Михееву воплощением деловитости и серьезности. А он был в костюме, который постеснялись бы вытащить для продажи на барахолку. И Победоносцев, такой приятный, весь в доброй улыбке, носил костюм, словно взял его у старьевщика... Разве эти люди похожи на тех, с которыми частенько приходилось ему иметь дело? Могут ли они быть фальшивомонетчиками, бомбистами?

— Так вот, наша задача на данном этапе...— Королев, познакомив Михеева с гирдовцами, заговорил с той торопливостью, которая, как ему казалось, могла донести до Михеева возможно большее число сведений о ГИРД.— Наша задача — создать ракетный мотор и тем самым обеспечить полет ракеты. О полетах мечтали лучшие умы человечества. Вы напомнили о Жюль Верне. Да, Жюль Верн в своих мечтах-произведениях открыл будущее, но реальный путь к звездам нашел Константин Эдуардович Циолковский: ракета! И только ракета!

— Для полета на Марс...— заметил Цандер и натужно закашлял.— Что касается взрыва, то я дам вам полное техническое объяснение...

Королева передернуло, он гневно посмотрел на Цандера, давая ему понять, что сейчас не время объяснять техническую сторону происшествия — прежде всего нужно ознакомить милицию с самой сутью дела, с работой ГИРД, заинтересовать огромными перспективами, при этом отметить слабую материально-техническую обеспеченность лабораторий, вследствие чего так и получилось...

Слушая Королева, Михеев дал едва заметный знак своему напарнику: осмотри подвал!— закрыл планшет, поднялся с табуретки, и, поглядывая то на задымленный потолок, то на стены с обвалившейся штукатуркой и оголенными кирпичами, направился к месту взрыва. Шли все медленно и пока шли, Королев, в обычных условиях спокойный и говоривший рассудительно и веско, на этот раз спеша, рассказывал о ГИРД, об испытаниях ОР, а Цандер все его перебивал и старался вставить замечания о полетах на Луну и на Марс.

Было что-то привлекательное, искреннее, пылкое в самозабвенном рассказе Королева, в его горячем взоре, в несвойственной ему торопливости. Михеева тронул больной, часто кашляющий Цандер с его неистребимой верой в скорый полет на Марс. Самым спокойным и малоразговорчивым оказался Тихонравов, и если он начинал говорить, то только о государственной важности ГИРД для страны и всего мира.

— Значит, тут и был взрыв?— Михеев остановился на месте, где недавно производился «огневой эксперимент». Отойдя от Королева, он осмотрел пол, встал на колено и поковырял пальцем обуглившуюся половицу. Потом посмотрел на покрытый гарью потолок, взял со станка еще теплый осколок и подкинул его на ладони.

— Это то, что осталось от ОР...— объяснил Королев.— ОР — это опытный ракетный мотор...

— Ракетный мотор?.. Ракетный мотор...— повторил Михеев.— Не знаю. Не слышал.— А сам подумал: «Нет, не бомба. Ничего похожего на бомбу тут нет. Она бы все разворотила». А на гражданской войне Михеев видывал всякие гранаты и бомбы, имел представление о снарядах,— до ранения короткое время служил в полевой артиллерии. «Нет, не бомба!»— твердо решил он. Но взрыв все же был, и есть заявление от жильцов, значит, нужно вести расследование.

Шагая по подвалу, Михеев остановился около стенной газеты. Обыкновенная «стенновка», отличалась от сотен себе подобных разве тем, что заметки в ней были посвящены ракетам, ОР, соревнованию бригад, соревнование тоже посвящено ОР.

Во всем дотошный Михеев отколол «стенновку» и осмотрел за ней стену. Стена как стена — кирпич. Сделав несколько шагов и увидев фанерную доску для объявлений и приказов по ГИРД, Михеев тоже ее снял и опять не обнаружил на стене ни следов от икон, ни церковной росписи. Видать, права комсомолка, что вырвалась из толпы и защищала гирдовцев. Не сектанты, не фальшивомонетчики, а ученые, эти гирдовцы. Только вот наука у них какая-то странная, и сами они неприкаянные...

Обескураженный Михеев заглянул для порядка и в угол, отгороженный от всего подвала выцветшим ситцем. На столе, покрытом старой газетой, лежали неочищенная луковица, две картофелины «в мундире», стопкой высились тонко нарезанные ломтики черного хлеба. В жестяной банке хранились куски темно-серой каменной соли. Здесь же лежали аккуратно собранные продовольственные карточки.

— Чьи?— спросил Михеев.

— Наши,— ответил Королев.

— А почему низшего разряда?— Михеев взял карточку, посмотрел на свет. Нет, не фальшивая. Недоумение у Михеева возросло.— Почему такие?

— Да вот, видите ли, не все всё понимают и ценят...— потупившись, пояснил Королев.— Новое рождается в муках. В борьбе.

— Злые шутники говорят про нас,— вмешался Тихонравов,— ГИРД — это группа инженеров, работающих даром.

— Одну пару ботинок на всех дали...— с горечью заметил Победоносцев.— Дело, конечно, не в ботинках, не в карточках,— нам станки нужны, нам оборудование нужно, нам полигон нужен, чтобы не взрываться в жилом доме... В этом — главное.

— Будет полигон. Все будет. Не сразу,— успокаивающе сказал Королев. Но тут же странно улыбнулся, словно захотелось ему рассказать что-то веселое.— Когда возникает необходимость паять серебром, а у нас его нет, то мы бегаем по соседям, знакомым и близким, ищем его у бабушек и собираем по крестику, по серебряной ложечке. Но это дело временное.

Михеев был строг и смел, на гражданской войне и в милиции привык действовать решительно, о его «остром классовом чутье» на врага ходили легенды, а тут он почувствовал какую-то растерянность. В каменном подвале, где еще чувствовался тяжелый дух от бочек виноторговца, все было странно, и такими непонятными были гирдовцы. «Кто они?— размышлял Михеев.— Хитро маскирующиеся фальшивомонетчики? Сектанты? Бомбисты?» Его смутили луковица и картофелины на столе, эти продовольственные карточки, затасканные костюмы, заплаты на сапогах и ботинках. А тут еще подошел явно смущенный напарник, успевший обшарить подвал. Знаками он дал понять: ничего такого подозрительного не обнаружил, хотя все странно здесь, но улик никаких. Михеев понял, одобрительно кивнул напарнику, но предупредил: все же, браток, бдительности не теряй, смотри в оба.

— Значит, будем составлять протокол...— Михеев сел за стол и разложил перед собой бумаги.— «Протокол о произведенном взрыве в подвальном помещении дома № 19 по Садово-Спасской улице города Москвы от 1932 года...» — Тут Михеев отложил карандаш и испытующе посмотрел на Королева. Тот стал угрюмым, горькие складки сошлись около его губ. Не удалось ему убедить Михеева... А послезавтра — заседание Центрального Совета Осоавиахима, будут слушать его доклад. Обещали помочь дать полигон. И вот... Беда... Засмеют недруги.

Много видел Михеев за свою жизнь горя и подлости, а тут осекся и задумался. Если все правда, что говорит этот упрямый и сильный человек Королев, если крепка и верна убежденность чахоточного Цандера, если они праведники и пророки, то как бы ему не наломать дров? Михеев почувствовал, как на его плечи обрушилась невидимая, но великая ответственность.

Держа руку на впалой груди, на Михеева вопрошающе смотрел Цандер. Глаза его пылали. Королев все больше мрачнел, казалось, он сейчас взорвется от негодования, усталости и оттого, что не верят в его дело. Но, переломив себя, Королев просительно обратился к Михееву:

— Взрывов больше не будет. Обещаю. Вот получим в Нахабино полигон — дело осталось за оформлением,— там и будем проводить огневые испытания ОР. Ну, а здесь... Все восстановим. У жильцов будет полный покой и порядок.

— Честно?— строго спросил Михеев.

— Здесь взрывов не будет,— твердо заявил Королев.

Михеев скомкал протокол и спрятал его в планшет.

— Доложу начальству без протокола свое особое мнение. Работайте.

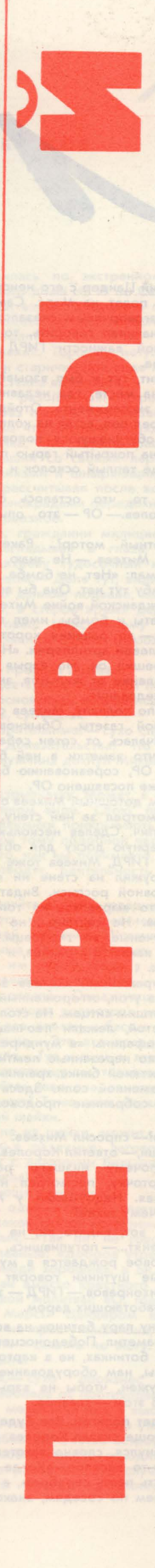
— Спасибо!— Королев заулыбался и словно весь засветился.— Поверьте, будут летать ракеты над Союзом Советов. Будут. Обязательно будут!

— Приглашаем в полет на Марс.— Цандер закашлялся и схватился за грудь.— Мы увидим Марс.

Откозыряв, Михеев с напарником направился к выходу из подвала, но остановился, круто повернулся и в упор посмотрел на Королева:

— Дадим серебро для пайки. Только без взрывов. Ясно?

— Спасибо.— Королев светился еще сильнее и стал весел.— А ракеты будут летать. Увидите.

Юрий Алексеевич Гагарин.

ИМЯ ЮРИЯ ГАГАРИНА ИЗВЕСТНО ВСЕМ ЛЮДЯМ ПЛАНЕТЫ. И КАК ЖЕ НАМ ДОРОГИ СЕГОДНЯ КАЖДЫЙ НЕИЗВЕСТНЫЙ РАНЕЕ ШТРИХ ЕГО ЖИЗНИ, КАЖДАЯ НОВАЯ ФОТОГРАФИЯ.

Фото А. Устинова, А. Сергеева, Д. Переверзева

Ю. А. Гагарин и С. П. Королев на прогулке с женами.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручает орден Ленина и медаль Золотая Звезда Юрию Гагарину.

В гостях у академика А. П. Александрова.

В семье.

XIV съезд ВЛКСМ. Почетное право вынести знамя было предоставлено Юрию Гагарину.

ИНТЕРВЬЮ, НАПЕЧАТАННОЕ ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ

А. ГОЛИКОВ

По журналистским делам мне неоднократно приходилось встречаться и беседовать с Юрием Алексеевичем Гагариным. Первый разговор с ним произошел случайно. Как-то в 1960 году я приехал собирать материал для репортажа в научное учреждение, где готовили к полетам на большие высоты подопытных животных. Разговор с ученым закончился. Один из них проводил меня, и в коридоре мы встретили группу молодых офицеров-летчиков.

— Смотрите внимательно,— сказал ученый.— Это будущие космонавты. Один из них первым шагнет во Вселенную.

— Который именно?

— Тот, у кого самое горячее сердце, самый быстрый ум, самые крепкие нервы, самая сильная воля и, наконец, который умеет радоваться жизни,— улыбнулся ученый и, посерьезнев, добавил:— Первому космонавту придется особенно трудно. Предстоит ступить в неизведанное.

Я во все глаза смотрел на молодых летчиков, стараясь угадать будущего Колумба космоса. Облюбовал атлета с могучими плечами, тяжелыми руками силача, с чеканным профилем. Черные как смоль брови срослись у него на переносице, придавая лицу выражение суровой непреклонности.

— Как его фамилия? — спросил я.

— Пока фамилии космонавтов называть не положено, — ответил ученый.

Через несколько дней я снова приехал в научное учреждение.

— Вовремя прибыли,— приветствовал меня ученый.— Сегодня один космонавт тренируется на центрифуге. Можете посмотреть.

Обрадованный, иду к центрифуге и... разочарование. К тренировке готовили стройного паренька с открытым русским лицом, веселыми светлыми глазами. Но ему, конечно, было далеко до чернобрового богатыря.

Пареньку прикрепили датчики, и он осторожно, чтобы не сорвать их, сел в кабину центрифуги. Я вместе с врачами поднялся в помещение, чем-то напоминающее капитанский мостик корабля. Здесь находился пульт управления центрифуги, экран телевизора, приборы, автоматически регистрирующие сердечную деятельность, дыхание, кровяное давление. Передняя стена — сплошное окно в круглый зал, поперек которого, словно крылья диковинной птицы, распласталась металлическая конструкция центрифуги.

Прозвучал короткий гудок, вспыхнули красные лампочки, приборы-самописцы начали вычерчивать кривые. Кабина центрифуги двинулась и стала вращаться, набирая скорость.

— Единица! Два! Три!.. Пять!..— сообщает величину перегрузки оператор у пульта управления.

Скорость вращения все возрастает. В телевизоре я вижу лицо паренька. На него навалилась огромная тяжесть, а он улыбнулся и озорно подмигнул, зная, что за ним наблюдают. А потом стал называть по памяти внезапно появившиеся на световом табло цифры от единицы до десяти. Цифры возрастали по значению и уменьшались в размере.

— Молодец Юра! — сказал врач.— Перегрузки выдерживает отлично.

После тренировки я подошел к Юре. Датчики уже сняли, и он отдыхал, сидя на стуле. Руки были устало опущены вдоль тела, почерневшая от пота прядь волос прилипла к высокому крутому лбу.

— Нелегко приходится? — спросил я.

— Ничего! «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат»,—улыбнулся он.

— А когда же вы решили стать космонавтом?

— Впервые об этом подумал, сидя в «Голубом карантине». Так в шутку называют курсанты авиационного училища время ожидания присвоения офицерского звания. Курс обучения закончен. Аттестаты посланы в Министерство обороны, и все с нетерпением ждут золотых погон. Тогда как раз газеты сообщили о запуске второго искусственного спутника Земли с собакой Лайкой на борту. Ну и я, как, вероятно, тысячи моих сверстников, подумал — собачка полетела, значит, скоро и человек. Вот бы стать этим первым космонавтом!

Подумал и забыл: много событий произошло. Стал офицером-летчиком, женился, отправился служить на Север... На Севере у нас летать было сложно, климат суровый, но мне нравилось. А газеты сообщали все о новых и новых достижениях в освоении космоса. Прошел у нас слушок, что в космонавты будут отбирать из летчиков. Вот тут и вспомнилась мне забытая мечта, да так вспомнилась, что только о ней и думал. Когда стало можно, я сразу подал рапорт по команде с просьбой зачислить меня в группу кандидатов в космонавты.

— А как ваша жена к этому отнеслась?

— О рапорте ничего не сказал. А когда узнал, что зачислен и надо ехать в Москву, сообщил ей, что меня переводят на летно-испытательную работу.

— И что же сейчас, довольны?

— Очень. Если удастся полететь в космос... Да что говорить! Значит, жил не напрасно...

Паренек говорил искренне, увлеченно и нравился мне все больше. Я уже с сожалением думал о чернобровом Геркулесе, тягаться с которым Юре, конечно, не по плечу. И, прощаясь, я из вежливости пожелал Юре стать первым космонавтом нашей планеты.

Фамилию Юры я не спросил — это не разрешалось. И когда в среду 12 апреля 1961 года услышал по радио, что в космосе майор Юрий Алексеевич Гагарин, даже не подумал, что это мой знакомый. И, только увидев портрет, узнал его. Узнал, что тогда я беседовал с первым космонавтом планеты.

ХЛЕБ И ЗВЕЗДЫ

Руководитель недавно созданного в Краснодаре Центра по использованию аэрокосмической информации в интересах сельского хозяйства Энвер Махмудович Трахов показывает мне впервые полученную из космоса карту одного из крупных районов Кубани. На карте четко выделены участки с различными, даже небольшими отклонениями от высоких нормативов, предъявляемых к местным зерновым культурам. Разумеется, эти карты были немедленно направлены специалистам сельскохозяйственного производства.

Какие это принесло результаты? Красноречивей всего о них говорят строки из недавнего постановления бюро Краснодарского крайкома партии. В постановлении отмечается, что центр оказал большую действенную помощь по выявлению очагов распространения мышевидных грызунов на посевах многолетних трав, очагов подтопления или затопления посевов, по выявлению площадей озимой пшеницы, гибнущей от вымокания, повреждения, изреженности, дал общую оценку степени развития растений.

— Взгляните на снимки, трансформированные на электронно-вычислительной машине,— предлагает Энвер Махмудович.— Вот небольшие пятна на поверхности пахоты, они сигнализируют о начале развития водной эрозии почвы. С земли обнаружить начало развития этого явления нелегко. А вот черные овалы — колонии грызунов на посевах люцерны. И в этом случае увидеть и оценить масштабы грозящей беды гораздо проще с высоты. В целом мы можем даже незначительные на первый взгляд перемены в состоянии той или иной культуры, зафиксированные на пленке, достаточно достоверно расшифровывать. При этом используются известные или специально разработанные дешифровочные признаки: например, тон, цвет, рисунок, текстура, форма и размер выделяемых контуров, их расположение в рельефе.

При обработке снимков применяются различные приборы. Вот, скажем, на одном из них определяются фотометрические характеристики. По ним можно судить, например, о содержании перегноя в почве, о густоте посевов.

Сейчас создается информационно-управляющая система комплексной обработки аэрокосмической и наземной информации в интересах сельского хозяйства.

В последнее время в Краснодар стали все чаще приезжать космонавты. Специалисты регионального центра летают с ними на самолетах, с борта которых ведутся наблюдения за сельскохозяйственными посевами, возят их на опытную станцию Краснодарского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Проводятся деловые встречи в поле с агрономами, бригадирами, колхозниками, рабочими совхозов. Где лучше, чем здесь, можно увидеть, как, например, разнятся по цвету пшеница и ячмень, как они выглядят на разных стадиях развития? Как выглядят различные аномалии: изреженность, засоренность, загущенность, каковы признаки болезней — мучнистой росы, бурой ржавчины?

Были здесь и те, кто сейчас работает на орбитальной станции «Салют-6»,— Владимир Коваленок и Виктор Савиных. Вот что сказал незадолго до старта командир экипажа Герой Советского Союза Владимир Коваленок:

— Совместная работа с сотрудниками Краснодарского центра обогащает нас взаимно. И если мы станем снова работать на орбите, то будем грамотнее подходить к решению различных проблем, обладая теми знаниями, которые дает нам Краснодарский центр. А мы делимся тем, что увидели из космоса.

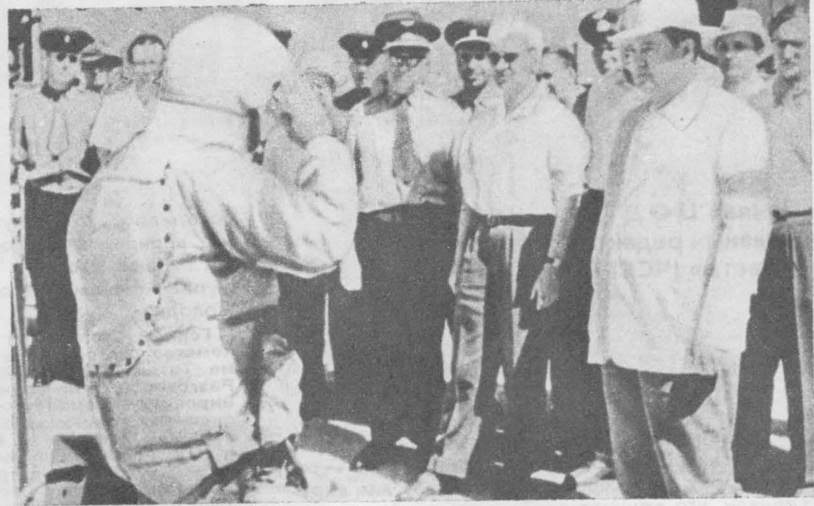
Если мы знаем, какая культура посеяна на поле, знаем ее характерные признаки на различных стадиях, то нам легче понять, что с ней происходит. На орбитальной станции «Салют-6» имеется очень умная аппаратура, которая от полета к полету совершенствуется. С ее помощью мы получаем мелко- и крупномасштабную информацию, необходимую народному хозяйству.

Недавно закончена обработка последних материалов о состоянии посевов озимой пшеницы и ячменя на большой площади. Научный прогноз получен специалистами для трехсот тысяч гектаров посевов. По этим материалам работают сейчас в колхозах и совхозах Кубани, на краевой станции защиты растений.

Центры, подобные Краснодарскому, организованы также в Ташкенте и Саранске. На территории нашей страны в ближайшие годы предполагается создать еще семь центров. Подсчитано, что общая эффективность их работы должна достигнуть полутора миллиардов рублей в год.

В. СКВОРЦОВ

Кадры из документального фильма «Мстислав Келдыш».

ГЛАВНЫЙ ТЕОРЕТИК

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Это первая попытка рассказать средствами кино об удивительном человеке, том, кого называли Главным Теоретиком Космонавтики — блестящем ученом современности Мстиславе Всеволодовиче Келдыше. Попытка отважная, ибо из-за свойств своего характера и особенностей профессии академик Келдыш принадлежал к тем людям, что не любят устремленных на них глаз кино- и фотоаппаратов. Мало осталось пленок, рассказывающих о Главном Конструкторе и Главном Теоретике. И те, что остались,— бесценны. Нет сегодня с нами ни Сергея Павловича Королева, ни Мстислава Всеволодовича Келдыша. Но мысль их, воплотившаяся в математические формулы и космические корабли, бессмертна. И бессмертна память о них в сердцах людей. Это главное, что хотели сказать создатели недавно вышедшего документального фильма «Мстислав Келдыш» (авторы сценария А. Красильщиков, Г. Распопов, режиссер Г. Распопов, оператор Г. Мякишев. ЦСДФ).

Апрель 1961 года. Весенняя Москва рукоплещет первому космонавту мира Юрию Гагарину. Проезжают машины в сопровождении почетного эскорта мотоциклистов. А за кадром звучит голос диктора: «Ехал в одной из этих машин Теоретик Космонавтики. Был звездный час его и всего человечества, было ему тогда пятьдесят лет, и ходили о нем среди ученых легенды...»

Зритель видит в фильме и тех ученых, кому выпало счастье знать Мстислава Всеволодовича, работать с ним. Каждое интервью прибавляет новую черточку к многогранному портрету. Авторы проделали поистине огромную работу, собирая буквально по крупицам кино- и фотодокументы о М. В. Келдыше. Использованы материалы из семейного фотоальбома, архива Академии наук, кинохроники, кадры научных фильмов, рассказывающих об испытаниях новой техники. Мы видим Мстислава Всеволодовича в цехе авиационного завода в военные годы, во время модельных испытаний в лабораториях ЦАГИ и даже за штурвалом самолета. Марк Галлай вспоминает, как один из авиаторов сказал Мстиславу Всеволодовичу: «Тебе бы в летчики идти, у тебя здорово получается, что ты там у себя киснешь». А вот уже академик Келдыш — Главный Теоретик Космонавтики вместе с другими членами Государственной комиссии на Байконуре принимает рапорт Юрия Гагарина...

Мы узнаем такие знакомые всем теперь, молодые лица Курчатова, Королева, Келдыша. Три «К»— так называли их товарищи. «И так же хотели они назвать летательный аппарат с атомным двигателем, что мечтали сделать вместе»,— говорит диктор.

Авиация, математика, атомная физика, вычислительная техника, освоение космического пространства — во всем этом проявился яркий талант академика Келдыша.

Я была на первом показе фильма в большом зале Дома ученых, где проходят обычно общие собрания Академии наук. В зале сидели те, кто знал Мстислава Всеволодовича Келдыша, работал с ним, кто пятнадцать лет избирал его своим президентом. По тому напряженному вниманию, с каким смотрели фильм ученые, по отрывочным замечаниям, по разговорам после окончания, было ясно, что и им, друзьям и коллегам Келдыша, фильм не просто понравился, он рассказал много нового о человеке, которого они, казалось бы, знали. Фильм сделан с удивительным чувством такта, деликатности. На нем лежит отпечаток личности Мстислава Всеволодовича. И в этом, думается, заслуга прежде всего научных консультантов А. Забродина и Н. Ченцова, ученых-математиков, прекрасно знавших не только научные труды академика Келдыша, но и его характер, глубоко и восхищенно любивших его.

Очень точно нашли авторы фильма сам тон рассказа о М. В. Келдыше. «Я поэт и этим интересен»,— сказал о себе Владимир Маяковский. Академик Келдыш, конечно, интересен миру прежде всего как ученый, математик, тот, кто, будучи еще совсем молодым, прославился своими работами по устранению страшных явлений в авиации — флаттера и «шимми». Как тот, кто в годы войны с фашизмом так много сделал, чтобы наши самолеты были лучше, надежней самолетов врага. Как тот, кто создавал теорию полета первых космических аппаратов. Как тот, кто буквально за несколько дней до смерти работал над проектом космических солнечных станций и передачи их энергии на Землю...

Все это так. Но ведь академик Келдыш интересен нам и как яркий организатор науки. В фильме мы видим его на заседаниях Президиума Академии наук СССР, слышим его голос, фрагменты докладов. А вот он, исполненный веселого юмора ведет пресс-конференции, связанные с победами нашей страны в космосе. Вот он, радостный, оживленный, во время своей поездки на Дальний Восток в связи с созданием там Дальневосточного научного центра... А какую большую общественную деятельность вел он, будучи депутатом Верховного Совета СССР, членом Центрального Комитета партии...

Помню тот горький, жаркий летний день, когда Мстислав Всеволодович так неожиданно ушел из жизни. Ленинский проспект был перекрыт. Я шла вместе с сотнями людей в печальной процессии к зданию Президиума Академии наук, чтобы проститься с человеком, занимавшимся всю жизнь абстрактной наукой — математикой. Многие никогда не видели Келдыша, но он был всем дорог. Каждому по-своему. Не только как ученый, но как яркая прекрасная личность, как добрый отзывчивый человек, как государственный деятель.

Создатели фильма, понимая, как бесценны все штрихи жизни этого человека, бережно перенесли на пленку скромную обстановку его рабочих кабинетов — и дома, в квартире, и в Институте прикладной математики, директором которого он был. Органично входят в фильм съемки залов Эрмитажа, что знали, «как неслышно застывал он у картин, как встретили его здесь ученые — участники Международного конгресса по космонавтике, и как стал господин академик их экскурсоводом, отвечая без переводчика на разноязычные вопросы... И откуда было знать им, как много лет собирал и изучал он книги по живописи, читая их на английском, немецком, французском, итальянском и испанском языках...»

Очень хорош лаконичный и эмоциональный дикторский текст, взволнованно читает его А. Консовский.

Фильм окончен. Но еще долго звучат в душе каждого, кто его посмотрел, слова М. В. Келдыша о творчестве ученого:

«Думаю вообще очень немногое может быть сравнено с тем чувством, которое овладевает человеком, когда он сделал научное открытие. Это напоминает мне Грига. Он шел полем и услышал, как простая деревенская девушка поет песню на его мелодию. И он понял, что его музыка стала частью ее души... Его творение вошло в народную душу... Вот такая же радость овладевает и исследователем, когда он видит, что его открытие преобразует жизнь...»

С МЫСЛЬЮ О ЗЕМЛЕ

Милан ЦОДР,
главный редактор журнала
«Кветы» (ЧССР)

Двадцать лет назад впервые в просторах космоса прозвучал человеческий голос — голос Юрия Алексеевича Гагарина. И мы вдруг поняли, что таинственный, неведомый мир, знакомый прежде лишь по фантастическим романам,— вот он, рядом! Поначалу мы даже и не знали, как, собственно, распорядиться этим великим даром прогресса. Да, нам рисовались города на Луне и на Марсе, да, мы строили дерзновенные планы, но все-таки едва ли ясно представляли себе тогда, какое конкретное значение для каждого из нас, обыкновенных землян, будут иметь в ближайшие десятилетия полеты в космос.

Потребовалось время, прежде чем мы увидели, какова она в действительности, родная планета. Потребовалось время, прежде чем мы осознали: наступило нечто небывалое в истории человечества, с вступлением человека в космос жизнь начала развиваться по стремительной спирали. Проекты лунных городов под гигантскими искусственными сводами отодвинулись в лучшем случае до следующего столетия, но, с другой стороны, космонавтика стремительно вторглась во все области человеческой деятельности — от прогнозов погоды до выплавки уникальных сплавов на околоземной орбите, от земледелия до генетики, от наблюдений за Солнцем до изучения элементарных частиц. Минувшие четверть века убедили в том, что наш космический поход не случайная вспышка залетевшего в земную атмосферу метеорита, а закономерное выражение возможностей человечества.

Словно магический кристалл, космонавтика вобрала в себя все сегодняшние знания мира; она сблизила многие отрасли наук, вызвала к жизни новые, стала мощным стимулятором роста производительных сил, ускорила фронтальное наступление на микро- и макромир. И тем шагом, что так безгранично раздвинул ее горизонты, было вступление человека на палубу космического корабля.

...Три года назад, когда на орбиту вышел советско-чехословацкий экипаж, я вел репортажи из Центра управления полетом. В главном зале в несколько рядов висят фотографии. Это галерея космической славы — портреты всех советских космонавтов, побывавших во Вселенной с 1961 года. Вот уже двадцать лет я веду телевизионные комментарии по космосу и встречался — лично или посредством телеэкрана — с каждым из них.

Юрий Алексеевич Гагарин... Даже не верится, что прошло уже двадцать лет с того дня, когда я впервые увидел его на борту Ту-104, летевшего из Москвы в Прагу. Гагарин отправлялся в свою первую зарубежную поездку. Он стоит перед моими глазами как живой, как будто это было вчера: молодой, статный, в ладно скроенной шинели и с незабываемой улыбкой, покорившей весь свет. Потом были другие встречи. В 1965 году я первым из зарубежных журналистов посетил Звездный городок, был у Юрия Алексеевича дома. Мы сидели в его кабинете, и Гагарин говорил: «Космонавт — профессия пока еще редкая, уникальная, но со временем она станет такой же обыкновенной, как и любая другая. Я убежден, с нами полетят и космонавты из Чехословакии, из других социалистических стран. А для вас, журналистов, приготовим специальный космический автобус. Так и быть, местечко для тебя закажу! А пропуском будет этот значок»,— смеясь, он протянул мне красивый золотисто-голубой значок космонавта. Говорилось это полушутя-полусерьез, но оба мы верили, что такое время придет! Значок тот храню, хоть и знаю: место в будущем журналистском «автобусе» придется уступить молодым...

Герман Степанович Титов. Наше первое знакомство состоялось в кабинете Каманина. Кроме Титова, тут были Комаров и Быковский. Разговор шел об орбитальных станциях, о тренировках космонавтов, о Луне — и о повседневных земных заботах. Потом мы вместе совершили поездку на место, где погиб Гагарин, и там неожиданно встретили мать Юрия. Не забыть мне этой встречи... Помню также комментарии Германа Степановича к стыковке грузового корабля «Прогресс-1» со станцией «Салют-6», которую я наблюдал на экране телевизора как раз у него дома...

Алексей Архипович Леонов. Это такой человек, что никогда не лезет за словом в карман, всегда у него наготове меткая реплика или шутка. И всегда реплики его не просто к месту — в них недюжинный ум. Каждый раз, встречаясь с Леоновым, я пытался постичь его характер, понять секрет его завидной общительности. Какова бы ни была ситуация, Леонов всегда остается самим собой. Он воплощение действия, если можно так выразиться. Как сжатая и стремительно отпущенная пружина. Таким он был на конгрессах по астронавтике в Амстердаме и Лос-Анджелесе, на митинге в чехословацком городе Пельгржимове, где он выступил как пламенный пропагандист чехословацко-советской дружбы, на встрече европейских писателей-фантастов в Познани, на совещании представителей академий наук ЧССР, Польши и ГДР в декабре 1977 года, посвященном подготовке к полетам космонавтов из этих стран.

Картины Леонова я видел в его московском ателье, на нескольких выставках. Я не профессиональный критик, но думаю: очень хорошо для науки и для искусства, что среди тех, кому первому довелось работать в космосе, оказался человек, который взглянул на открывшийся нам мир одновременно и как исследователь и как художник...

Павел Иванович Беляев. Как-то я сопровождал его в поездке по Чехословакии. В программе была и встреча с нашей молодежью. Сколько ему тогда задали вопросов! Беляев был невозмутим, отвечал спокойно и рассудительно, поначалу даже казалось — ему вообще чужды эмоции. Но это было лишь первое впечатление. По мере того как разгоралась дискуссия, входил в азарт и он. Во встрече участвовали музыканты из молодежного ансамбля. Павел Иванович признался им, что когда-то с удовольствием играл на гармонике. Пришлось ему и на этот раз взять в руки гармонь!..

С Алексеем Станиславовичем Елисеевым я встречался в Центре управления полетом. Деловито и исчерпывающе он знакомил журналистов с ходом полета очередного международного экипажа. Я с удивлением узнал, что у Елисеева звание мастера спорта, дважды он завоевывал титул чемпиона страны по фехтованию. И вот настала заключительная пресс-конференция в Центре управления полетом. Стыковка «Союза-28» прошла по программе, и после нескольких дней напряженного ожидания все мы испытывали огромное облегчение и радость. Улыбаясь, Елисеев говорил: «Характер нашей работы — сказать вам как можно меньше, характер вашей, наоборот,— узнать от нас как можно больше. Думаю, за эти дни мы хорошо поняли друг друга, увидели вблизи, какая у каждого «кухня». Обеим «сторонам» это только на пользу». Надо сказать, с первого до последнего дня полета Елисеев и все сотрудники Центра, хоть у них своих забот было по горло, стремились создать журналистам такие условия, чтобы мы получили максимум информации. Навсегда запомню эти минуты, проведенные среди «лоцманов космических трасс»...

Сколько же их, составляющих космическую славу Советской страны! Проплывают чередой все новые и новые лица, и я вспоминаю дружеские вечера с Севастьяновым, сосредоточенного Кубасова, внешне сдержанного Рукавишникова, Аксенова и Губарева, вспоминаю, с каким жаром Георгий Гречко рассказывал о том, как они на «Салюте-4» ремонтировали солнечный телескоп...

Двадцать лет пролегли между первым стовосьмиминутным полетом Гагарина и космической одиссеей Попова и Рюмина, для которых «Салют-6» стал домом больше чем на полгода. Двадцать лет — и вдохновенный, упорный, самоотверженный труд сотен коллективов, десятков, сотен тысяч людей. Тех, кто строил ракеты и орбитальные станции, кто колдовал над приборами и готовил эксперименты, кто вместе с космонавтами переживал каждый их новый шаг в неизвестное, с замиранием и трепетом регистрировал каждое их дыхание и каждый удар сердца, кто вместе с ними каждой клеткой ощущал напряжение старта и непередаваемую радость возвращения на Землю.

Думаю и о наших чехословацких ученых и техниках, которым благодаря программе «Интеркосмос» представилась возможность участвовать в космических экспериментах. Вспоминаю волнующую атмосферу, царившую при подготовке приборов для спутника «Интеркосмос-1» в 1969 году. Что греха таить — первые шаги в этой качественно новой области сотрудничества давались нелегко. Ведь многим у нас космонавтика тогда еще представлялась далекой-далекой мечтой. Надо было бороться, доказывать, убеждать — и работать, работать не покладая рук. Но именно в преодолении этих трудностей и рождались, набирали силы коллективы преданных своему делу специалистов из различных научных институтов и учреждений. Затем состоялись первые совещания по космонавтике представителей социалистических стран. Каждый опирался на опыт своих советских партнеров. Так возникал прочный союз единомышленников и друзей, ставший сегодня неотъемлемой частью социалистической интеграции,— программа «Интеркосмос». Она дала возможность проводить исследования комплексно, по единой методике, с максимальной отдачей используя технический и научный потенциал братских стран.

Сотрудничество, о котором когда-то мечтал Юрий Алексеевич Гагарин, приносит первые добрые плоды. На моих глазах рождался, например, рентгенофотометр для спутников «Прогноз-5» и «Прогноз-6» в Пражском научно-исследовательском институте радиотехники имени А. С. Попова. В Братиславе, Праге, Брно, в Оломоуце и Кошице я наблюдал за подготовкой биологических экспериментов для серии спутников «Космос». Ряд экспериментов, которые успешно провели на орбите Губарев и наш первый космонавт Ремек, также был разработан в ЧССР. В пражском геофизическом институте построен первый чехословацкий спутник «Магион» для изучения магнитосферы и ионосферы; выведенный на орбиту с помощью спутника «Интеркосмос-18», он работал в течение двух лет после запуска. А недавно я узнал, что для будущих исследований чехословацкие ученые готовят систему спектрометров, приборы для регистрации солнечного рентгеноизлучения и другое специальное оборудование. Уверен, уже в нынешнем десятилетии, опираясь на успешный опыт работы международных экипажей, будут проложены новые космические трассы.

Стартуют в небо все новые и новые корабли, и свет далеких звезд уже не кажется нам таким холодным. Потому что мы знаем: там, в космосе, бьется горячее человеческое сердце.

Прага.

А. Леонов, А. Соколов. «ВОСТОК-1» ВЫВОЗЯТ НА СТАРТОВУЮ ПЛОЩАДКУ. 1981.
А. Соколов. «ВОСТОК-1» ВЫШЕЛ НА ОРБИТУ. 1981.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Ю. Королев. Род. 1929. КОСМИЧЕСКИЕ БРАТЬЯ. 1981.

ПРОДОЛЖЕНИЕ

20-летию исторического полета Юрия Алексеевича Гагарина на корабле «Восток» посвятили свой новый альбом лауреаты премии Ленинского комсомола А. Леонов и А. Соколов «Жизнь среди звезд», вышедший в издательстве «Молодая гвардия».

Каждый день благодаря самоотверженному труду людей многих профессий, ученых и космонавтов земляне получают новые сведения о Вселенной. И естественно, что у многих из нас возникает желание зримо представить себе реальную панораму космических далей.

Изобразительное искусство обладает такой возможностью, тем более, что художники, чьи произведения помещены в альбоме, знают о космосе не понаслышке. А. Леонов дважды побывал на околоземной орбите, первым ступил за борт космического корабля. Творчество А. Соколова отмечено не только интуицией, но и глубоким знанием достижений и проблем современной науки.

Художниками достоверно изображены подробности, которые не могут запечатлеть даже самые совершенные кинокамеры. Познавательное значение альбома велико. Но не менее сильно эмоциональное, образное впечатление от картин и рисунков, в которых удачно использована выразительность композиции, ритма, цвета.

Словно из романтической дымки истории выступают рисунки А. Леонова — изобразительная летопись космодрома Байконур, начинающаяся от первых палаток, от домика, в котором Гагарин провел ночь перед полетом... Опубликованы также рисунки А. Леонова, выполненные им непосредственно в космосе.

А вот перед нами эскизы картин А. Соколова и рядом с ними завершенные произведения. Это тоже эксперимент. Эскизы отправлялись вместе с космонавтами, и те сравнивали их с натурой — с пейзажами Земли, наблюдаемыми с орбиты. Мера подлинности оказалась очень высокой. Были, конечно, и коррективы, учтенные автором. Занимаясь подобной сверкой, космонавты сделали ряд интересных наблюдений. Многие картины, репродуцированные в альбоме, дают наглядное представление о том, как космические исследования служат добрым земным делам, развитию народного хозяйства.

Мысль ученых, космонавтов, творческое воображение художников обращены в будущее. Вместе с авторами альбома мы переносимся к рубежам третьего тысячелетия, когда будут исследоваться дальние планеты солнечной системы и человечество выйдет в просторы Галактики...

Большую помощь авторскому коллективу оказали ряд отечественных и зарубежных организаций, советские космонавты, американские астронавты, ученые разных стран. Альбом отразил международное сотрудничество в космосе, ярко выразив мысль о том, что освоение космоса призвано служить благу человечества, прочному миру на нашей прекрасной Земле!

В. АКСЕНОВ,
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

ПРОПИСАТЬ НА ОРБИТЕ

этюды о будущем

Наверное, трудно представить, свидетелями каких событий станут наши потомки, скажем, лет через сто, если сохранятся нынешние темпы освоения космоса.

Третье десятилетие отсчитывает практическая космонавтика. Спутники ретранслируют телевизионные программы, газетные полосы, телефонные переговоры. Из космоса ведутся измерения и наблюдения, используемые в геологии, метеорологии, земледелии, во многих других областях знаний и человеческой деятельности. Вот уже три с половиной года активно работает орбитальная научная станция «Салют-6», принявшая недавно на борт пятнадцатую по счету экспедицию космонавтов.

Космонавтика все больше входит в нашу жизнь, даже повседневную. Кажется, миновало время удивительных свершений. Так ли это! Таков первый вопрос известному ученому.

В. С. АВДУЕВСКИЙ,
академик,
лауреат Ленинской премии

— Итак, вас интересует, не обещает ли космонавтика в пределах, конечно, обозримого будущего, нечто такое, что пока нелегко укладывается в сознании?

Вот вам пример. Сейчас все идет к созданию единой системы машинной памяти, где будут собраны сведения по самым разным областям человеческих знаний. И тогда, не сходя с места, подключившись, словно вилкой в розетку, в сеть, врач, математик, химик, биолог, агроном — любой специалист, находясь в любом географическом районе, сможет тут же получить через спутник от системы все то, что ему нужно. А если надо, то таким же образом обработать свою информацию на вычислительной машине. И тоже через спутник.

Уровень техники сегодняшнего дня позволяет говорить об организации в недалеком будущем системы связи с абонентом, не привязанным к каким-либо наземным узлам связи, о создании единого информационного поля, в которое может включиться любой абонент в любое время и в любой точке земного шара. Достаточно близким представляется и создание системы навигационных спутников. Связавшись со спутником с помощью портативного устройства, абонент сможет с высокой точностью определить свое положение, курс движения и скорость. Думаю, не нужно пояснять, как много это будет значить для всех видов транспорта, экспедиций, геологических партий.

— Сможет ли, по вашему мнению, космическая техника помочь в решении энергетической проблемы?

— Конечно. Это прежде всего создание вне земной атмосферы солнечных электростанций. Уже существуют проекты таких космических мощных электростанций. При этом предлагается развернуть на высокой орбите солнечные батареи площадью в несколько сот квадратных километров.

— А затем получаемую энергию передавать на Землю?

— Принципиально такое сделать можно — в диапазоне сверхвысоких частот, но полагаю, это скорее всего будет небезвредно для некоторых явлений в природе и нашей жизни. Вернее всего, идея осуществится в создании электростанций коллективного пользования для спутников, космических кораблей и орбитальных станций. Причем здесь будет достаточно значительно меньшей площади панелей. Даже менее одного квадратного километра вполне хватит для всех спутников сразу. Солнечная электростанция в космосе может существовать годами.

— Хотелось бы узнать подробнее о техническом осуществлении самой идеи развернуть в космосе хрупкую конструкцию столь большой площади.

— Видите ли, логика освоения космоса такова, что нам постоянно приходится преодолевать устоявшиеся земные представления. Вот вы говорите: хрупкая конструкция. Но где хрупкая? На Земле, где гравитация и ветры. А чистая космическая среда — без возмущений. Далее, мы неизменно усиливаем выводимые на орбиты конструкции, увеличиваем их вес только из-за того, чтобы они не сломались в тех участках, где действуют перегрузки до трех — пяти единиц собственного веса. Поэтому хрупкие конструкции нужно собирать в космосе, а затем с помощью электродвигателей малой тяги выводить панели на более высокую орбиту для увеличения срока существования электростанции. Возможно, даже на геостационарную орбиту.

Кстати, столь же реален, вполне осуществим и проект совсем иного характера — освещение из космоса полярных районов в зимнее время. На орбите разворачивается огромный, отражающий солнце экран. Причем подсчитано, что в отсутствие облачности освещенность земной поверхности будет примерно в десять раз больше, чем в полнолуние. Для жителей Севера это имеет и психологическое значение: в долгую полярную ночь они получат дневной свет.

— Несколько лет назад на страницах «Огонька» вы рассказывали о зарождающейся тогда космической технологии. Теперь на орбиту выведена станция «Салют-6», которая живет и работает вот уже три с половиной года. Что нового принесли эксперименты по космической технологии? Чего следует ожидать?

— Экипажи станции «Салют-6» провели сотни технологических экспериментов по получению материалов и веществ со свойствами, недостижимыми в условиях Земли. Вот, например, кристалл кадмий-ртуть-теллур, широко применяемый в инфракрасной технике. В земных условиях он получается далеким от нужного качества. А в космосе

А. Соколов. НАД ЧЕРНЫМ МОРЕМ ОРБИТАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС «САЛЮТ» — «СОЮЗ». 1981.

удается быстро получить кристаллы с качеством значительно более высоким.

К настоящему времени получено много других опытных монокристаллов, применяемых в электронике. Это прежде всего основной полупроводник германий, арсенид и фосфид галлия, антимонид индия, теллурид германия и другие соединения, обладающие свойствами полупроводников. Технологические эксперименты на станции «Салют-6» продолжаются. Причем некоторые материалы получены уже в таких количествах, что их можно направлять в промышленность.

— Значит ли это, что наша космическая технология принимает полупромышленный характер?

— Это было бы излишне смелым и преждевременным утверждением. Даже при том, что наша космическая технология находится на самых передовых позициях в мире, мы еще только подходим к полупромышленному производству материалов в космосе. Работы носят преимущественно экспериментальный, поисковый характер. Но это поиск целенаправленный и многообещающий, открывающий принципиально новые возможности для материаловедения, металлургии, физики твердого тела. Здесь можно не сомневаться и в огромном экономическом эффекте и в получении материалов, производство которых в земных условиях невозможно вообще.

— Всеволод Сергеевич, до сего момента мы почти не касались внеземных интересов космонавтики.

— Давайте коснемся. И прежде всего астрофизики. Как известно, вынос телескопов за пределы земной атмосферы обозначил буквально революцию в этой области знаний. Прежде всего он значительно расширил спектральный диапазон исследований, что имеет колоссальное значение для науки. Вспомним, например, ультрафиолетовые телескопы «Орион» — на станции «Салют-1» и космическом корабле «Союз-13», рентгеновский телескоп на «Салюте-4», субмиллиметровый и радиотелескоп на «Салюте-6». Это уже крупные, серьезные инструменты, чаще всего обеспеченные самостоятельными высокоточными системами наведения и дающие интересные научные результаты.

— Какие технические проекты в области внеатмосферной астрономии вам кажутся наиболее интересными? Что вы думаете об эффективности установки телескопа на Луне?

— Установка телескопа на Луне — интересный проект. Но очень дорогостоящий, это раз. Во-вторых, если его устанавливать, так, разумеется, на долгие годы. Значит, требуются обслуживание, уход за ним. Ведь оптика со временем утрачивает свои первоначальные свойства. Так что нужны человеческие руки. Это сложно и очень дорого.

Мне кажется, разумнее идти другим путем: установить крупный инструмент на спутнике и проводить длительные эксперименты в автоматическом режиме. Космонавты будут изредка подлетать к спутнику, проводить профилактические работы, забирать отснятый материал.

— Крупнейшие оптические телескопы на Земле достигают диаметром главного зеркала шести метров, и бóльшие размеры в земных условиях, как считают ученые, уже бессмысленны, они не дадут принципиально новых результатов.

— Да, а в космосе такому телескопу по разрешающей способности эквивалентен инструмент с диаметром зеркала всего в полтора метра, и это вполне достижимо уже сегодня. Совсем не за горами создание космических инструментов с гораздо большим диаметром зеркала.

Наиболее интересными для науки спектральными диапазонами являются такие, как рентгеновский и гамма-диапазоны. Здесь науку ожидает раскрытие тайн экзотических «черных дыр», квазаров, пульсаров. Ведь речь идет об изучении процессов, в которых происходят буквально чудовищной силы превращения вещества и энергии. Познание этих процессов означает для нас прежде всего дальнейшее проникновение в тайну материи.

Беседу вел Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ.

...КЛЮЧ НА СТАРТ!

Владимир ГОЛИЦЫН

ДВЕНАДЦАТОЕ АПРЕЛЯ

Был прекрасен, велик, тяжел
Первый старт в этот звездный век.
Улыбаясь, к ракете шел
Удивительный человек,
И, помедлив, рванулся вверх
Первый звездный корабль — «Восток».
Этот миг целый мир поверг
В изумление и восторг.

Маяки дальних звезд горят.
Пусть дороги туда круты,
Человеку даны не зря
Крылья разума и мечты.
И движеньем могучих крыл
И движеньем своей души
Человечеству он открыл
Высочайшую из вершин.

НА КОСМИЧЕСКОЙ ЦЕЛИНЕ

Ковыля поседевшие космы
Треплет ветер, упруг и сух...
Байконур, край земли, дверь в космос.
Ключ повернут. На старте ключ.

Все на месте, и всё готово,
Шутки в сторону, гаснет смех,
Убран трап, отданы швартовы,
И корабль уплывает вверх.

И несется к нему навстречу,
Холодна и прозрачно-черна,
Непонятна и бесконечна,
Неосвоенная целина.

Ну и климат! Мороз неистов,
Хоть и солнца потоки льют.
Но корабль ожидает пристань —
Славный домик — шестой «Салют».

Он летит и вокруг планеты
Все мотает орбиты нить.
В нем тепло и зимой и летом,
Тесновато, но можно жить.

И отсюда ребята наши
С целиной продолжают бой.
И по кругу ракеты пашут
Этот космос, от звезд рябой.

Все в порядке. Идет работа.
Звездных будней нелегкий труд.
До орбиты минуты лета,
Только путь к ней тернист и крут.

Здесь проста, как краюха хлеба,
И похожа на сказку быль...
На границе земли и неба
Ветер треплет седой ковыль.

ЗВЕЗДНЫЙ ГОРОДОК

Ракета — серебристая игла —
Орбиты шьет по бархату Вселенной.
В далекий путь, в нелегкие дела
Уходят люди от земного плена.

А в Звездном ослепительный апрель,
Весна земли, природы возрожденье.
Грачиных стай веселые сраженья,
Ручьев журчанье, звонкая капель.

Пусть холод вечно в космосе царит,
Зато все время летняя погода,
И каждый день по тридцать две зари
Вокруг планеты водят хороводы.

А в Звездном кроны кленов и берез
Волнует, налетев, веселый ветер.
В дождях и в солнце расцветает лето,
И кажется, надолго и всерьез.

Планету покидают корабли.
Летят они к вершинам и свершеньям.
Слабеет тяготение Земли,
Растет к родному дому притяженье.

ВСТРЕЧА

Она была радостной, эта встреча, что состоялась в одном из клубов. К инженерам и рабочим — членам Всесоюзного общества глухих приехал Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Александр Сергеевич Иванченков.

— Здравствуйте, дорогие товарищи! Извините, что немного волнуюсь — я очень рад встрече с вами! — сказал он.— Среди вас находятся и те, кто своим самоотверженным трудом способствовал созданию высоконадежных и совершенных средств для пилотируемых полетов в космос, каковыми сегодня являются орбитальные долговременные научные станции типа «Салют»...

Все слушали его очень внимательно, речь космонавта переводилась на язык жестов. Ведь он выступал перед глухими.

Иванченков говорил о смелом эксперименте по обучению глухих в высшей школе, в стенах прославленного и орденоносного МВТУ имени Баумана. Этот не имеющий прецедента в практике высшей школы эксперимент по обучению граждан с дефектами слуха в институтах был начат в СССР еще в 30-е годы. И особенно стоит о нем рассказывать сегодня — ведь 1981 год ООН объявлен Годом инвалидов.

Есть нечто символическое в том, что прославленный вуз, известный революционными традициями в развитии науки и в борьбе с царским самодержавием, взялся за новое, очень гуманное дело.

С большим вниманием и пониманием отнесся к этому начинанию профессорско-преподавательский состав МВТУ. Работа предстояла чрезвычайно сложная. Высшая математика, теория упругости, сопромат и... глухота, существенно ограничивающая возможности восприятия не только научной, но и бытовой информации...

Начались поиски наиболее оптимальных вариантов организации учебной работы. Были успехи, досадные упущения, срывы. И постепенно в стенах «кузницы кадров» сформировалась единственная в своем роде организационная система обучения глухих студентов с помощью специального переводчика-педагога, который переводил лекционный материал на жестовой язык со специально разработанной для изложения научно-технической информацией.

«Бауманский эксперимент» прошел проверку и утверждение жизнью на переднем крае науки — в конструкторском бюро Сергея Павловича Королева, где после окончания института начала трудиться первая производственная группа. Человек мудрый, с большой душой и чутким сердцем, каким был легендарный Главный конструктор, он обладал, как все выдающиеся и сильные натуры, развитым чувством сопереживания, доброты и доверия к другим. Он не сомневался в профессиональной пригодности и полноценности таких специалистов.

В творческом коллективе Главного конструктора выросла плеяда знатоков своего дела. Есть среди них сегодня кандидаты и доктора наук и видные изобретатели, золотых рук мастера, рационализаторы, кавалеры правительственных наград. Вот этих-то людей и поздравил с 20-летней годовщиной запуска первого человека в космос Герой Советского Союза А. С. Иванченков.

В. ПАВЛОВ

ЧЕРНЫЕ ПТИЦЫ

Петр ПРОСКУРИН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Она не знала, сколько прошло времени, минута, две или десять, только в ней вновь прорвался, вначале исподволь, затем нарастая, усиливающийся тоскливый крик скрипок, и сразу же понеслось к ней навстречу лицо Александра Евгеньевича. Страшное оцепенение сковало ее, не было сил даже отодвинуться в глубь ложи, чтобы положить хоть какую-то преграду между собой и этим мешающим, ненужным, ненавистным сейчас ей лицом. Со свойственной в отношении ее почти звериной чуткостью Александр Евгеньевич понял, что с ней происходит, ему передалась едва не удушившая ее волна; он твердо и отстраненно посмотрел в ее сторону и опять повернулся к оркестру. Никакого Глеба больше не было, только Александр Евгеньевич с его красивыми руками, чуть полноватым, голым (он сбрил бороду к своему концерту) женственным лицом и высокой рыхловатой фигурой, плотно затянутой во фрак, и... с его чудовищной везучестью, всепроникаемостью и безнаказанностью! Да полно, был ли Глеб вообще, если ничто больше о нем не напоминает, если его музыка ему больше не принадлежит, а значит, никогда не принадлежала; а принадлежит и отныне всегда будет связываться с именем этого овладевшего ее волей, ненавистного, преуспевающего человека. Он хладнокровно, обдуманно стер саму память о Глебе, взяв себе его музыку, почти без помарок, ничего не переменив, использовал в своей симфонии любимые мотивы Глеба; Тамара Иннокентьевна особенно любила эту тему борьбы двух влюбленных, стремившихся пробиться друг к другу сквозь разделяющую их тьму, из незаконченной сюиты Глеба.

Александр Евгеньевич высоко вскинул руки, и она отчетливо увидела его округлый затылок с длинными, плотно уложенными, напомаженными волосами; даже от резких движений в прическе (Тамара Иннокентьевна не могла вспомнить сейчас имя модного мастера из известного всей Москве салона, обычно приходившего на дом к Александру Евгеньевичу укладывать волосы по особенно торжественным случаям) не сдвинулся ни один завиток. Так же и на его лице, обычно мягком, чуть расслабленном, сейчас не двинулся ни один мускул, оно казалось вычеканенным из бронзы. Тамара Иннокентьевна была уверена, что и он испытывает сейчас точно такое же чувство. Да, он давал ей понять, что принимает вызов, что между ними с этого момента возникла и установилась какая-то совершенно новая, беспощадная связь. Он продолжал дирижировать с тем же затвердевшим отстраненным лицом, и даже если она ошибалась, это уже ничего не меняло — их захлестнуло смертельной петлей.

Тамара Иннокентьевна ощутила приближение новой удушливой волны; да, Саня решил ее сломить, заставить окончательно забыть о прошлом; она сейчас вспомнила ранее ускользавшие от ее внимания мелочи в их отношениях, они лишь ее больше утвердили в ее догадках; нарастающий же разлад в оркестре, доходящий до откровенной какофонии, должен был, по всей вероятности, означать новое слово в музыке.

Крепко сцепив побелевшие пальцы рук, Тамара Иннокентьевна приготовилась бороться до конца; подбадривая и успокаивая себя, она стала вспоминать еще студенческие времена, ухаживание Глеба. Это помогло, и она обрадовалась; теперь меня так легко не возьмешь, подумала она, имея в виду Александра Евгеньевича, теперь я тебя знаю, хоть ты самим дьяволом обернись, не поможет...

Между тем из хаоса рушащегося мира опять пробились согласные, легкие и стремительные голоса скрипок. Тамара Иннокентьевна крепче стиснула руки на коленях; Глеб не успел дописать эту сюиту, и публично она никогда не исполнялась. Тамара Иннокентьевна хорошо помнила светлую, стремительную, как бег прохладной чистой воды, мелодию, опять два родственных начала пробивались сквозь все преграды друг к другу. Тамара Иннокентьевна видела перед собой любимое запрокинутое лицо, и сквозь стиснутые зубы опять доносились привычные до боли, до страдания звуки, и уже новый приступ глухоты начинал сковывать ее, уже...

Еще мгновение, и она бы страшно, на весь зал закричала; в самый последний момент, собрав остатки сил, в бессильной ненависти, она встала, не оглядываясь прошла к двери, слепо толкнула ее и почти побежала к выходу; теперь она знала, в чем был весь дьявольский план концерта. Не сломись она во второй раз, был бы третий, и четвертый, и пятый; вздрагивая от нервного озноба, она остановила такси, назвала адрес и только в машине начала приходить в себя. Она попросила ехать кружным путем, движение всегда ее успокаивало; и шофер, молодой парень, выполняя ее желание, с интересом к ней приглядывался; Тамара Иннокентьевна не замечала. Первый ожог прошел, теперь ею все больше овладевало тупое отчаяние и безразличие; боже мой, зачем куда-то возвращаться, куда-то ехать, лучше всего сейчас было бы на всей скорости налететь на что-нибудь, на стену, на дерево, на бетонный столб, и все разом кончить. Она повернула голову и поглядела на шофера: молодой, лет двадцати семи, с красивым профилем мужчина, у него были крупно очерченные губы, прямой нос, длинные брови, кисти рук тоже красивые, артистичные. Шоферу начинало передаваться ее состояние, и он как-то странно завороженно, не мигая, смотрел в летящее навстречу пространство.

— Пожалуйста, быстрее!

Шофер молча кивнул, и машина плавно рванулась и скользнула вниз, точно в пропасть, в сияющую огнями улицу, но тотчас нырнула, не сбавляя хода, в какой-то темный проулок и тут же выскочила опять на открытое, залитое огнями пространство. Тамара Иннокентьевна облизнула пересохшие губы и как-то сразу успокоилась и даже взглянула на себя в косо висящее зеркальце; она уже ощутила в себе шумно ворохнувшегося знакомого беса, в ней все сильнее разгоралось желание и в самом деле удивить себя и переступить последнюю черту. Долгим приближающим взглядом она опять посмотрела на шофера и почувствовала, что он сделает все, что она захочет; он уже и без того отвечал на каждое ее движение. Выскочив на какое-то пригородное шоссе, они теперь неслись с сумасшедшей скоростью; стремительная ревущая тьма, рассекаемая узким лучом света, мчалась навстречу, уже время исчезло, уже достаточно было одного неверного движения, одного толчка...

Тамара Иннокентьевна не могла понять, отчего вдруг все оборвалось; сумасшедшее, опустошительное, успокаивающее ее движение внезапно прекратилось, разрывая все внутри. Она страшно, смертельно побледнела, но уже и машина резко сбросила скорость, взвизгнув тормозами; шофер сидел, бледный до синевы, стиснув зубы, всей тяжестью своего здорового молодого тела навалившись на руль; с трудом оторвав руки от баранки, он толкнул дверцу, и, не говоря ни слова, исчез в темноте и долго не возвращался, а когда вернулся, тотчас, не глядя в ее сторону, резко развернул машину и погнал обратно...

Сознание возвращалось медленно; просто они уже не принадлежали себе, на сумасшедшей, бешеной скорости пронеслись мимо крошечной, лет пяти девочки с поднятой ручонкой; сноп света лишь на какую-то долю мгновения вырвал из тьмы, из кипящего пространства фигурку девочки — знак провидения и предостережения, но этого было достаточно — все существо Тамары Иннокентьевны, поглощенное ожиданием предстоящего, успело, оказывается, выхватить из тьмы девочку с поднятой ручонкой, чтобы затем осознать и вздрогнуть от смертельного озноба; Тамара Иннокентьевна никак не решалась взглянуть в сторону шофера, успевшего в последнюю долю секунды опомниться, пересилить себя у самого края пропасти. Рассчитываясь, она просто выгребла на сиденье все содержимое сумочки и, выходя из машины, лишь мимоходом, с мольбой заставила себя взглянуть ему в зрачки, опять увидела в них откровенное восхищение, почти страдание, вся вспыхнула и торопливо вбежала в подъезд. Едва успев открыть дверь в квартиру, она вздрогнула — напористо и весело зазвонил телефон, и она поняла, что это звонит Александр Евгеньевич. Телефон продолжал надрываться, несколько минут она сидела вяло, без движения, без мысли, слушая настойчивые непрерывные звонки, затем тяжело встала, взяла трубку; в уши ей тотчас рванулся бурный, взвинченный голос.

— Да, это я,— отозвалась она, чувствуя смертельную, почти обморочную усталость.— Да, я тебя поздравляю... слушала, нет, не все... да, да... вернешься, поговорим... Да, да, уехала, не дождалась... Все объясню... Не понравилось? Нет, нет, не знаю.— Она с удивлением вслушивалась в свой тусклый безжизненный голос.— Пришлешь машину? Зачем? Ах, банкет... Нет, нет, я себя неважно чувствую, не надо, я подожду тебя дома. Нет, нет, не присылай, я не поеду. До встречи, Саня.— Она положила трубку и долго не снимала руки с трубки, как будто насильно заставляя телефон молчать; она уже все продумала, но никак не могла заставить себя поверить до конца, боялась сделать еще одно последнее усилие и убедиться окончательно.

В комнате, выходившей окнами на улицу, было очень душно, и Тамара Иннокентьевна, открыв окно, легла грудью на подоконник; нагретый за день воздух не освежал; прохлады и спасения от духоты по-прежнему не было; Тамара Иннокентьевна вяло оторвалась от подоконника и пошла на кухню, выходившую балконом во двор — здесь было меньше шума, движения, и сам воздух казался прохладнее и чище. Тамара Иннокентьевна села у открытой балконной двери на сквозняке; ей нужна была передышка, нужны были силы для того, что ей предстояло. И когда пришла нужная минута, она тяжело поднялась, вернулась в большую комнату и, не раздумывая, выдвинула два нижних ящика письменного стола, где всегда хранились рукописи и бумаги Глеба. Давно, может быть, уже больше года Тамара Иннокентьевна сюда не заглядывала, но сразу же увидела, что из всего хранившегося здесь осталось меньше половины. Дрожащими руками она стала перебирать знакомые листы, она физически ощущала теплоту шероховатой поверхности бумаги; под ее пальцами вспыхивали и бились стремительные, обрывочные пассажи, таинственные, явившиеся из неизвестности и ушедшие в неизвестность всплески мыслей Глеба, даже в таком незавершенном виде пронизанные необычайным чувством гармонии. Недоставало очень многого из неоконченного, исчезли почти готовые вальсы; наброски м о л и т в, как называл их Глеб, тоже исчезли...

С трудом остановив подступившую дурноту, почти не соображая, Тамара Иннокентьевна слабеющими руками рассовала бумаги по ящикам, с грохотом задвинула их, и сразу в комнате установилась мертвая тишина. Тамара Иннокентьевна поежилась, испытывая чувство полнейшей опустошенности, словно кто-то ограбил, обобрал ее до нитки, и ей стало стыдно своей наготы и невозможности куда-нибудь укрыться. Опять пришло то же чувство зияющей черной ямы, что и в машине недавно,— пустота, ни желаний, ни мыслей; нужно было заставить себя что-то сделать, сдвинуться с места, чтобы не тянуло опять заглянуть в зияющую пустоту, откуда нет возврата...

Заученно, как автомат, двигаясь, Тамара Ин-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—14.

нокентьевна принялась совершенно механически за уборку, протерла полы, мебель, вымыла ванную, перечистила на кухне кастрюли, до блеска надраила медный старинный чайник, разобрала грязное белье для прачечной. Было уже далеко за полночь, а она все придумывала и придумывала себе новые дела, наконец, достала откладываемое на более благоприятные времена шитье — серую шифоновую блузку (она любила шить, и это ее всегда успокаивало) и не заметила, как время подошло к двум. Щелкнул замок, хлопнула дверь, из передней послышалась оживленная возня, раздался веселый, уверенный, ликующий голос Александра Евгеньевича, а затем и сам он, без шляпы и бороды, собственной персоной появился в широко распахнутых створках стеклянных дверей с бутылкой шампанского, с огромной (едва умещалась в руках) охапкой махровых палевых хризантем. Глаза Тамары Иннокентьевны, до сих пор отрешенные, потеплели; перед нею стоял еще совершенно молодой мужчина со счастливым блеском в глазах, с гордой, свободной посадкой головы; она и раньше знала, что успех красит, теперь же это еще раз подтверждалось. Она подумала, что у нее уже нет сил на вторую жизнь, она слишком долго пробыла в горе и одиночестве, радость не приходит сама по себе, за нее нужно бороться.

— Как ты хорош, Саня... Как тебе хорошо без бороды. И это все мне?— по-детски обрадовалась она цветам.— Мои любимые!

— Все тебе, еще вот это,— он вытащил из бокового кармана длинный узкий футляр и небрежно бросил ей на колени, прямо на шитье.— За удачу!

Футляр раскрылся, и на колени Тамаре Иннокентьевне скользнула короткая нитка розового жемчуга неправильных крупных зерен, теплого густого тона, казалось, они мягко светятся изнутри. У нее на глазах показались слезы; со смешанным чувством страха, восхищения и отвращения к себе, она уже не ощущала непримиримости, негодования, оскорбленности, не ощущала всего того, что кипело в ней в ожидании встречи; хризантемы сильно пахли, остро заполняя комнату запахом свежей зелени.

— Я немного выпил, совсем немного, нельзя было отказаться, все пришли, все, кого я пригласил. Спрашивали о тебе и заметили твое отсутствие. Я уж врал, как мог. Ты бы заранее предупреждала, если у тебя каприз,— Александр Евгеньевич поставил шампанское на стол и бросился на диван рядом с нею.— Как я устал... Даже нет сил разозлиться и побить тебя. Ну что опять на тебя накатило? Пойми, ничего нет, есть мы и только мы и наша жизнь. Остальное не имеет значения. Все остальное не существует! Ну же, ну! Опять слезы? Мировая скорбь по несуществующему предмету?— приподняв ее лицо за подбородок, Александр Евгеньевич поцеловал ее в губы, властно, по-хозяйски, и у нее не хватило сил ни отодвинуться, ни оттолкнуть его руки; она опять с ужасом почувствовала, что ей приятно, что она уже привыкла именно к этому человеку, к этому мужчине, и ей ничего не хочется менять. Пряча глаза, она зарылась лицом в ворох хризантем, несколько раз глубоко вобрала в себя простой и, возможно, самый разумный в мире запах, запах беспечности и счастья.

— Я плохо себя почувствовала,— сказала она.— Ничего не готовила...

— А что нам надо? Что нам надо?— запел он, срываясь с дивана.— Там в коридоре еще во-о-от какая коробка со всякой всячиной. Ты плохо обо мне думаешь, разве я мог забыть главное, наш с тобой праздник? Столько вкусного. Из Армении Астмик Тевосян даже твою любимую ореховую колбасу привез и твой фирменный коньяк «Ахтамар». Астмик свое избрание отрабатывает. Трудно было его в правление провести — нужен, но не популярен, а себя он, разумеется, считает классиком современной массовой песни. Зовет нас, говорит, у него загородный дом в Цахкадзоре, фантастика, роскошь, супер и рядом горы, первозданная природа. И даже античный храм есть. Первый век до нашей эры. Махнем, а? Вот пленум проведу—и махнем! Меня попросили, для чего-то надо, чтобы провел его именно я. Сиди, сиди,—приказал он Тамаре Иннокентьевне, двинувшейся было ему помочь, и она осталась на диване, с цветами и жемчугом на коленях; Александр Евгеньевич ловко и быстро накрывал прямо в этой же комнате стол, накинув на него белоснежную хрустящую скатерть; попутно он сгреб у Тамары Иннокентьевны с колен хризантемы и воткнул всю охапку в огромную напольную вазу севрского фарфора, единственное, что он взял с собой из своего прежнего дома.

— Пусть с нами тоже празднуют.— Он небрежно, на ходу чмокнул ее в щеку и, почувствовав ответное движение, с торжествующей улыбкой опять засуетился вокруг стола.

Конечно же, каждому приятно, когда тебя любят, подумала Тамара Иннокентьевна, поглядывая на него, ей самой давно надоело одиночество, бессонные ночи, страх вступить снова в жестко очерченный круг, когда за дверью квартиры встречает мертвящая тишина...

Несколько раз она порывалась встать и помочь Александру Евгеньевичу, но он всякий раз усаживал ее обратно, говорил, что сегодня ему хочется сделать все своими руками, и она всякий раз охотно подчинялась, продолжая наблюдать за ним и ощущая замедленное течение глухой ночи. Он ведь прав, думала она, как бы разрушая последние запретные границы в своей душе, живое — живым, иначе мир не смог бы существовать и развиваться. Жизнь требует уступок, хочешь, чтобы тебя любили, лучше всего не замечать недостатков, даже пороков, особенно если рядом творческая натура, из этого тоже состоит жизнь. Те, кто идет прямо и говорит все, скорее гибнут или становятся пророками, но их гибель тоже норма для обычной жизни. Пророки хороши на отдалении, в своем времени их никто не терпит. Да и что такое в конце концов сделал Саня? Молодой, сильный мужчина, честолюбив, дорвался наконец до власти, до славы, костер-то вон какой прожорливый, сколько ни бросай, сгорает мгновенно, вот он и подбрасывает, что под руку попадается, да и кому во вред? Если спокойно разобраться, обдумать — никому; прошлое есть прошлое, и пусть лучше все, чем пропасть, все, что осталось от Глеба, оживет хотя бы таким образом, какое дело людям до утомительных и ненужных подробностей, до кухни? Им нужен результат, изнаночная сторона их не касается; они приходят в раздражение, когда им навязывают что-то непонятное и выходящее из общих правил. Вот идиотка, запоздало спохватилась Тамара Иннокентьевна, сидит, упивается своими придуманными страданиями, а мужик кухарничает после авторского концерта. Если бы все стали заниматься самоедством, хорошая бы наступила жизнь... Кто бы, интересно, рожал и растил детей, писал музыку, строил дома?

Быстро сбросив домашнее вязаное платьице и радуясь, что не успела переменить красивое дорогое белье, надетое перед концертом, Тамара Иннокентьевна с удовольствием достала черное, расшитое серебром кимоно, купленное по случаю, после войны на барахолке; она его очень любила и редко надевала. Высоко заколов волосы и подкрасив губы, требовательно разглядывая себя в зеркало, она с удовольствием отмечала, что за последнее время посвежела и похорошела и выглядит много моложе своих тридцати пяти; она поймала себя на странном и неожиданно возникшем желании подойти к старому роялю, погладить его, но она смогла удержать себя и скоро забыла об этом.

Чуть позже они сидели друг против друга за красиво убранным столом, при зажженных свечах, держа в хрустальных бокалах шипящее шампанское,— чувствуя голой шеей продолговатую окружность жемчужин и время от времени незаметно гладя самые крупные из них, Тамара Иннокентьевна и верить не верила и думать не хотела о недавних страданиях.

— Пью за тебя, Саня!— блестящими глазами всматриваясь в искрящееся вино, сказала Тамара Иннокентьевна.— Действительно, большой день.

— А я за нас, Тамара!— Он с незнакомой ей уверенностью и даже с вызовом поднял свой бокал, затем глаза его смягчились; они чокнулись, вслушиваясь в тонкий замирающий звон.

— Ты на меня так странно посмотрел,— вопросительно и немного искательно улыбнулась Тамара Иннокентьевна.

— Посмотрел? Как посмотрел?

— О чем ты подумал?

— Пожалуй, о том, что ты наконец сделала выбор, вот только сейчас,— ответил после напряженной паузы Александр Евгеньевич и потянулся было привычным жестом огладить свою бородку; натолкнувшись на жесткую выбритость кожи, он почему-то заметно расстроился.

— Как ты почувствовал?

— Не знаю. Неожиданный ожог, изнутри... Как будто меня ударили. У-уф... неприятно!— передернул Александр Евгеньевич плечами и залпом допил шампанское.

— Что же, обиделся?

— Отлично знаешь, на тебя я не могу обижаться. Здесь другое... Когда так долго ждешь приговор, нервы сдают. Помилование даже не радует.

И она опять почувствовала к нему нежность и, ничего не отвечая, только улыбнулась, точно погладила его глазами.

— Не прикидывайся таким ручным. Ты ведь не такой, ты не домашний кот Васька. Совсем нет.

— Какой же?

— Ты только с виду мягкий, шелковый, покладистый,— сообщила Тамара Иннокентьевна почему-то шепотом,— под этой мягонькой шерсткой — сталь, я сегодня почувствовала...

— И что же?

— Странно, непривычно... Мне с таким стержнем нравится. Шелковый мужчина, да еще с красивой внешностью — ужасно, мужчина должен что-то хотеть и уметь. Главное — хотеть!

Вместе с четкой, просветленной решимостью принимать жизнь отныне без ненужной рефлексии Тамара Иннокентьевна какой-то второй половиной своей души, совершенно независимой и действующей сама по себе, механически, утомительно фиксировала происходящее, каждый штрих, интонацию, перемену в выражении лица; даже блик от свечей, отраженный в открытой крышке рояля, казалось, отпечатался в самом ее мозгу; раскрытый рояль казался черной птицей с неловко подвернутым крылом, и она опять вспомнила свое неожиданное удивительное чувство в отношении этого старого рояля. «Это от шампанского»,— тут же отбросила Тамара Иннокентьевна беспокоящую ее мысль.

Закинув руки на плечи Александру Евгеньевичу, совершенно сливаясь с ним, чувствуя голой шеей нагревшуюся округлую неправильность зерен ожерелья, Тамара Иннокентьевна двигалась под тихую музыку; это и есть счастье, говорила она себе, ни о чем не думать, ничего не менять, подчиняться плавному ритму, чужой воле, властным мужским рукам, только бы движение это длилось долго, бесконечно, плыть куда-то в неизвестность в тихом, все более слабевшем шуме ночи, переходящей в рассвет; что ж, пусть кто-нибудь попробует осудить, она найдет ответ, да, да, тысячу раз да, как и любой женщине, ей сейчас необходима древняя, как жизнь, грубая власть мужчины.

Она забылась не сразу; уже крепко заснул, уткнувшись ей в плечо головой, Александр Евгеньевич, даже во сне он не отпускал ее, и Тамаре Иннокентьевне пришлось силой убрать со своей груди его руку; он недовольно почмокал добрыми, детскими во сне губами. Легонько, чтобы не разбудить его, она отодвинулась на самый край постели и откинула штору; тотчас ночь, синяя, звездная, с таинственными, влекущими провалами лесных озер, укрытых тонкими туманами, раскинулась над ней, окутала и понесла на своих неслышных руках в неведомые просторы, и тогда она запела. Она пела все ту же, известную только ей мелодию, слова рождались сами собой, как что-то знакомое и привычное, она всегда пыталась запомнить их, чтобы потом записать; мелодия всегда жила в ней, чтобы сейчас вырваться на свободу. Голубые, лиловые, темно-бархатные облака с золотыми краями проносились мимо, они были частью ее, да и сама ночь, само движение были мелодией, и земля, лишь слегка угадываемая сквозь легкую дымку внизу, была е е м е л о д и е й. Впереди открылось невиданное зрелище — город из переливающихся воздушных куполов летел ей навстречу, он ежеминутно менял цвет и размеры, но здесь тоже был свой ритм, своя музыка. Затем что-то темное, разрушающее ворвалось в эту согласную гармонию, золотой город, летевший ей навстречу, вспыхнул в последний раз ослепительным пламенем, стал чернеть и распадаться. Чувство бесконечного падения и безысходности, отчетливый голос, одиноко звучащий в полной абсолютной непро-

ницаемой тишине, заставил ее подхватиться в кровати, как от удара; она прихватила прыгающие губы ладонью. Большие напольные часы только-только кончили бить, в воздухе еще дрожало медленно затухавшее отражение звона.

«Часы... слышишь? Часы бьют... Томка, Томка... Нельзя больше спать»,— только что услышанные во сне слова резали мозг; с отвращением путаясь в смятых простынях, она выбралась из широкой постели, на ощупь набросила скомканное кимоно и, все так же боясь разбудить Александра Евгеньевича, задыхаясь от усилий сдержать разрывавшие горло спазмы, кое-как добралась до кухни; в большую комнату с роялем ей было идти жутко, точно кто-то ждал ее там, она даже втянула голову в плечи, все время ожидая резкого, презрительного окрика,— музыка, несшая ее ночью к золотому городу, была м о л и т в о й с о л н ц а.

— Что случилось, Тамара?— услышала она хрипловатый голос Александра Евгеньевича, сонно щурившего глаза на режущий свет.— Что ты тут делаешь? Проснулся, а тебя нет...

Не поворачиваясь к нему, Тамара Иннокентьевна спиной чувствовала, что он сейчас совершенно голый; видеть его голым было сейчас выше ее сил.

— Иди оденься,— попросила она.

— Зачем? Ночь душная...

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Сейчас?

— Да, сейчас...

— Фрак или смокинг? Ну, хорошо, хорошо!— Александр Евгеньевич зевнул, недовольно потер лоб и с легким раздражением пошел одеваться; опять причуды, сказал он себе, женщина, даже самая лучшая, все-таки останется женщиной, всегда найдет время испортить настроение, без видимой причины перевернуть все вверх дном. Лениво прошлепав в спальню, он через минуту вернулся в пижаме; Тамара Иннокентьевна уже приготовилась, глаза ее сухо блестели.

— Скажи, Саня, ты помнишь свое обещание исполнить, записать и опубликовать лучшее из наследия Глеба?— спросила она сразу же, едва только он появился в дверях.— Помнишь?

— Ты слишком торопишь события,— сухо отрезал Александр Евгеньевич, сбрасывая остатки сна и сразу же принимая вызов.— Считаешь, ты одна заботишься. Глеб и мой самый близкий, самый дорогой человек. Ну, что ты так смотришь?— почти закричал он, и у него на лбу выступила испарина.— Я завидовал ему, но тебе не понять этого... да и зависть ли это? Что-то другое, не знаю, как назвать, только не зависть. Удар, ожог, ослепление, желание выскочить куда-нибудь на перрон и броситься под колеса... Со мной так было два раза, толь-

ТВ

СЛОВО О КОММУНИСТАХ ДОНА

Интересна сама композиция этого телевизионного четырехсерийного фильма: авторы «Коммунистов Дона» оттолкнулись от одного лишь заседания бюро Ростовского обкома партии, от вопросов, стоявших тогда на повестке дня. Эти вопросы и стали сюжетной основой цикла. Автор сценария В. Брацило и режиссер М. Литовчин дали возможность телезрителям увидеть реальную, живую работу штаба ростовских коммунистов, и перед нами — современные партийные работники, которые пришли на смену Давыдову и Нагульнову, вдохновленные их идеалами, их примером.

Это о них Михаил Александрович Шолохов сказал в одном из своих выступлений: я смотрю на вас, теперь уже секретарей новой формации. Более грамотные, более культурные, но все равно вы остаетесь той же славной великой когортой партийных работников, которые были в мое время. Новые секретари, но то же знамя.

Под этим знаменем живет и работает коммунист Юрий Александрович Песков — генеральный директор завода «Ростсельмаш». Ему посвящена первая серия цикла — «Директор». В тот день Ю. А. Песков докладывал, что работы по созданию новой модели комбайна «Нива-1500а» идут успешно.

Все должности — от механика цеха до главного инженера Ю. А. Песков прошел на заводе, был назначен заместителем директора по производству, а потом стал генеральным директором. Не сразу постиг сложную науку руководства: сначала считал, что в основе всего — план; от того, как план будет выполнен, зависит и успех. Все силы, всю энергию направлял Песков на выполнение плановых заданий, но слабо заботился о решении социальных проблем... Собрались тогда заводской комитет профсоюза, партийный актив, руководители цехов и производств, разработали комплексный план стабилизации заводского коллектива, начали строить общежития, жилье, детские сады, библиотеки... Шлифовщица «Ростсельмаша», депутат Верховного Совета СССР З. П. Еременко, секретарь Ростовского ГК КПСС Г. Я. Мушенко рассказывают с экрана, что в ходе выполнения этого плана возросла служебная нагрузка директора, но также и его роль в заводском коллективе. Он сумел сплотить коллектив на делах добровольных — важных и нужных всем.

...Новые кадры. Новый поворот жизни, работы... В тот год в донских селах ожидался богатый урожай. Бережно принять и сохранить каждое зернышко готовились люди. Была полностью подготовлена техника, разумно расставлены кадры.

Партийный актив, коммунисты области проделали огромный труд, до мелочей продумали каждый день колхозной жизни во время уборочной страды. Выезжал в совхозы и первый секретарь обкома партии Иван Афанасьевич Бондаренко: кому же, как не ему, потомственному хлеборобу, знать цену урожая. Вместе с колхозниками он считал зерна пшеничного колоса... Эти кадры, снятые портативной телекамерой, особенно запоминаются зрителям, будучи правдивыми, органичными... Но за четыре дня до начала уборки задули коварные суховеи. Нещадным стало солнце... «Трудное лето» — так и называется вторая серия фильма. Лето действительно было трудным: вышли комбайны в поля, а хлеба почти нет. Часть колосьев сгорела, часть истекла от знойного ветра. Требовалось собрать все, что оставила в тот неласковый год донская земля... Перед нами проносятся машины с зерном. Кузова плотно закрыты брезентом. Люди делают невозможное, перекрывая нормы перевозки хлеба в три, четыре, пять раз... Важно без потерь собрать уцелевшее зерно. Но не менее важно заготовить корма для скота — в области не случайно и лозунг родился: «За корма — как за хлеб»... Во время заготовки кормов на селе работали выездные группы партийного контроля. Это еще одна нужная и интересная форма работы коммунистов с людьми. Мы видим партийных контролеров, которые приехали на поле не регистрировать ошибки, не искать виновных, а помочь колхозникам вовремя устранить недостатки.

Дела коммунистов... Тут нет мелочей, все требует внимания и заботы. И одна из важнейших забот — работа с детьми, воспитание подрастающего поколения. О том, как она идет в городе Шахты, рассказала на бюро обкома Галина Ивановна Тарануха. Много сил и времени отдает она этой серьезнейшей проблеме, работает инициативно, с душой. В фильме «Что посеешь» мы видим Галину Ивановну на занятиях родительского всеобуча, на заседаниях, где разбираются дела трудных подростков (к сожалению, бывает и такое); видим ее на праздниках в честь трудовых династий города... Одолеваемая самыми разными заботами, и радостными и печальными, она твердо знает, что будущее воспитывается сегодня,..

Как рождаются почины, какова в них роль коммунистов, как сделать, чтобы разумная творческая инициатива была бы широко взята на вооружение трудящимися всей области, всей страны... Этим вопросам посвящена четвертая серия — «Инициатива». Главный герой этой картины — коллектив, объединенный одной идеей, вооруженный опытом многих рабочих поколений.

Опыт требует времени. Опыт без инициативы теряет смысл. Инициатива же рождается внутренним побуждением человека. О людях ростовской земли, которые наследуют опыт и развивают его, рассказывает и этот последний фильм, да и весь цикл. А каждая его часть имеет эпиграф — строки из речи Леонида Ильича Брежнева на октябрьском (1980 год) Пленуме ЦК КПСС.

На примере работы коммунистов Дона авторы картины живо, увлеченно рассказали зрителю о том, что стоит за строками партийного документа. Фильм получился интересным, острым, принципиальным. И самое большое его достоинство — образы людей донской земли, донских партийцев, которые беззаветно трудятся во имя счастья народа.

О. ЛОБАНОВА

ко я не мог шевельнуть ногами, ноги отказывали, они становились чугунными... А-а, зачем я тебе все это говорю!— безнадежно махнул рукой Александр Евгеньевич, но ее вид и ее лицо, и что-то еще, то, чего нельзя назвать словами, то, что не имело имени, снова вставшее между ними, как бы подстегнуло его; он понял, что это последняя и единственная возможность вернуть ее. В нем словно сработала безошибочная защитная система, взвесившая все «за» и «против», и он понял, что главное и сейчас и в будущем заключается для него в этой женщине, что, если он ее потеряет, сама жизнь станет бессмысленной. Он заметался, пытаясь найти иной выход, но иного выхода не было и быть не могло. С застывшей, незнакомой, вымученной усмешкой он шагнул и сел недалеко от нее. Некоторое время длилась вязкая тишина.

— Чего же ты хочешь?— спросил Александр Евгеньевич, глядя себе под ноги на треснувший пол.

— Ты не ответил на мой вопрос...

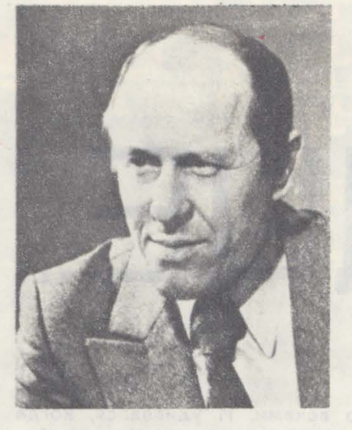
— У меня нет такой возможности,— сказал он так же тихо, без всякого выражения, стараясь казаться спокойным.— Воскресить мертвого... Понимаешь, мертвого! Что дадут ему несколько публикаций? Вечер его памяти? Что? Это не сделает его тем, чем он обещал стать. Великим Глебом.

— Я тебя понимаю, жалко. Но нельзя же отнимать у человека даже память. Только потому, что он был благороден...— Чувствуя глубокую смертельную усталость, Тамара Иннокентьевна подумала, что они продираются друг к другу через какой-то бурелом, продираются и не могут сойтись, а скажи он несколько слов, и дурной сон развеется.

— Не знаю,— наконец выдавил из себя Александр Евгеньевич,— поймешь ли ты... Столько лет прошло после войны. Кажется, совсем немного, но в музыку пришло новое поколение одаренных людей. Им нет дела до нас, тем более до мертвых. Кто такой теперь Глеб Шубников? Герой, пошел добровольно и погиб, что же? Две неоконченные симфонии, несколько ораторий, незаконченных вальсов, сюит... куски, куски... все в кусках... совершенно необычное, мощное начинание... Законом искусства всегда был и остается результат. Мы потеряли, может быть, выдающегося композитора, он бы мог встать в один ряд с величайшими именами, я верю, только ведь не случилось! Понимаешь, не случилось! Не по его вине, но не случилось!— упрямо повторил Александр Евгеньевич.— Я же не бог, придет час, сам все сделаю, напоминать мне не надо, Глеб для меня тоже дорог, может быть, дороже, чем кому бы то ни было... Не смей так смотреть!— повысил он голос, отмечая начинающую проступать во всех углах какую-то жуткую красноватую мглу и относя это за счет усталости, банкета, недавнего трудного разговора; тут же опять какая-то красная волна попплыла в глаза, и он не смог сдержаться.— Ты не имеешь никакого права так смотреть! Нет, я больше не могу! Не могу! Взрослый человек в конце концов, давно должен был выбрать! Так же невозможно жить, все время под рентгеном. Ты должна наконец сделать выбор. Я мужчина, мужчина! Во всем прочем обыкновенный мужик, зверь, мне хочется иногда тебя задушить!

Выкрикнув последнее, он обессилел и умолк, все так же пусто глядя перед собой, а у Тамары Иннокентьевны от его диких слов по коже пошла изморозь; было бы так хорошо, если бы разом все кончилось и ее бы больше не было, взмолилась она, разом все оборвать, лучше невозможно придумать. Не по ее силам этот непонятный, жестокий, разъятый мир, вот и хорошо, если бы ее не стало, сразу бы кончились все ее долги и вины перед Глебом, перед Саней... Перед умершим и живущим... Или закрыть на все глаза и жить, ничего вокруг не замечая, жить—и все. Дышать, покупать красивые вещи, ходить в театры и ездить в свободное время за город; действительно, в чем виноват Саня? Что была война и Глеб погиб? Или в том, что Саня любит и что я согласилась жить с ним? И мне это приятно. Я взяла на себя ответственность; в отношениях с мужчиной женщина ведь главная пружина, что бы мужчины ни воображали о себе... Да, да, все это так, но ведь он лжет! Лжет! И потом, знать, что обворована сама память... и продолжать жить... рядом, постоянно вместе...

Окончание следует.

Артур КОРНЕЕВ

К ДЕРЕВЬЯМ ЭТИМ СЕРДЦЕМ ПРИКОСНИСЬ

ДЕРЕВЬЯ СТАЛИНГРАДА

Моину Бсису,
палестинскому поэту

Что́ красота
вне истинной святыни?..
Дух затаив,
листвой не шевеля,
здесь держатся железно
тополя
под солнцем огневым
полупустыни.

Трагический ощупывая мрак,
их корни напряженные
устало
былых руин и рваного металла
тяжелый обволакивают прах.

Я это
сквозь асфальтовый настил
так ясно вижу,
ибо в ясной были
деревья эти саженцами были,
а я, малец,
их к лункам подносил...

Войди в их тень.
Скромна ее прохлада.
К деревьям этим
сердцем прикоснись.
Смысл красоты
и этой жизни смысл
так явственны
в деревьях Сталинграда!

ВОЕННАЯ ТЕМА

В той кинохронике нещедрой,
но самой четкой до сих пор,
мой город —
огненные недра
к зениту движущихся гор.

Я в детстве видел это небо.
И значит, многое видал.
Тогда в мечтаниях о хлебе
я так мучительно
витал!

И дай-то бог, что ныне остро
и жизнерадостно встает
вопрос о том,
что хлеба — вдосталь,
а зрелищ нам — недостает.

Давайте их!
По твердой смете!
Бери, искусство,
щедрый хлеб!
Но тему жизни,
тему смерти
не допусти на ширпотреб.

Ведь это все ж небезопасно
и хуже многих из растрат,
когда опять однообразно
с экрана лупит автомат;

когда читатель, в книгу тычась,
уходит только в забытье,
а возвращается в обычность —
и
не глядел бы на нее:

обыкновенен день погожий,
привычен пасмурный
вдвойне...
Такого быть никак не может
при вспышках
правды о войне.

СТАЛИНГРАДСКИЕ ОСКОЛКИ

Их столько — по целому миру,
по пестрому множеству стран!
Скупее дарит сувениры
сегодня Мамаев курган.

Их ищут на склонах ребристых,
как редкие ищут грибы,—
осколки,
застывшие искры
горнила вселенской судьбы.

Находки с невольной опаской
приезжие держат в горсти.
Немногим
пробитую каску
счастливится приобрести.

Находок существенных мало.
Земля зелена и светла.
Несчетные тонны металла
она ль на себя приняла?

Цветы и кустарник на склонах
обычны, куда ни смотри...
Но здесь —
те железные тонны:
осколки ржавеют
внутри.

Не надо случайных открытий.
Земля справедлива у нас:
вы ей деревца подарите —
она вам железо отдаст.

НАСЛЕДСТВО

Это грустная тема.
Но, видимо, нам,
людям взрослым,
от этого некуда деться.
Умирают отцы.
Оставляют своим сыновьям
немудреные
или мудреные вещи
в наследство.

Города оставляют,
заводы и ГЭС,
ну, а личные вещи —
те всего лишь в придачу.
Но в наследствах иных,
глядь, берет перевес
это самое, личное —
гаражи, и сберкнижки,
и дачи.

Да, святое понятье —
родительский дом.
Да, иные дома
на бессвятости слеплены.
Понимаю, конечно,
что и в случае том
и другом
сыновьям нелегко,
может, всем
одинаковой степени.

Ведь отец есть отец.
Эта истина очень проста.
Эту тему жестокую
я бы вовсе не трогал.
Но один из наследников,
в сорок лет сирота,
мне однажды заметил
высокопарно и строго,
что я горя его
никогда не пойму до конца,
что в сравнении с ним
хорошо и легко мне,
так как не хоронил я
родного отца
и почти что не знаю его,
и почти что не помню...

Да, мне проще,
яснее мне
жить на этой земле.
Вечно молод отец мой —
образ чистый и цельный.
Кроме родины милой,
ничего не оставил он мне.
Ничего.
Ни клочка
гимнастерки своей
драгоценной.

СТАРОЕ ПИСЬМО

Перед дальней своею дорогой —
к океану,
за веком вослед,
почему-то я все же потрогал
пыль
тобой запорошенных лет.

Твой,
полжизни заполнивший почерк!..
Ах, как сердцу некстати тесно!
Это — старое,
старое очень
и ненужное очень
письмо.

Жизнь раздвинулась,
даль раскололась!..
Через горы, моря и года
почему же мне слышится голос:
«Жду, целую,
твоя навсегда»?

И неправдою этой учимый,
одного я сегодня боюсь —
что так долго бойцом и мужчиной
и мучительно так становлюсь.

А вокруг меня пусто и грозно:
только небо,
вода и металл.
Знать, до этого я несерьезно
свое сердце тоской испытал.

Только здесь,
под огромностью ветра,
где безмерно тоскует вода,—
ни намека уже,
ни ответа:
где ты,
чья ты,
моя навсегда?

●

Он вот — мой мир,
мой вечный белый свет,
где прочен и незыблем
каждый камень,
где четко и сурово отчеканен
над Волгою завода силуэт.

До основанья
знаю этот вид
с деревьями, уже немолодыми:
на пустыре, упрятанном под ними,
мой мяч тряпичный
брошен и забыт...

На боль и радость
память не скудна.
Мне до сих пор
того мальчишку жалко:
вот он шагает в баню
«на прожарку»
в штанишках из трофейного сукна.

Я в этот мир
таким попал тогда —
дорогами скитаний пропыленным,
попал, чтоб стать
навек усыновленным
воспитанником щедрого труда.

Он прост — мой мир,
воздвигнутый трудом:
завод в дымках и уханьях
веселых,
да утопает в зелени поселок...
Он прост — мой мир,
как добрый отчий дом.

Но жизнь его
куда как не узка —
со всей страною ширится и
мчится!

Недаром же
брала меня учиться,
с тех пор такая близкая,
Москва!

Широк мой мир.
Его надежней нет.
Ведь знаю в нем
почти что каждый камень!..
Навечно в моей жизни отчеканен
родимого завода силуэт.

В ГОРАХ МОЕ СЕРДЦЕ...

Сергей ВЫСОЦКИЙ

Фото автора

БУДУЩЕЕ КАРПАТ

Доктор Радо Рей заглушил мотор, и мы вышли из его ярко-красной «Дачии». Горы, снег, солнце. И тишина. Только где-то далеко-далеко за лесом, словно специально для того, чтобы мы ощутили, какая это оглушительная тишина, тонко, как оса, жужжала поднимавшаяся в гору машина.

— Видите эти домики? — показал Радо на прилепившиеся на заснеженном склоне постройки. — А вот, посмотрите, еще выше!

Домик у самой вершины казался отсюда, из ущелья, совсем игрушечным. Из трубы вился легкий дымок и сливался над лесом с низкими облаками. Рядом с домом, похожие на дозорных в тулупах, стояли несколько стожков сена с нахлобученными снежными шапками. Темными, чуть заметными строчками изгородей были очерчены небольшие участки. По тропинке поднимался человек с ведрами. Издалека было не различить, мужчина это или женщина.

— В том доме, что на сто метров выше, — сказал Радо, — проблемы уже другие. Там жить труднее. Нет комфорта, к которому привыкли жители долин, не говорю уже о том, каким трудом дается обработка каждого метра земли. А заболачивание! Стоит год-два оставить землю без присмотра — и ее уже трудно вернуть для дела. Сколько камней повытаскивали крестьянские руки, сколько срыли кочек!

Радо Рей родился здесь, в Карпатах, в небольшом красивом городке Ватра-Дорней. Окончил в Сучаве ветеринарный факультет. И с тех пор бессменный районный ветеринар. Нелегкое это дело — быть ветеринаром в горах. Тут и автомобиль не большой помощник, хотя, глядя на видавшую виды «Дачию» Радо, понимаешь, что горные дороги ей хорошо знакомы. За долгие годы работы, пожалуй, не много осталось крестьянских домов даже на самых крутых склонах, которые бы не посетил Радо. Он не только лечил животных. Наблюдательный, с аналитическим складом ума, он глубоко изучил крестьянский быт в горах; особый, веками сложившийся уклад жизни, открытый и доброжелательный, несмотря на внешнюю суровость, характер людей, высокие нравственные законы, по которым они жили. Он с горечью наблюдал, как часто дети, уехавшие учиться в большие города на равнинах, уже никогда не возвращались в горы. Разве что в отпуск — подышать родным воздухом, напоенным ароматом хвои, наловить рыбы в студеных шумных речках. Все больше и больше домов оставалось заколоченными. Заболачивались, зарастали кустарником прекрасные альпийские луга.

— Вы замечали, что покинутый дом очень быстро умирает? — спрашивает меня Радо Рей. — Стареет прямо на глазах, разрушается и гибнет без человека...

Люди покидали свои дома, потому что жизнь в горах труднее. Здесь перед современным человеком с его высокими требованиями к уровню комфорта и цивилизации вставала масса, казалось бы, неразрешимых проблем.

— В Европе пятьдесят миллионов человек живут в горах, — говорит Радо. — И триумфальное шествие технического прогресса на пути к этим пятидесяти миллионам резко сбавляет скорость. Вы привыкли к водопроводу и автомашине, к возможности в любой момент включить телевизор и узнать последние новости. А для жителя гор это не всегда достижимо. Природные условия наложили суровый характер на деятельность человека в горах.

Республика строилась, создавались новые предприятия, города. Везде требовались руки, и горные жители спускались в долины.

Районный ветеринар Радо Рей считает горы национальным богатством.

— Не забудьте — самые слабые источники в горах становятся реками! И чем выше эти реки берут начало, тем чище они будут. В горах намного лучше сохранились народные традиции и обычаи, национальная одежда, песни, танцы — все, что составляет такое дорогое для каждого понятие «фольклор». В горах укрывались от врагов в трудное время, здесь сохранились старинные формы общественного сотрудничества. Горы являются для нас — да и не только для нас! — экономическим и биологическим резервом на будущее. Придет ли время гор? Без сомнения! Увеличение населения земного шара приведет к миграции в высоту. Люди будут искать там не только чистый воздух и развлечения, как бывает сейчас, но и что-то более существенное — пищу! Потому что резервы гор, пока еще мало использованные, велики. Да, да! — уверенно говорит Радо Рей. — Поверьте моему слову! Сейчас мы больше говорим о Мировом океане, но придет и время гор! Будет создана наука монтология.

Уже давно Радо Рей начал воевать за горы. Прежде всего попытался привлечь внимание к проблеме.

— Сложностей хватало,— рассказывает он,— мало кто понимал «горную специфику». Считали, что люди в горах жили и будут жить, а ждать там особых успехов от сельского хозяйства нечего. Но ведь дело не только в уровне развития сельского хозяйства в горах. Это общая проблема культуры и быта. Теперь положение изменилось. Появилось много энтузиастов. В экономике и планировании стали больше учитывать волнующие жителей гор проблемы.

Машина наша несется по красивой горной дороге. Слева — темная лента незамерзающей речки, небольшие чистенькие поселки. Справа — уходящая ввысь темная стена хвойного леса. Радо рассказывает увлеченно, не забывая указать на какой-нибудь особенно красивый дом или образцово организованный приусадебный участок.

— Вот вам простой и наглядный пример. — Он опять тормозит. — Видите стог, с маленькой крышей на шестах? В обычных стогах, без крыши, двадцать процентов сена погибает. А сколько экономят сена те, кто применяет это нехитрое сооружение? Пятую часть покоса!

Изучение и систематизация крестьянского опыта, традиций горного животноводства и земледелия — вторая точка приложения сил доктора Радо. Он дотошно исследовал все самое рациональное, самое экономичное, что было накоплено веками. И удивлялся, когда видел, что буквально в километре от усадьбы, где с незапамятных времен применяется удобное приспособление для подачи воды в дом, люди не знают об этом и носят воду издалека, с горной речки. Но районный ветеринар не только собирал и систематизировал крестьянский опыт, для того чтобы сделать его потом общим достоянием. Он внимательно следил за всеми новинками современной техники, которые помогли бы значительно улучшить горное животноводство, лесное хозяйство и облегчили быт горцев, сделали их жизнь более приятной и комфортабельной.

— В горах сильны традиции. Решая здесь разные хозяйственные проблемы, нельзя эти традиции не учитывать. Вплоть до привязанности к определенным видам животных. Да, да! Не улыбайтесь! — горячо реагирует на мою улыбку Радо. — В одном районе испокон веков выращивают овец: здесь знают об овцах все, и выведены самые продуктивные породы. В другом выращивают коров... Да, горная зона нуждается в особом подходе.

— А сейчас я познакомлю вас с одним интересным художником, — говорит доктор Радо и останавливает машину на обочине у въезда в большое село. На дорожном указателе его название — Чоконешть. Все ближайшие к нам дома разукрашены орнаментами — то строгими, почти классическими, то затейливыми и прихотливыми. Особенно красивы строгие, сдержанные орнаменты из светлого камня.

— Смотрите, смотрите! — говорит Радо.— Будете знать, какие в наших Карпатах живут умельцы.

Мастера — пожилого крестьянина Думитру Томояге — мы застали за починкой крыши на сарае. Он не спеша спустился к нам, с достоинством пожал руку. Сразу было видно, что с доктором Реем они старые знакомые.

Томояге немногословен.

— Чего же рассказывать? — пожимает он плечами. — Смотрите, фотографируйте. Потом заходите в дом. Отведайте наших карпатских угощений.

В чистом, уютном доме стены завешаны домоткаными коврами, яркими пейзажами, рисунками на библейские темы.

— Ковры и дорожки ткет жена, — говорит Томояге, — картинки рисует дочь Сильвия. А уж дома разукрашиваю я сам.

— В округе нет ни одного дома без его орнаментов, — улыбается Радо Рей. — И ни один из них не повторяется!

— И на другом конце Румынии есть, — говорит Томояге, — на границе с Югославией. Да... Как разукрасил тридцать лет назад стены своего дома, так и идут люди. «Распиши, да чтобы не так, как у соседа».

На столе появляется моченая брусника, сок не то из черники, не то из голубики, домашняя колбаса. И, конечно, кувшинчик с наливкой.

Поздно вечером мы с сотрудником журнала

Современные отели на Черном море близ Констанцы * Музей археологии древнего города Каллатиса * Думитру Томояге из села Чоконешть * Горный курорт Синая.

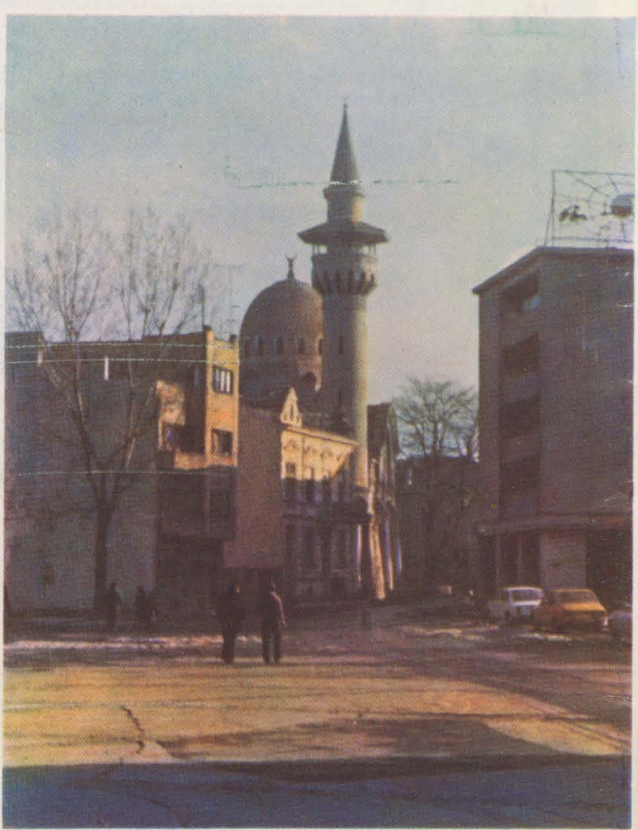

COLECTIA DE ARHEOLOGIE
CALLATIS

«Флакара» Ионом Гоя дожидались на платформе станции Ватра-Дорней поезда на Бухарест. В последний момент появился доктор Радо Рей, протянул мне свою книгу в яркой обложке с изображением гор. «Будущее в Карпатах» — называется книга. «Посвящаю эту книгу моим родным местам...— написал автор. — Я посвящаю ее Карпатам и особенно их великолепным людям, которые мужественно прошли через историю нашего поколения, свободные, отважные, трудолюбивые и добрые...»

ГЛАВНЫЙ АРХИТЕКТОР

Декабрь — не самое подходящее время для того, чтобы оценить всю прелесть города, считающегося одним из самых зеленых в Европе. Но даже снежные сугробы на улицах и плотный туман, укутавший озябшие парки, не помешали мне получить удовольствие от долгих прогулок по старым кварталам города, от поездки в новые районы Пантелеймон, Титан, Габери. Не нужно особенно напрягать воображение, чтобы представить себе Бухарест весной, когда цветут каштаны, акации, вишни.

— Наверное, недаром называли этот город маленьким Парижем? — спрашиваю я у Александру Будештяну, главного архитектора румынской столицы, в кабинете которого продолжилось знакомство с городом.

Будештяну качает головой:

— Нет, нет! Сегодня это определение устарело. И не только потому, что уже к концу прошлого столетия, как реакция на подражание Западу, возник национальный румынский стиль в архитектуре. Бухарест приобрел свое, неповторимое лицо, свой характер в послевоенное время.

Главный архитектор встает, подходит к большой пестрой карте, на которой в первый момент я могу различить только огромные, окрашенные в зеленый цвет массивы садов и парков.

— Вот границы старого города. — Александру Будештяну проводит указкой по карте. — Здесь расположено много замечательных памятников архитектуры. Вы, конечно, обратили внимание на дома и соборы, построенные в стиле Брынковяну? Их сразу можно отличить по обилию стенописи, лепки, резьбы по камню.

Этот архитектурный стиль назван по имени просвещенного румынского князя Брынковяну, правившего в конце XVII и начале XVIII века.

— Центр города мы стараемся сохранить в неприкосновенности, — продолжает главный архитектор. — Свои коррективы, правда, внесла стихия — землетрясения 1940 и 1977 годов. Сильно пострадал город и во время войны. Но землетрясения разрушили старые небольшие дома. Их все равно пришлось бы снести.

Оставил свой отпечаток на облике города и модернизм. После первой мировой войны некоторые строители увлеклись кубизмом, идеями Корбюзье.

— А как относитесь к этим идеям вы?

— Корбюзье, конечно, оказал большое влияние на развитие современной архитектуры. Он прежде всего показал выгоды железобетона. Вся современная американская архитектура вышла из Корбюзье. Но вот парадокс: Корбюзье провозглашал основную идею в строительстве жилья — побольше солнца, зелени, больше простора для человека. А что мы видим в американском городе? Крайнюю зажатость, каменные ущелья улиц. Нет, жить в душных каменных ущельях нельзя, как нельзя строить вне национальных традиций, вне времени и пространства. Необходимо вернуться к обществу, в котором живешь...

И самая главная ошибка Корбюзье и его последователей — они строили дома, вместо того чтобы строить города, как это делаем мы, архитекторы социалистических стран. В других социальных условиях решение градостроительной задачи связано с огромными трудностями. Могу опять же привести в пример Америку: в Соединенных Штатах прекрасно строят отдельные здания, на очень высоком уровне теоретические решения, а общая застройка, как правило, получается плохой — эклектичной, неинтересной. Генплан Нью-Йорка разработан и утвержден в 1929 году. Я хорошо с ним знаком. Это очень интересный генплан. Ну и что? Он уже давно устарел, а до сих пор к его осуществлению не приступили, потому что сразу встретились с непреодолимыми трудностями. И, как мне кажется, не приступят никогда. Даже в том случае, если будет разработан новый генплан, у американцев нет метода, нет инструмента для его осуществления. Плановое развитие и частный способ производства, частная собственность на землю и постройки трудно совместимы. В том числе и в архитектуре. Можно строить отдельные дома все лучше и лучше, но так и не преодолеть трудностей при разбивке в черте города нового парка или строительстве в едином архитектурном стиле улицы...

— Знаете, — улыбнулся Будештяну, — Поль Валери писал в своем эссе «Эвпалинос, или Архитектор»: «...Не замечал ли ты, проходя по этому городу, что есть в нем *безгласные* здания, есть здания *говорящие* и что кое-какие, самые редкостные, *поют*». А мы хотим, чтобы пели не только здания, а улицы, районы! Чтобы пели города! Задача немыслимо трудная, но выполнимая. Выполнимая только в обществе, имеющем плановое хозяйство, в социалистическом обществе. Вы побывали на нашем побережье Черного моря? К западу от Констанцы уже есть «поющие» города. Прекрасные солнечные города-курорты!

Александру Будештяну хорошо знаком с достижениями мировой архитектуры. Окончив в Бухаресте архитектурный институт, он поехал в Москву, в аспирантуру. Темой его диссертации была «Организация зон отдыха в пригородах крупных городов».

После этого долгое время работал в Нью-Йорке, в Организации Объединенных Наций. Возглавлял отдел технической помощи для Южной Америки и Африки в Центре градостроительства и жилищного строительства. Руководил проектами градостроительства в развивающихся странах. Генеральный план города Сингапура, проекты в Того, в Венесуэле... «Проекты-семена», как называет их сам доктор архитектуры Будештяну. Семена, из которых бы выросли города, ставшие примером красоты и экономичности, идеальные обиталища для человека. В своей работе Будештяну стремился прежде всего использовать лучший опыт градостроителей социалистических стран. Помимо чисто архитектурных задач, Центр занимался подготовкой кадров национальных специалистов. Работа в ООН позволила Александру Будештяну познакомиться — познакомиться не книжно, а воочию — с опытом мировой архитектуры.

Он стал главным архитектором Бухареста в июле 1977 года. В год землетрясения. Даже мы, в Москве, за тысячи километров от румынской столицы, ощутили его грозные звуки.

Какие чувства испытывает человек, которого назначают главным архитектором столицы, только что подвергшейся разрушительному землетрясению? Этот вопрос я так и не задал Будештяну. Мне показалось, что на него трудно ответить. Ответить исчерпывающе откровенно. Но с уверенностью можно сказать, что чувство ответственности преобладало над всеми остальными. С первых дней главному архитектору пришлось решать десятки вопросов, о которых в любое другое время он бы не задумывался. Тысячи людей остались без крова, сотни домов были разрушены, сотни других находились в угрожающем состоянии. Александру Будештяну надо было думать и о том, как строить быстрее и дешевле, и о том, как в то же время «не испортить» город скороспелыми времянками. В это же время начинается разработка генерального плана Бухареста, его реконструкции и создания нового административно-политического центра.

— Год землетрясения буду помнить всю жизнь, — говорит Будештяну. — Уже к осени нам удалось решить самые насущные проблемы. Не только дали жилье людям, но и устранили явные следы землетрясения. Потом на протяжении двух лет достраивали все пострадавшие здания. Огромную помощь оказал Советский Союз, подаривший завод по производству крупнопанельных домов.

Многосложная это задача — создать новый город, сочетающий национальный характер, ярко проявившийся в старых районах, с современными масштабами и широтой, с современными требованиями к удобству и комфорту. Масштабы строительства таковы, что волей-неволей приходится использовать типовое проектирование, стандартизацию. Мы сдаем в год по тридцать тысяч квартир! Пока еще много строим пятиэтажных домов — они дешевле, да и более устойчивы при землетрясении.

Но, как видите, при всем при этом широко используем национальные традиции, румынский стиль в архитектуре: лоджии, балкончики, массу декоративных народных элементов.— Главный архитектор показывает фотографии домов, улиц.— В сочетании с яркими облицовочными материалами все это позволяет проследить определенную преемственность в архитектуре. Один из самых ярких примеров этому — район Габери.

На перекрестках строим дома уникальные, по индивидуальным проектам. Это создает неповторимый рисунок улиц и площадей.

Кстати, об улицах... Вы замечали, что в тех городах, где новые районы не имеют широких и красивых центральных магистралей, их жители ездят в старые районы, в центр просто для того, чтобы пройтись вечером или днем в воскресенье по главным улицам. Пройтись — себя показать, других посмотреть. Такова уж давняя городская традиция. И не учитывать ее нельзя. Теперь мы строим новые районы с красивыми главными улицами. Там много магазинов, ресторанов, кафе. И толпы гуляющих...

У каждого города — свои особенности. Но больше общего. И опыт, дружеский опыт — бесценное богатство. Главные архитекторы столиц социалистических стран очень дружны. Мы регулярно собираемся вместе — нам есть что обсудить. Всегда с удовольствием я бываю в Москве. Опыт московских градостроителей очень интересен для нас. Да и годы, проведенные в аспирантуре, не забудешь!

Мы беседуем с Александру Будештяну уже долго. Наверное, пора и уходить, но мне хочется задать этому интересному собеседнику еще несколько вопросов. Меня всегда занимало, чему посвящает свой досуг человек, увлеченно, с самозабвением отдающийся своей профессии.

Главный архитектор улыбается:

— Об этом журналисты меня еще не спрашивали. — На мгновение он задумывается, словно только вот сейчас решает для себя, что же главное в его приватных увлечениях, и говорит: — Свободного времени остается немного. Но уж если оно выдается... Отпуск ведь и главному архитектору положен? Не правда ли? Очень люблю путешествовать. Знакомиться с новыми городами. Нет такого места на свете, где нельзя было бы чему-то научиться. В любой, самой бедной пока стране. Люблю ходить по Бухаресту, ездить по Румынии. Хочется познакомиться с каждой улицей, с каждым домом. И еще марки! Собираю марки по истории архитектуры: от изображений памятников неолита до современных шедевров зодчества.

Конечно, много читаю. Люблю поэзию. Когда-то и сам писал стихи. Люблю Тудора Аргези, Эминеску. Преклоняюсь перед Федором Достоевским и Садовяну. Из наших современников люблю Маркеса.

— Но самое интересное в жизни — люди,— говорит Александру Будештяну, когда мы прощаемся. — Встреча с интересным человеком — всегда открытие. Согласны со мной?

Я вспоминаю свои недавние встречи с крестьянином Думитру Томояге из села Чоконешть, с доктором Радо Реем и киваю.

Уже потом, перечитывая томик писем Ван Гога, купленный в магазине советской книги на улице Доробанци, я наткнулся на такие строки: «В конце концов самое интересное в жизни — люди: сколько ни изучай их, все мало. Вот почему такие мастера, как Тургенев, могут по праву считаться великими: они учат нас наблюдать».

Бухарест — Москва

Доктор Радо Рей * Констанца — город архитектурных контрастов * Орнаменты на этом доме — работа Думитру Томояге * На улице Синая.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. М. МАРКОВА

СИБИРСК

Н. ТОЛЧЕНОВА

Сибирский характер. Так представляем мы себе Маркова, героев Маркова.

Сибиряк, если это сибиряк настоящий, есть некое живое олицетворение твердости взглядов и постоянства убеждений. Таков сам Марков. Таковы же и любимые нами герои произведений Маркова, люди всегда ему близкие. Не «выдуманные» писателем, а взятые им непосредственно из жизни народа. Точнее сказать, из жизни отцов, дедов и прадедов писателя, коренных сибиряков.

Они известны всему читающему миру — эти скромные, работящие люди, которыми всегда держалась да и сейчас по-прежнему держится родная земля,— по романам Маркова «Строговы», «Отец и сын», «Сибирь», «Соль земли»...

Эти большие, объемные книги, в каждой библиотеке зачитываемые обычно до полнейшего износа, издаются и снова переиздаются, и снова читатель ждет и встречает их все с тем же неослабевающим интересом.

Печатаются произведения Маркова более чем на сорока языках народов мира. И все равно не могут удовлетворить всевозрастающего читательского спроса, который, пожалуй, стал особенно заметен еще и после того, как телевидение (а теперь и театр) показали зрителям воочию семью Строговых: Захара и Матвея, Артема и Максима; а потом и героев «Сибири»: подпольного работника ленинской партии Ивана Акимова, Катю и Полю, других его соратников и верных друзей, и еще многих-многих сибирских крестьян, хранителей своего края и патриотов России. Более того — патриотов всей честной, трудовой земли.

Вот тут-то, пожалуй, кроется разгадка и всех давних уже, и нынешних произведений Маркова, да и всего творчества писателя в целом.

Разгадка эта в том, что, рассказывая нам о Сибири, Марков по-человечески широк, неповторим и самобытен... Вспомним Шолохова... Повествуя о земле Тихого Дона, Шолохов, великий художник, говорит с нами ведь не о «местных» нравах, не о краевых или областных обычаях и повадках людей, а широко, объемно раскрывает внутренний мир «простого» Человека — мир прекрасный, безграничный, полный сложных переживаний, утрат и находок, радости и горя...

Постигая свою землю, Георгий Марков идет по такому же творческому пути.

Упорный труд, любовь к родной земле, вроде бы суровой и неласковой, но все равно любимой, неистощимая вера в человека — качества, характеризующие облик самого Маркова,— с такой же душевной, психологической точностью раскрываются в нравственном облике его главных героев. Они неповторимы и тем интересны. Мы видим их своеобразие, ощущаем богатство их внутренних, глубоко скрытых переживаний. Но в них есть нечто общее. Характеры любимых героев Маркова подобны недрам сибирской земли, которая обладает множеством необходимых людям сокровищ. Вот так же в тайниках души народа, воспеваемого Марковым, сокрыты чудесные кладези, хранящие в себе главное для жизни человеческой. Это скромная, естественная способность к героике подлинной, к поступкам самоотверженным. Врожденное благородство отношений, проявляемое в любых, порой самых неожиданных ситуациях.

Земля великодушных людей. Такова Сибирь, снова открываемая для нас и сегодня Георгием Марковым.

Настойчиво говорю именно так: с н о в а. Прежде всего потому, что творческие возможности писателя оказались, подобно возможностям его родного края, неистощимыми.

Герой Социалистического Труда Георгий Мокеевич Марков.

Фото Н. Кочнева

Далеко еще не все сказал нам о своей родине и о своих земляках, что хотел бы сказать, этот природный, упорный сибиряк, этот неистощимый, полный замыслов художник.

В октябре 1944 года Г. М. Марков, офицер, служащий на Дальнем Востоке, вдруг записал в своем дневнике: «Хочется прожить сто лет! Временами берусь подсчитывать: в 1951 году мне будет 40, в 1961-м — 50, в 71-м — 60, а в 81-м — 70. Но это еще не предел».

Так прозорливо было сказано писателем сорок лет назад. И так именно осуществлено. Так и оказалось. Н е п р е д е л.

Свое семидесятилетие Георгий Мокеевич Марков отмечает появлением новой книги, мало сказать, интересной, но на первый взгляд вроде бы для него неожиданной.

Я имею в виду роман «Г р я д у щ е м у в е к у» («Знамя» № 3, 1981), где четко просматриваются безусловно с и б и р с к и е характеры, но вдруг — впервые для творчества писателя, всегда насыщенного точными географическими приметами,— привязанные к некой, явно условной области: Синегорской.

Ведь в отличие от реальной карты Томской области, где чуть ли не каждая пядь таежной земли по берегам Чулыма, Васюгана, Юксы и других притоков Оби сразу же бывает читателем и узнаваема — тут не находишь названий, которые позволили бы и нам, читателям, побывавшим в Сибири, сказать: да, эти края мы тоже знаем, были, встречали, помним...

— Что же случилось, Георгий Мокеевич? — спросили мы писателя.— Откуда взялась Синегорская область в новом романе, так многообещающе названном — «Грядущему веку»? Самое тщательное исследование карты Сибири на сей раз ничем не помогло. А ведь такого у вас, пожалуй, еще не было?

— Вы правы,— отвечает писатель.— Ни в одной из моих книг доселе еще не было ни одного "придуманного" места действия. Всюду подлинная, самая что ни на есть реальная обстановка. Да и прототипы почти всегда и во многом — живые люди... Я уверен, что писателю жизнь всегда дает такой огромный и такой интересный материал, что «выдумка», особенно чужеродная, может только покалечить эту жизнь, нарушить ее внутреннюю правду, убить присущую ей гармонию. Так ведь и Синегорская область, хоть на карте ее действительно нет, отнюдь мною не «придумана». Она возникла в той же Сибири, но как бы заново мною создана, «сконструирована» мною. Она мне нужна, поскольку многие — и очень острые — проблемы сегодняшней жизни народа касаются не одного только этого края. Они шире...

— Молодой герой вашего нового романа Антон Соболев, первый секретарь обкома партии, только что избранный пленумом,— по-прежнему сибиряк типичнейший. Но главное в нем, конечно, то, что он — человек сегодняшний... Деятель новой, социалистической формации, крупная и яркая личность; многосторонне развитой талант организатора, ученого-мыслителя, общественного деятеля; ленинец, щедро и полно несущий себя, свои силы и способности веку грядущему... Он — человек, и ничто человеческое ему не чуждо, но в то же самое время он очень интересно — и по-новому — продолжает главную вашу тему — тему коммунистического строительства; развивает многие образы работников партии, скажем, Максима Строгова из романа «Соль земли», Михаила Нестерова из повести «Завещание», Валерия Кондратьева из «Тростинки на ветру», не так ли?

— Вы угадали. Антон Соболев, конечно, становится живой порослью современности,— носителем острейших проблем нынешнего дня. А вместе с тем он — продолжение моего постоянного писательского раздумья о великой ответственности каждого коммуниста и каждого партийного работника перед народом. Не говоря уж об ответственности руководителя такого масштаба, как первый секретарь обкома. Антону Соболеву предстоит жить по-новому, а не просто повторять мысли и дела героев предшествующих лет. Подлинное благоустройство жизни — необходимое благо для счастливого народного существования, нынче требует, особенно от руководителя, многих, совершенно новых инициатив. И в этом смысле у Антона Соболева, молодого секретаря Синегорского обкома, уже появилось и дальше появится много необычных обязанностей, много новых, очень нужных людям забот. И главное, он их сам создает! Это ведь и есть инициатива...

— Новый роман будет завершен еще одной книгой?

— Вернее всего, двумя...

— И продолжение уже пишется?

— Да, если позволяет время... Но тут уж приходится изыскивать любые возможности, потому что именно время-то чаще всего и «не позволяет». Его попросту нет, этого времени. А роман, хочешь не хочешь, заставляет работать... Ведь он, признаться, внутри уже весь продуман, весь сложился. Весь, буквально до самого итога, до последней строчки. И тут ведь опять-таки как бы даже не я складываю сюжет. Его складывает сама жизнь. Складывают и сегодняшние и вчерашние мои депутатские обязанности, все мои наблюдения в поездках, все встречи с людьми и на родной земле и за рубежом. Не говорю уж о тех огромных, неоценимых для каждого творческого человека впечатлениях, которые всем нам дал Двадцать шестой съезд партии!

— Когда обсуждался доклад Леонида Ильича Брежнева, вы, первый секретарь правления СП СССР, член ЦК КПСС, сказали с трибуны съезда: «...Художественная мысль страны не отстает от времени, а, может, порой и опережает его, заглядывает в будущее». Мы, читатели, разумеется, видим, что ваш новый роман — весь целиком — впрямую адресован «Грядущему веку». Но, думается, для вас это традиция? И в прежних ваших произведениях художественная, писательская мысль всегда связана с заглядом в будущее, с планами партии, предстоящими задачами народа. Уже в «Строговых», и в романе «Отец и сын», да и в «Сибири», и особенно в обеих книгах романа «Соль земли» прочерчена эта тенденция: видеть проблемы жизни грядущей, готовиться к этой жизни. Она отчетливо видна и в сюжете и в образах действующих лиц. Герои реальны, а вместе с тем устремлены всей душой в будущее, ради которого живут, действуют, борются и умирают...

ИЙ ХАРАКТЕР

— Это так и есть. И, признаться, все это очень дорогие, может быть, самые дорогие для меня образы... Отец и сын Бастрыковы,— тут ведь моя собственная жизнь, моя судьба. Передо мной тут мой дед, мой отец Мокей Фролович Марков, мои братья. Потомственные люди сибирской земли, они жили очень трудно. Жили нелегкой, суровой, но честной и чистой — совестливой жизнью охотников, рыбаков, звероловов, шишкобоев... Такова была сама природа, создавшая их. Это она делала их не просто «добытчиками», но помогала им жить, заставляла изучать и любить жизнь, понимать ее законы. Они становились своего рода учеными земли, ее исследователями... Я был тринадцатым ребенком в своей большой семье и уже с десяти-одиннадцати лет начал помогать отцу в таежном промысле. Отец же кормил семью не просто ружьем, но доскональным, поистине творческим общением с природой, знанием тайги. Мои герои — Роман и Алексей Бастрыковы, как и Лисицын, и Матвей Строгов, и Федор Терентьевич Горбяков, да и многие, многие другие,— отнюдь не писательская «выдумка»! Я всегда возвращался мыслью к близким людям, к отцу и братьям, потому что гордился ими: они были знатоками своей земли и знатоками людей, образцом нравственного человековедения. Для меня особенно дорого еще и то, что они были интернационалистами, самыми настоящими, не только потому, что жили рядом с «малыми» народами Сибири. Они жили с ними по-братски.

Ведь у людей настоящих «малого» человека не существует: люди труда всегда братья; все—дети одной земли... И земля эта была для них не злой мачехой, а родной матерью: они взаимно изучали ее, передавая друг другу ценнейшие наблюдения, опыт, навык — самое умение обращаться с этой непростой землей... Поэтому мой отец так смело водил ученых по самым тайным тропам тайги, подсказывал ученым заповедные мысли о богатствах родной земли. И поэтому же он до революции так умело прятал в таежных дебрях бежавших из сибирской ссылки политических ссыльных или же провожал их в еще более далекую дорогу — из революционной России за рубеж, когда им случалось, как Ивану Акимову, как Кате Кондрашиной в романе «Сибирь», бежать от каторги, скрываться от преследующей их по пятам полиции... Мои старшие братья были «красные», то есть прямые участники революции. Поэтому-то мне ничего и не приходилось — как и сейчас не приходится—выдумывать, «сочинять»... Позднее других книг «Сибирь» появилась просто потому, что я понял: уже пришла пора родиться и этой книге о прекрасном и сложном прошлом моего края, иначе еще одна страница в истории драгоценнейших и прочнейших, коренных революционных связей народа и ленинской партии ушла бы бесследно, канула, как говорится, в вечность. А на это я просто не имел права как коренной сибиряк. Этого уже не допускал мой, как вы говорите, «сибирский характер»...

— Георгий Мокеевич, а могила Романа Бастрыкова на берегу реки Васюган в романе «Отец и сын», коммуна — первая в Сибири, которую создал Роман Бастрыков, завещая сыну Алешке продолжать дело отцов-коммунаров,— все это тоже связано с вашей биографией?

— Тоже связано... Я уже сказал и повторяю: мне досталась трудная, но неповторимая жизнь поколения, которому пришлось на своих собственных плечах, как говорится, на своем горбу, вынести все, чем жил народ, а не стоять в сторонке, дожидаясь готовых результатов... В тринадцать лет я уже был комсомольцем, селькором, участвовал в жизни коммунистов, взрослых людей, крупных деятелей, подлинных ленинцев.

— Отсюда начинался ваш писательский путь. И, наверное, отсюда же постоянное ваше писательское стремление к жизненной «плотности», фактурности, что ли, насыщенности литературного замысла живой правдой факта, реальностью человеческого существования... С огромным увлечением, очень душевно вы писали о своей юношеской влюбленности в творчество Вячеслава Шишкова, но у вас совсем иное «письмо», совсем другой, несхожий почерк, своя собственная стилистика... Преобладает у вас очень чистая, четкая, немногословная фраза, герои говорят ясно и выразительно и мыслят всегда кратко, афористично... Перелистает ваше писательское начало начал — роман «Строговы»,— каждая страница служит тому доказательством! Вот хотя бы сцена, когда Захар Строгов собирается в город, чтобы продать пчелиный воск. Будто предчувствуя трагедию, страшный конец поездки, Агафья опасливо предупреждает мужа:

«— Говорят, на тракту пошаливают...

— Ладно, ладно, не учи. У меня все разбойники задарены.

— Я знаю, у тебя каждый встречный друг да сват...»

...Так ведь не вернется Захар домой. Сосед его погубит, кулак Зимовской. Польстится на трудовую выручку Строговых...

Образы таких коварных, живущих рядом, но ненасытных хищников, врагов людей да и самой природы обретают свои особые краски, свою отчетливость. И опять же — ни один не похож на другого... Демьян Штычков, Зимовской, двуликий «князь тайги» Порфирий Игнатьевич и страшная банда его пособников, убийц-контрреволюционеров в романе «Отец и сын», Карпухин в «Сибири»... Все они написаны уверенной, знающей рукой. Но особенно отвратителен, думается, Бенедиктин в романе «Соль земли». Обольстительный, ловкий аферист, мерзкий переродженец с партийным билетом в кармане, настойчиво лезущий в большую науку о Сибири, подбирающийся к ее исследованиям... В спектакле «Вызов» (по этому роману) мы видим его таким уверенным, таким наглым: ведь он уже стал «академиком», этот проходимец, украв чужие труды, ограбив, обидев, обманув многих и многих людей скромных, чистых, преданных своему делу... Вот только он один, пожалуй, и предстает как болтун, краснобай. Он богат словами, этот хитрец и пройдоха, способный обмануть бойким словоговорением кого угодно. Настоящие же люди выражают себя лаконично, говорят содержательно и коротко.

— Признаться, я не люблю словесных ухищрений! Особенно не люблю псевдонародной речи. Не одобряю в прозе злоупотреблений диалектом, хоть они сейчас вдруг оказались в «моде». Но это не мое.

— Даже знаменитый дед Фишка, старый партизан, знавший тайгу, как родной дом, и всеобщий любимец народа,— недаром же посланный делегатом к Ленину,— ведь и он в романе «Строговы» обходится почти совсем без каких-то особых языковых примет: без словечек, якобы характеризующих, создающих образ. Он возникает словно сам по себе, рождается из самой жизни, и в нем видишь прародителя всех сибирских патриотов, всех будущих строителей, воинов, защитников родной земли... Он тоже не «выдуман» вами, Георгий Мокеевич?

— И у деда Фишки, и у старой Дубровчихи в «Строговых», и у древней Мамики в «Сибири», укрывающей у себя на печи революционерку Катю Кондрашину-Ксенофонтову, есть свои прототипы... Сибирь, куда царские власти ссылали революционеров, где собирались задушить, «заморозить» самое Революцию, становилась той благодатной, жизнетворной почвой, где люди проверялись на прочность. И где возрастали поэтому неистребимые семена Революции. Всегда революционеры возвращались в Россию, оставляя за собою в Сибири, в ее глухих таежных селах свои новые организации, новые укромные, надежные пристанища для тех, кому они снова могли понадобиться. Более того, они оставляли всему трудовому народу Сибири свои мысли, свое отношение к жизни, свое бесстрашие и героизм. В самом народе — в той благодатной нравственной почве, какою является полная испытаний трудовая жизнь — пробивались и начинали жить ленинские, коммунистические идеи.

— Вот мы, наверное, еще раз подтвердили главную черту подлинно сибирского характера — всегда выдерживает этот характер испытание на прочность: не предаст, не изменит, не нарушит слова... Недаром сибирские полки обороняли Москву в самые трудные дни Великой Отечественной...

— Я-то сам был в дни войны на Дальнем Востоке, на японских границах. Об этом написана повесть «Орлы над Хинганом». Но в ту же самую пору я работал одновременно и над «Строговыми».

— Георгий Мокеевич, в армейской обстановке, в редакции фронтовой газеты совсем уж мало времени оставалось у писателя для большой работы над романом. Но вот еще один документ, выписка из блокнота тех дней:

«16 апреля. Ночь. Редакция. В промежутках между чтением полос пытаюсь размышлять. Пройдет еще три дня, и мне исполнится тридцать два года. Прожито уже много, а сделано еще так мало. Укоры совести охватывают меня... «Строговы» живут в сознании, как особый мир. Чувствую себя всюду, как выходец из этого мира, вырванный из него временно обстоятельствами.

Чтобы жить интересно, нужно не терять горизонтов жизни, не суживать их до пределов собственных радостей и печалей».

И тут же еще одна запись, сделанная в день рождения, 19 апреля.

«Мир широк, и его широта захватывает. Эта широта открывает многие интересные стороны, островки, на которые хочется проникнуть, дабы ощупать их своими руками... Хочется прожить так жизнь, чтоб можно было сказать: многое хотел, но и многое сделал».

С гордостью, наверное, перечитываете вы эти строки, Георгий Мокеевич?

— Ну, если уж и есть гордость, то не за себя, а за нашу общую жизнь. За народ и партию. Тут все задуманное сбылось! И сбылось потому, что у людей не пропал интерес к жизни, к труду, самое желание жить и делать дело. А оно, кажется, всегда, как бы само по себе, прибавляет энергии, радует, воодушевляет...

Признаться, меня очень радует, что многие образы моих романов и повестей вышли за последние годы на экраны телевидения, на сцену театра. Это всегда дает писателю новые силы.

— Заканчивая беседу, хочу пожелать вам, Георгий Мокеевич, в дни вашего юбилея хорошего здоровья, дальнейшего творческого счастья. Вы же сами сорок лет назад сказали: предела нет! Значит, все мы желаем вам новых книг. И, конечно, скорейшего завершения романа «Грядущему веку», который сейчас волнует воображение читателей, пытающихся предугадать судьбу героев, наших современников...

— Спасибо!.. Передайте и от меня — и от моих героев тоже — сердечный привет всем читателям «Огонька»! Тут ведь опять происходят некие необходимые контакты. Происходит то взаимное нравственное обогащение, которое совместными усилиями создают литература, журналистика, кино и телевидение, театральная сцена,— если они общаются с жизнью народа, если, постигая эту жизнь, сами участвуют в ней... Именно так наша, советская литература с первых своих дней продолжила великие традиции классики. И одновременно утверждала свои, новые, прекрасные традиции, создавала свои, великие имена... Шолохов, Леонов, Федин, Фадеев, Твардовский, Тихонов, вся многоликая, революцией рожденная классика... А нынешние писатели — сколько же талантов!.. Я высоко чту нашу сегодняшнюю большую литературу, горжусь своей принадлежностью к ней и счастлив возможностью работать ради ее процветания...

Перечислить все нынешние таланты нет никакой возможности, но хотя бы упомяну тех, кто сегодня идет вслед за Шолоховым, продолжает творчески мыслить о жизни народа — мыслить серьезно, значительно... Закруткин, Алексеев, Ананьев, Бондарев, многие другие писатели... Они всегда масштабны и при этом остро злободневны, правдивы, поэтому-то и любимы народом, близки ему.

Такая именно близость — духовная, взаимообогащающая — остро необходима нам всем. Необходима всему художественному деянию, которое точнейше определено XXVI съездом партии, основным и решающим его требованием — активного выхода искусства навстречу человеку. Принципиально нового, активного выхода на образ Человека — современника, строителя коммунистического общества.

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

●

Спикер калифорнийской законодательной ассамблеи Джессе Унру заверил Роберта Кеннеди, что сомнений в победе над Юджином Маккарти быть не может и что пора идти на традиционную вечеринку в честь победы. Вечеринки — или роскошные, или скромные — непременный атрибут предвыборных кампаний. Претендент приглашает на них тех, кто активно поработал на него в данном городе, данном штате. Братья Кеннеди платили за вечеринки из своего кармана, претенденты победнее не гнушались складчинами. Все, что требуется для этого ритуала — выпивка и минимальная закуска: малюсенькие бутербродики и хрустящая картошка. Была одна минута после полуночи, первая минута 5 июня, когда они покинули номер 512. Кеннеди направился к лифту, однако неожиданно изменил решение и пошел в другом направлении к грузовому лифту, чтобы, как он сказал, избежать толпы. Похоже, что какой-то внутренний голос, инстинкт самосохранения подсказывал сенатору такие вот спонтанные решения в эти последние минуты перед покушением.

Он произнес краткую речь, которую мы цитировали выше, в Посольской зале перед двумя тысячами бурно приветствовавших его калифорнийцев, подготовивших ему эту победу и теперь отпустивших все тормоза, чтобы наславу погулять. Затем ему надо было побывать на вечеринке в Бальной зале, где собрались его сторонники, которым не хватило места в Посольской зале. Затем сенатора ждали в фешенебельной лос-анджелесской дискотеке под претенциозным названием «Фабрика».

Роберт направился в Бальный зал через буфетную, примыкавшую к кухне. В этой малюсенькой комнатке, куда нахлынуло сразу около полсотни человек, уже было немыслимо вообще протолкнуться. Роберт Кеннеди с трудом пробирался, улыбаясь, пожимая руки. И тут темноволосый выхватил из кармана пистолет. Он целил в сенатора и ранил его смертельно. Пять других человек получили раны — от тяжелых до пустяковых.

Раздались возгласы: «Убить его!», «Линчевать ублюдка!». Как гром, перекрывая крики и вопли, Джессе Унру угрожающе скомандовал: «Не убивать! Держать живьем! Он нам нужен живым!». Жена, склонившаяся над Робертом в буфетной, громко повторяла самую нужную команду: «Дайте ему воздуха! Дайте ему дышать! Воздуха!».

В госпитале с библейским названием «Добрый самаритянин» он скончался через 25 часов, не приходя в сознание.

Весть о покушении в отеле «Амбассадор» застала сенатора Эдварда Кеннеди в Сан-Франциско. Он представлял Роберта на такой же победной вечеринке, потом включил телевизор в своем номере отеля «Фэрмонт». Вскоре с экрана прозвучала печальная новость. Эдвард встретил ее молча. После некоторого раздумья спросил: «Как нам побыстрее выбраться из этого проклятого места?». Из Лос-Анджелеса в Вашингтон он летел в передней части самолета у гроба брата. Террор в Америке, размышлял он вслух, творят «зловещие ночные ковбои», «безликие люди». Никто из собеседников не отважился попросить сенатора пояснить его мысль.

Окончание. См. «Огонек» №№ 9—14.

Полиция города Лос-Анджелеса прибыла на место покушения через несколько минут после выстрелов. Ее начальник Томас Реддин сразу же взял в свои руки — в буквальном и переносном смысле слова — арестанта. «Я хочу остаться инкогнито»,— повторял тот в ответ на все вопросы Реддина. Наверное, кубинец или с Вест-Индийских островов, подумал о нем шеф полиции и тут же, вывернув его карманы, обнаружил вырезку статьи известного вашингтонского обозревателя, владельца и главного редактора столичного журнала «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд рипорт» Дэвида Лоуренса. Статья посвящалась Роберту Кеннеди. В ней Лоуренс характеризовал сенатора в вопросе Вьетнама как «голубя», а в ближневосточных делах — как «ястреба», поддерживающего Израиль. Так появился первый «след», ведущий к «главному мотиву» покушавшегося, главному с той точки зрения, что таким он был сделан в ходе процесса. Месть за предрасположенность Кеннеди к Израилю.

Юноша, продолжавший настаивать на сохранении своего инкогнито, фигурировал поначалу в протоколах допросов как «Джон Доу». Так американская полиция обозначает неопознанных преступников. Но вскоре нужда в кличке отпала, так как по отпечаткам пальцев и другим признакам личность Сирхана больше не представляла тайны. Тайной по сей день остаются лишь его истинные мотивы.

В Нью-Йорке организация арабов, проживающих в США, — «Комитет действий в пользу американо-арабских отношений», мгновенно откликнулась на сообщение об убийстве Роберта Кеннеди палестинцем иорданского подданства решительным осуждением Сирхана за применение насилия. Вместе с тем комитет решил пояснить американцам, что поступок Сирхана «отражает обескураженность многих арабов, наблюдающих, как политики продали арабский народ Палестины за сионистские голоса».

Можно было понять положение, в котором оказался названный арабский комитет в США. Осудив Сирхана, отмежевавшись от его криминального деяния, он не мог его бросить на полный произвол судьбы. С другой стороны, комитет решил идти ва-банк и превратить трагический эпизод в символ разрушительности политики США на Ближнем Востоке. «Если нас станут осуждать за то, что мы не прощаем Роберту Кеннеди его воркование с израильтянами, то не большего ли осуждения заслуживают те, кто когда-то презирал и ненавидел его как политика, а теперь льет по нему крокодиловы слезы», — сказал в заявлении комитета какой-то неизвестный публицист.

Почти одновременно с этим прозвучал голос преемника Роберта Кеннеди на посту министра юстиции Рамсея Кларка: «Мы не располагаем свидетельствами заговора, единственные свидетельства указывают на то, что это был индивидуальный акт». Заявление министра юстиции, за которым стояло ФБР, появилось в утренних газетах 6 июня. Вечером того же дня обозреватель Эн-Би-Си Сэнди Ванокер в программе новостей, описывая реакцию сенатора Эдварда Кеннеди, сообщил телезрителям о том упоминавшемся уже нами разговоре, который происходил в воздухе в самолете, везшем гроб с телом его брата из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк. Эдвард Кеннеди и ближайшие к покойному сенатору помощники, сообщал телеобозреватель, с гневом говорили о «безликих людях», уничтоживших братьев Кеннеди, их друзей и доктора Мартина Лютера Кинга. Затем Ванокер сказал об Эдварде: «Он взбешен. Он не знает, совершен ли этот акт одиночкой или же этот акт — заговор».

Писатель Трумэн Капоте, любивший направить свое перо на разгадки преступлений, высказал предположение, что убийства братьев Кеннеди и Кинга «возможно, заключают в себе элементы одной колоссальной интриги». «Возможно, что за всем этим стоит кто-то», — отчеканил кардинал Ричард Кушинг, друг клана Кеннеди. Витиеватые намеки сходного свойства прозвучали из уст бывшего специального советника президента Кеннеди, историка Артура Шлезингера.

Власти крупнейшего города западного побережья не выразили какого-либо восторга по поводу слухов о заговоре. Засучив рукава, они кирпич за кирпичом закладывали фундамент, на котором могло бы покоиться для истории заявление министра юстиции Рамсея Кларка.

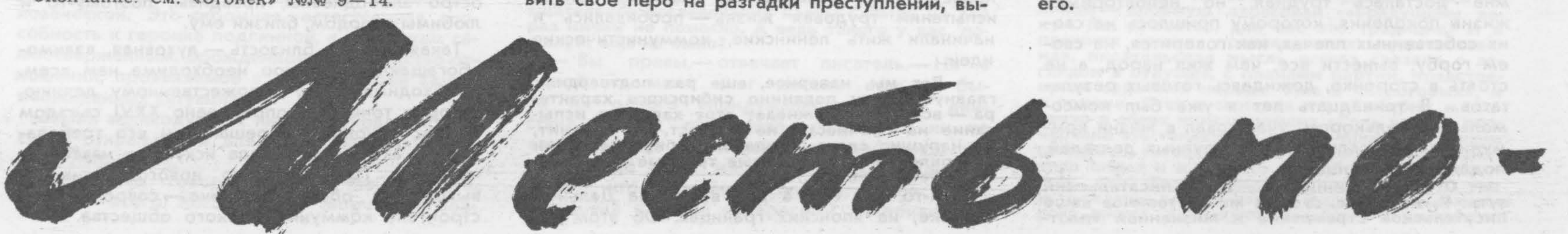
Мэр Лос-Анджелеса Сэм Йорти, политик крайне правых убеждений, вытащил на свет версию, что Сирхан был из «левых». В первые же часы после его ареста мэр разнес на весь мир весть, что машину Сирхана видели запаркованной у мест, где собирались на митинги... «левые». В нарушение уголовно-процессуальных кодексов штата Калифорния он оповестил мир о содержании дневника, который вел Сирхан. В нем якобы были какие-то намеки на симпатии к левым. Школьная учительница Сирхана мадам Тотси Бойко вспомнила, что он «восхищался Россией». И вот уже в красочном издании «Триумф и трагедия. Рассказ о Кеннеди», подготовленном агентством Ассошиэйтед Пресс, читаем: «Он так же, как и Освальд, проявлял интерес к России». В других изданиях его записали в «коммунисты».

Из дневника Сирхана извлекали также записи о том, что Роберт Кеннеди обещал Израилю 50 истребителей «Фантом» и что его за это надо убить до 5 июня. Почему именно эта дата? Исполнялась первая годовщина поражения арабов в так называемой шестидневной войне с Израилем.

Должны признаться читателю, что было довольно трудно следить за процессом над Сирханом. Конечно, объективность требовала прислушиваться к каждому слову подсудимого, очевидцев, но сознание буравила мысль: света пролито не будет, скорее напущено будет еще больше тумана. Так оно и было.

Взять, например, отношение Сирхана к Израилю. Поначалу много говорилось и писалось об его антисемитизме. Но оказалось, что у него был в старших классах школы друг-еврей Джефф Кан, который стал вспоминать: «Сирхан был очень настроен против Израиля... Но, кажется, он делал различие между израильтянами и евреями». Сирхан перед покушением проводил многие часы у одной пожилой еврейки, играя с ней в китайские шашки. Чтобы хоть как-то объяснить эту дружбу, стали говорить примерно следующее: «Он ненавидел Израиль, Бен-Гуриона, Аббу Эбана, но это не означало антиеврейского отношения».

Здесь следует учесть еще и тот немаловажный момент, что суд над Сирханом происходил одновременно с судом над Клеем Шоу, который вел за 1700 миль от Лос-Анджелеса, в Новом Орлеане, Джим Гаррисон. Перелистывая сейчас страницы американских газет и журналов зимы 1969 года, не перестаешь удивляться той ловкости, с какой буржуазные редакторы превращали оба процесса в эдакую пантомиму нереального, несерьезного и просто смешного. Они печатали отчеты о процессах рядом, часто под одной рубрикой или даже в одних и тех же статьях. Они позволяли себе сравнения Гаррисона с Сирханом, свидетеля в новоорлеанском процессе Руссо со свидетелями трагедии в отеле «Амбассадор». Солидные журналы еще допускали серьезные мысли и суждения относительно лос-анджелесского процесса (хотя их было очень мало), но они вели психическую атаку на Гаррисона, стремясь полностью дискредитировать его.

Но что же все-таки происходило в Лос-Анджелесе?

От имени обвинения заместитель окружного прокурора Дэвид Фиттс заявил, что подсудимый совершил убийство «в одиночку и без соучастия кого-либо еще». «Он хитрый, злобный человек», — сказал, обращаясь к жюри, другой представитель обвинения, Бак Комптон. Еще до суда Сирхан отрицал виновность, затем, как это делается в американских судах, в обмен на жизнь он по совету адвокатов соглашался признать вину. Когда комбинация не удалась, Сирхан заговорил, что невиновен в умышленном убийстве. К концу суда тактика изменилась, и, чтобы избежать смертного приговора, он вместе с защитой принялся доказывать, что совершил убийство в состоянии невменяемости.

Жюри присяжных досталcя крепкий «орешек»: попробуй реши, виновен или нет. Они впряглись в лямку и почти сутки без передышки колдовали над расшифровкой увиденного и услышанного. И вынесли приговор: виновен. Полсуток заседали еще раз присяжные для определения меры наказания. Сирхану было велено приготовиться к смертной казни в газовой камере. Просьба о помиловании, подписанная Эдвардом Кеннеди от имени клана, не смягчила сердца судьи Г. Уокера. Но ее учли апелляционные суды, куда обратились адвокаты приговоренного. В результате Сирхану не пришлось переступить порога газовой камеры тюрьмы Сан Квентин.

Полиция Лос-Анджелеса не испытывала восторга от замены смертного приговора на тюремное заключение. Несмотря на протесты юристов, она заперла в надежные сейфы 10 томов «официального расследования» убийства Роберта Кеннеди и стойко отбивает по сей день все попытки, поддерживаемые даже судебными инстанциями, приблизиться к этим секретным, как она сама их именует, документам.

Но что же может быть секретного в таком деле, которое в Америке называют не иначе, как «герметической закупоркой»? С очень близкого расстояния человек разрядил обойму в шедших ему навстречу людей, среди которых был и, по всей вероятности, будущий президент страны. Человек не отрицал, что он стрелял, что он хотел убить избранную им жертву. Все это подтверждали свидетели. Нет ни малейшей дырочки, через которую мог бы просочиться воздух, понюхав который можно было поморщиться и сказать: а ведь пахнет чем-то не таким!

Даже многие «далласские скептики», не верившие в версию Комиссии Уоррена, разводили здесь руками. Ничего не скажешь: все видели Сирхана в отличие от Освальда, которого якобы видел в окне шестого этажа с улицы лишь один Говард Бреннан. У Освальда даже следов пороха не было там, где им положено быть, если он действительно стрелял из винтовки, — на щеке. И так далее. Правда, была одна общая черта у Освальда и Сирхана: незадолго до сенсационных покушений на братьев Кеннеди они любили демонстрировать в платных тирах меткость и жажду стрелять, стрелять и стрелять!

К вящему удивлению благородной публики «герметическая закупорка», как у фокусника, дала течь. Не сразу, а постепенно, по мере того, как шли годы и появлялись интригующие факты. Из рядов благородной публики раздавались примерно такие голоса: нас гипнотизируют. Как бы в ответ «фокусник» успокаивал: нет, мы вас пытаемся разгипнотизировать.

Шутка шуткой, но обнаружились прорехи в саге об убийце-одиночке, и среди них нельзя обойти молчанием отверстие, продырявленное... гипнозом. Не в буквальном смысле слова, а предположением, что Сирхан находился в момент покушения в загипнотизированном состоянии. Еще на суде, давая показания, Сирхан поведал о том, что якобы подолгу гипнотизировал себя. Он пришел к оккультизму будто бы под влиянием ощущений одиночества. Сказалось и общение с теософистами и розенкрейцерами [1].

Как бы там ни было, но среди различных специалистов, соприкасавшихся с «герметически закупоренным» делом сенатора Кеннеди, возникло подозрение, что Сирхан в день преступления был не под самогипнозом, а под чужим гипнозом. Врач-психолог тюрьмы Сан Квентин Эдуард Симсон-Кэллас беседовал с Сирханом в общей сложности 40 часов в камере смертников тюрьмы Сан Квентин. В телевизионной программе Си-Би-Эс, посвященной расследованиям убийства Роберта Кеннеди, доктор Симсон-Кэллас, отвечая на вопрос ведущего: «Какова ваша собственная гипотеза относительно происшедшего?» — ответил так: «Моя собственная гипотеза такова — в этом деле должны были быть замешаны другие люди. Кто-то должен был настроить его. Он был человеком, который идеально подходил для этой цели, потому что его можно было эксплуатировать на почве острого израильско-арабского конфликта. Он идеальный человек, потому что он по своей натуре ведомый. В годы второй мировой войны я командовал ротой. Вот таких бы солдат я хотел иметь у себя в роте. Он следует приказаниям, он готов умереть. Он задает немного вопросов».

Ведущий лаконично отреагировал на гипотезу психолога. Он пояснил, что речь идет о версии «так называемого программирования» — «теории, согласно которой Сирхан был загипнотизирован другими для совершения убийства». Хотя телекомментатор не уточнял, кого он имел в виду под «другими», в американской печати секрета из этого не делалось. Соответствующие опыты, как показали слушания в комиссии Черча, проводились с 1954 года в ЦРУ.

Но заключения врачей-психологов для калифорнийского суда веса не имели. Независимые расследователи устремили взоры к уликам, вернее к отсутствию некоторых улик, существовавших сначала и благополучно исчезнувших позднее. Речь шла об однотипном пистолете «Айвор Джонсон», который был в момент убийства в руках одного из стражей порядка, охранявших вход в буфетную, и дверных рамах буфетной, имевших на себе следы пуль.

Три пули поразили Роберта Кеннеди, одна из них попала в голову — сзади и снизу. Все свидетели подтверждают, что Сирхан стоял впереди и попасть в затылок просто не мог. Он стрелял, по мнению одних, с расстояния 2—3 фута (60—90 см), а по мнению других, — с расстояния 8—10 футов. Тем не менее врач-анатом лос-анджелесского графства Томас Ногучи дал показания под присягой, что смертельный выстрел в голову (рана под ухом) был произведен с расстояния нескольких дюймов (1 дюйм = 2,5 см) и не более. Вывод Ногучи подтверждает и Уолфер из полицейского управления Лос-Анджелеса, который отвечал за научно-техническую экспертизу. Химические пробы, взятые Уолфером с пиджака сенатора, на котором остались входные следы пуль, показали, что они были выпущены из оружия, находившегося всего в нескольких дюймах от тела сенатора.

Пули, изъятые из головы Кеннеди и тела раненного в живот Уильяма Вейзела, а также еще одного раненого, не могли быть выпущены из одного оружия — к такому заключению пришли известные калифорнийские эксперты по баллистике У. Харпер и Г. Макдональд. Профессор Г. Макдональд исследовал образцы пуль фирмы «Каскэйд катридж компани», которыми стрелял Сирхан. Выяснилось, что пуля, смертельно ранившая Р. Кеннеди, этим образцам вообще не соответствовала.

Среди тех, кто находился в ту ночь в буфетной отеля «Амбассадор», был Теодор Карач. В течение 5 последовавших лет он работал над фильмом «Второй пистолет», который появился на экранах немногочисленных американских кинотеатров в конце 1973 года. Он доказывал, что в Р. Кеннеди был произведен выстрел из второго пистолета; что пуля из этого пистолета была роковой; что ни одна из пуль, выпущенных из пистолета Сирхана, не попала в Кеннеди; что полиция просмотрела или отмахнулась от всех показаний, которые шли вразрез с ее мнением о Сирхане как убийце-одиночке.

Позади Кеннеди, справа от него стоял агент безопасности Тейн Юджин Сезар, который, по его собственным словам, выхватил из кармана пистолет. Однако, как выяснил Карач, этот пистолет не был осмотрен, и следователь ограничился лишь поверхностным допросом Сезара.

Сезар признал, что у него был пистолет калибра 0,22, такой же, как у Сирхана. Позднее же он утверждал, что якобы продал его в июне, еще до убийства Р. Кеннеди. Однако Карач разыскал покупателя пистолета, заявившего, что он приобрел его в сентябре и в подтверждение своих слов предъявил написанную рукой Сезара расписку, датированную сентябрем. Сей покупатель сообщил, что потом пистолет у него был «украден».

В фильме Карача эксперты Уильям Харпер и Де-Уэйн Уолфер подробно объясняли, что в буфетной не мог не стрелять второй пистолет. В киноочерке прозвучал и рассказ фотографа, который заявил, что сделанные им снимки, запечатлевшие сцену убийства, были конфискованы полицией и затем «потеряны».

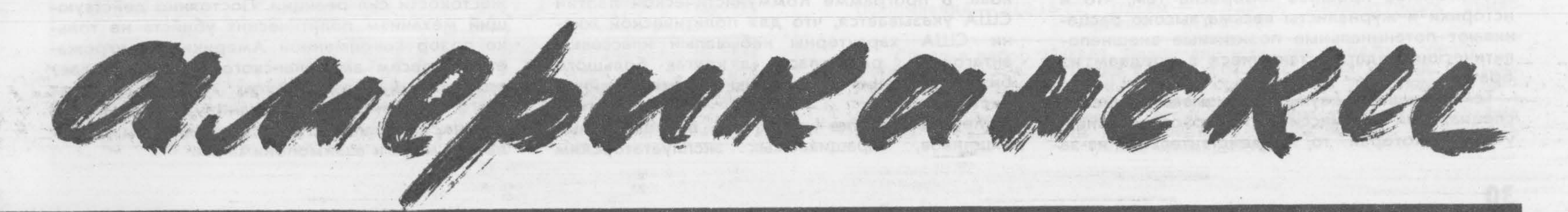
Фильм и другие выступления в поддержку нового расследования убийства Р. Кеннеди вынудили муниципалитет Лос-Анджелеса начать в 1974 году видимость повторного следствия. Специальная комиссия, созданная городскими властями, объявила, однако, спустя год о самороспуске, после того, как полиция отказала ей в доступе к архивам, касающимся преступления.

Конгрессмен от штата Нью-Йорк Эллард Ловенстейн, которого мы цитировали в начале нашего повествования относительно возможных политических мотивов убийства сенатора, вместе с группой независимых калифорнийских юристов не прекращал попыток докопаться до истины в деле об убийстве Р. Кеннеди. Они нашли ряд свидетелей, в том числе бывшего метрдотеля ресторана при «Амбасадоре», показавших под присягой, что в момент трагедии они видели засевшую в стойке двери пулю, которая оказалась вне поля зрения официальной комиссии.

Пять криминалистов, которые подвергли тщательному изучению помещение, и в особенности двери, не нашли никаких следов от пули. Однако их заключение не внесло ясности в обстоятельства гибели Р. Кеннеди. Дело в том, что обшивка двери и облицовочные плитки со стен и потолка были вскоре после преступления сняты и уничтожены. Таким образом, важнейшие вещественные доказательства, которые могли бы пролить свет на обстоятельства убийства, оказались навсегда утраченными.

Корреспондент Си-Би-Эс рассуждал: «Знаем ли мы с уверенностью, что полиция обнаружила и публично опознала все дыры от пуль, которые остались после нескольких секунд хаотической стрельбы? Недавно полиция была

[1] Сирхан состоял в калифорнийских сектах теософистов и розенкрейцеров. «Общества теософистов» в США преследуют цель «развивать сверхчувственные силы человека», что в действительности часто оборачивается бессовестным жульничеством и мистификацией. Орден розенкрейцеров ведет начало из XII века в Германии. Англосаксонская ветвь ордена «красной розы в центре креста» слилась с франкмасонством. Смешанные общества розенкрейцеров и франкмасонов заняты по-прежнему, как и много веков назад, «опытами» по перевоплощению душ.

вынуждена подтвердить, что она «рутинно» уничтожила облицовочные плитки с потолка, содержавшие три дыры, а также две стойки из дверной рамы. Какие-либо ответы, которые они могли бы дать, исчезли».

Если суммировать ту часть расследования, которая касалась числа ран, таких следов пуль, как отверстия, дыры, то картина выглядела следующим образом. Кроме раненного в живот Уильяма Вейзела, ранения получили Паул Шраде, Ирвин Стролл, Айра Голдстайн и Элизабет Эванс. Было обнаружено по крайней мере 12 четких дыр от пуль. Официальные расследователи придерживались теории, что все 12 дыр — следы 8 пуль Сирхана, поскольку было найдено 8 гильз. Независимые расследователи утверждают, что 12, а, возможно, и больше дыр были сделаны 9 пулями. Они не убеждены, что в обойме Сирхана были все 8 пуль, они считают, что в буфетной был второй убийца.

Комментируя все эти разночтения, журналист Си-Би-Эс в телевизионной программе отмечал: «Объяснение полицией, которое зиждется на 8 пулях и 12 дырах, по всей вероятности, наименее убедительное звено в цепи свидетельств, которые водрузили Сирхан Сирхана на пьедестал убийцы-одиночки... Если в ту ночь в отеле «Амбассадор» стрелял второй пистолет или даже если его не было,— явилась ли гибель Кеннеди результатом заговора? Мы знаем, что заговоры — трудно доказуемое дело. Так же как невозможно их опровергнуть».

И далее журналист, сообщив, что Си-Би-Эс «слышала много интригующих, но покуда не подтвержденных теорий заговора в этом деле», остановился коротко на одной, которая была, с его слов, отмечена выше: «Некоторые ведут речь о так называемом программировании — теории, согласно которой Сирхан был загипнотизирован другими для совершения убийства, Сирхан занимался самогипнозом, и в некоторых отчетах говорилось, что, открыв огонь, он находился в состоянии самовнушенного транса».

Загадка отеля «Амбассадор» осталась неразгаданной. Специальная комиссия палаты представителей по расследованию убийств предполагала включить в программу своих слушаний и дело об убийстве Роберта Кеннеди. Мотивируя эти планы, один из инициаторов создания специальной комиссии и ее первый председатель, конгрессмен Генри Гонзалес говорил: «В конце концов убийства Джона и Роберта Кеннеди изменили ход американской истории, нарушили демократический процесс, лишили страну выбора, вызвали внутреннее беспокойство, причинили огромный ущерб национальной психике».

Гонзалес не единственный человек, считающий, что убийство братьев Кеннеди позволило последующим администрациям сдвинуть страну на какое-то число градусов «вправо» от прежнего курса. Некоторые историки и журналисты пытаются гадать, что могло бы быть, если остались бы живы один или оба брата.

Например, июньский номер журнала «Интеллекчьюал дайджест» за 1972 год вышел с портретом Роберта Кеннеди на обложке и подписью под ним: «Анализ успехов и неудач администрации президента Роберта Ф. Кеннеди». На четырех страницах, набранных убористым шрифтом, своими мыслями делился ведущий вашингтонский корреспондент газетного синдиката «Херст», президент Национального клуба печати Уоррен Роджерс. Его политический анализ-фантазия строился на предположении, что Роберт Кеннеди уцелел после покушения в «Амбассадоре», пришел в Белый дом, в тот же день отправил в отставку Эдгара Гувера и начал бурную внутреннюю и внешнеполитическую деятельность. Через два месяца он «подписал мир во Вьетнаме», затем «заключил Договор об ограничении стратегических вооружений с Советским Союзом», нанес «визит в социалистическую Кубу» и т. д. Эта необычная экстраполяция не в будущее, а возможное прошлое интересна тем, что и историки и журналисты весьма высоко расценивают потенциальные позитивные внешнеполитические задатки, таившиеся в среднем из братьев.

Тем больше недоумения вызывает решение специальной комиссии по расследованию убийств, которая то ли действительно из-за недостатка средств, то ли по другим, точно неизвестным причинам отошла от первоначального замысла и ограничилась расследованием убийств Джона Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, придя в обоих случаях к выводу о существовавших заговорах. Комиссия поручила министерству юстиции изучить свои выводы, и там, где это возможно, продолжить расследование. Судя по сообщениям печати, министерство юстиции изучает те акустические данные, которые позволили комиссии прийти к выводу о том, что в президента Дж. Кеннеди стреляли не только сзади, но и спереди. В расследование далласской трагедии включилась и Национальная академия наук США.

На фоне этой активности относительное затишье наступило на «фронте» расследования гибели Роберта Кеннеди. Как-то незаметно прошло весной 1980 года даже загадочное убийство одного из главных независимых расследователей тайны «Амбассадора», 51-летнего нью-йоркского юриста, бывшего конгрессмена Элларда Ловенстейна. Как заведено в таких случаях, убийство было списано на счет «сумасшедшего». Но для «сумасшедшего», согласитесь, уж очень специфической была мишень (адвокат в своей конторе в огромном доме — это не прохожий на улице) и очень точной была стрельба: из пяти пуль две в сердце. «В современных американских убийствах, — замечает историк Теодор Уайт,— выстрелы потрясающе точны». И потом все эти убийства, добавляет историк, бывают «прекрасно спланированы».

Американские идеологи любят прославлять «демократический процесс» формирования у них власти. Тут можно услышать и об избирательном бюллетене, и о «праймериз», и о съездах партий, и о «плюрализме». Но этот перечень не полон. Винтовка, бесшумный пистолет, нож, кастет, динамит, цианистый калий, «роковая» автокатастрофа, «роковая» авиакатастрофа, шантаж, подкуп, клевета — это также средства формирования власти. Буржуазная Америка никогда не исключала и не собирается исключать из своего «демократического процесса» кровавую политическую месть.

Политические убийства в современной Америке не начались и не закончились расправами над братьями Кеннеди и Мартином Лютером Кингом. Жертвами кровавого насилия были президенты, законодатели, судьи, бесчисленное количество менее известных деятелей. Как правило, виновников не удавалось отыскать, найденных же не удавалось наказать. Все эти национальные травмы будут еще долго давать знать о себе.

Убийства политических деятелей не любят называть в США политическими убийствами. Да, не все эти покушения и убийства имели на сто процентов политическую подкладку. Некоторые из них таковой вообще не имели. Довольно безрассудной, если судить по американской печати, выглядела и террористическая выходка против Рональда Рейгана «типичного американского парня» Джона Хинкли, голова которого была переполнена, однако, нацистским бредом. Своим психологическим абсурдом она напоминала два покушения на Джеральда Форда. Но уверять, как это делают заокеанские средства массовой информации, что в президента целятся и стреляют лишь «одиночки», потому, что он благодаря своей известности «самая соблазнительная мишень» для множества американцев, разочаровавшихся в жизни или ищущих мгновенной славы, это тоже абсурд.

Близок к истине американский публицист П. Флэммонд, который в своей книге «Заговор против Кеннеди» солидаризировался с Джимом Гаррисоном во мнении, что в США существует механизм, ставящий целью уничтожение всех общественно-политических деятелей, которые, с точки зрения создателей этой адской машины, ставят под угрозу их нынешние операции или могут угрожать их будущим планам. У этого заговора, писал публицист, политическая и социально-экономическая основа. В программе Коммунистической партии США указывается, что для политической жизни США характерны небывалый классовый антагонизм, разногласия в кругах большого бизнеса, трения и трещины в двухпартийной системе.

Мертвая хватка наиболее бесчеловечных хищников, взращиваемых эксплуататорским обществом, погоня за золотым тельцом, доведение до совершенства техники убийств питают в Америке атмосферу, позволяющую творить расправу даже над стопроцентными защитниками «американского образа жизни».

Джимми Хоффа говорил, что профессионального убийцу в Америке можно нанять за 2 тысячи долларов. Да, поистине недорого стоит жизнь человеческая в стране, лидеры которой пытаются навязчиво читать всему миру непрошеные наставления по части «человеческих прав».

Американский образ жизни породил чудовищные социальные язвы, в том числе культ насилия, безнаказанность опаснейших преступников, возможность нанять платных убийц. Трудно сказать, что больше потрясло в последние годы общественность США: бесконтрольность ли ЦРУ, его связи с мафией, или та легкость, с которой разведка допускала убийства иностранных государственных деятелей, опутывала слежкой собственный народ. За все эти преступления ЦРУ отделалось легкими ушибами. Конгресс пожурил рыцарей «плаща и кинжала» и призвал их быть более цивилизованными. Косметический ремонт ЦРУ закончился с работой комиссий высшего законодательного органа страны.

После этого ЦРУ вернулось ко всем тем методам, которые были публично осуждены сенаторами. К началу нынешнего года конгресс фактически снял и без того куцые ограничения, которые были наложены на ЦРУ в сфере тайных подрывных операций. В Вашингтоне раздаются влиятельные голоса, требующие усиления этой преступной деятельности.

Международная общественность не может проходить мимо новых зловещих планов, исходящих из Лэнгли. Выступая на II съезде Компартии Кубы, товарищ Фидель Кастро подчеркивал:

«Всему миру известно, что власти Соединенных Штатов планировали, организовывали и поощряли убийство руководителей кубинской революции и руководителей других стран. Организационным центром этих гнусных действий было ЦРУ. Чего же можно ждать от этого ведомства сейчас, когда советники Рейгана утверждают, что его руки будут свободны, и когда не кто иной, как Голдуотер, станет председателем сенатской комиссии по делам разведки?

Мы считаем, что одним из первых заявлений Рейгана должно быть заявление о том, что его правительство не будет организовывать, санкционировать или позволять ЦРУ разрабатывать планы убийства руководителей других стран.

Мы искренне надеемся, что подобные акции не повторятся; в противном случае это будет означать, что правительство Соединенных Штатов узаконивает и поощряет худшую в мире форму терроризма и несет всю ответственность за последствия своих действий».

Ранее Фидель Кастро заклеймил ЦРУ как самую опасную международную мафию. Точнее не скажешь!

Преступление века и другие политические убийства остались темными, мрачными пятнами на челе американского капитализма. С помощью политических убийств, совершаемых с непостижимыми ухищрениями, наиболее реакционные круги империалистической Америки держат в узде и повиновении политическую касту.

Верховный судья Уоррен заявил в свое время, что при жизни нынешнего поколения не вскроются тайны далласской трагедии. Вероятно, это он мог повторить и в отношении преступления в Лос-Анджелесе. Однако независимые расследователи не складывают оружия, они надеются найти ключи, с помощью которых можно было бы открыть злополучные замки еще при жизни нынешнего поколения.

Это нужно в первую очередь самим американцам. Они понимают, что политические убийства, кровавая месть—не просто символы жестокости сил реакции. Постоянно действующий механизм политических убийств не только позор современной Америки. Он угрожает интересам американского народа, создает опасность народам других стран. Демонтаж этого чудовищного механизма — актуальная задача, ее решение способствовало бы укреплению мира и взаимопонимания.

ГАГАРИН — ЗНАЕТ ВСЯ ПЛАНЕТА

Стихи Л. КОЗЫРЯ

Музыка Н. ПИСАРЕНКО

Провинциальный городишко,
Водопроводные колонки,
Белоголовые мальчишки,
Золотобровые девчонки.
На улочках, на перекрестках
Я забывал, встречаясь с ними,
Что есть у каждого подростка
Своя фамилия и имя.

Припев:

Есть города, есть городочки
О том, что Гжатск есть в мире где-то,
Известно было одиночкам.
Гагарин — знает вся планета.

А средь вихрастых, белокурых
Один веселый шустрый парень
Носил простое имя Юрий,
Носил фамилию Гагарин.

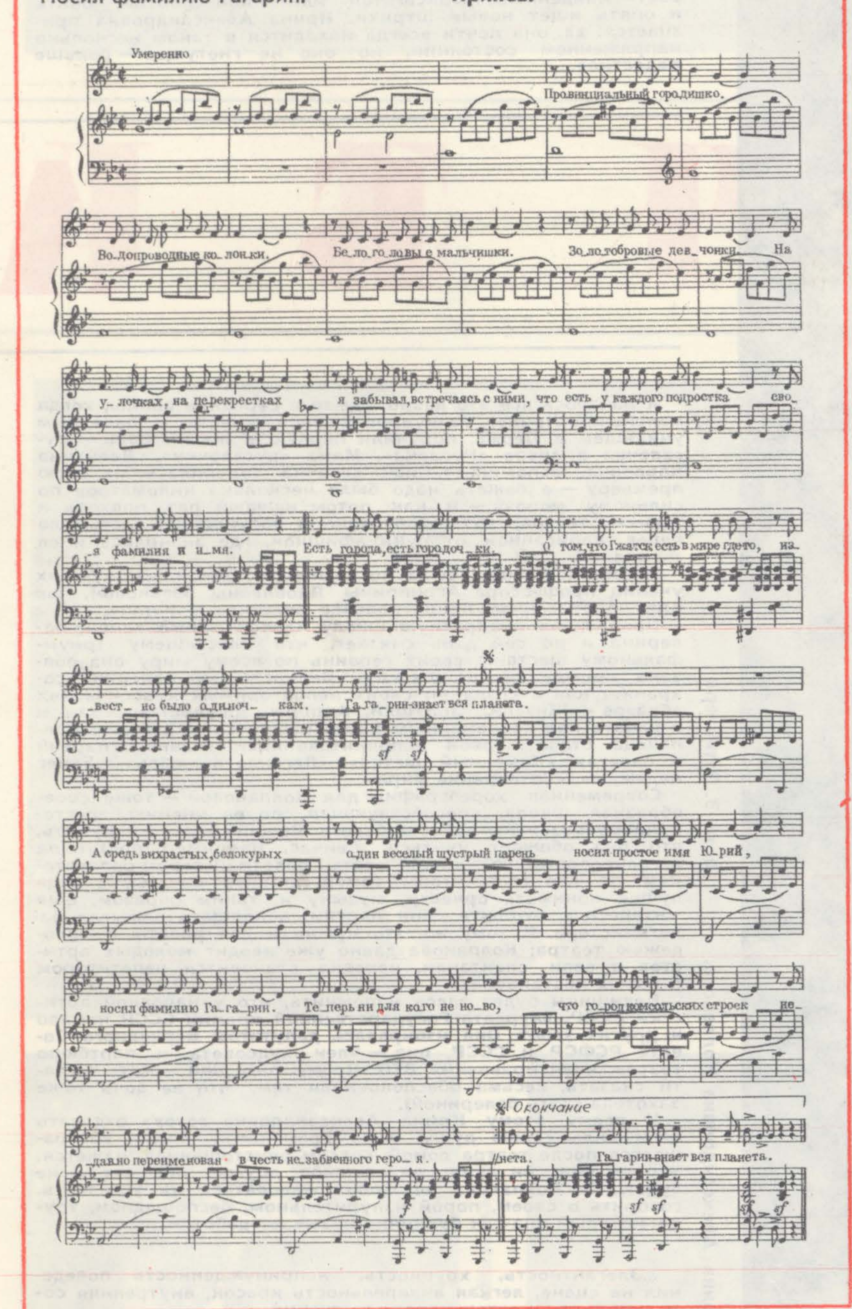
Припев.

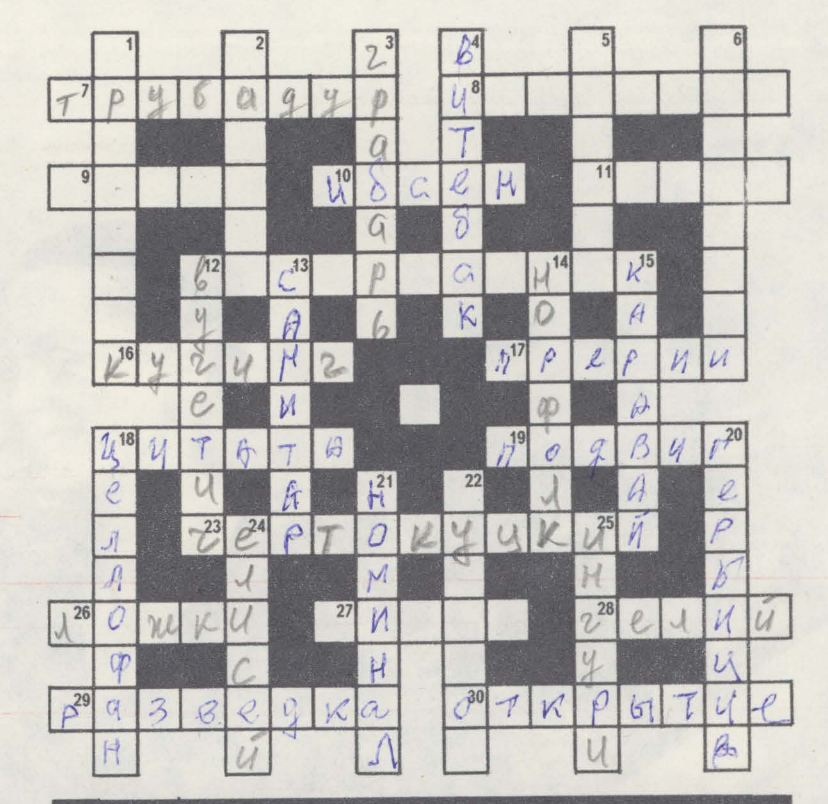
Теперь ни для кого не ново,
Что город комсомольских строек
Недавно переименован
В честь легендарного героя.

Припев.

И сколько их — провинциальных,
Безвестных, маленьких, зеленых
Тех городков!.. В любом буквальнс
Полно мальчишек и девчонок.
Среди вихрастых, белокурых
Один веселый шустрый парень
Носил простое имя Юрий,
Носил фамилию Гагарин.

Припев.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Опера Д. Верди. 8. Механический вычислительный прибор. 9. Озеро в Хабаровском крае. 10. Норвежский драматург. 11. Деталь часов. 12. Декоративное растение семейства лютиковых. 16. Порт в Малайзии. 17. Степное пространство в Северной Америке. 18. Дословный отрывок из текста. 19. Героический, самоотверженный поступок. 23. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Коляска». 26. Ударный инструмент в русской народной музыке. 27. Заключительная встреча в спортивных соревнованиях. 28. Химический элемент, газ. 29. Поиск месторождений полезных ископаемых. 30. Научное достижение в результате исследований.

По вертикали: 1. Пресноводный моллюск. 2. Южное вечнозеленое дерево. 3. Русский художник. 4. Областной центр в Белоруссии. 5. Животное семейства свиней, обитающее в лесах Южной и Центральной Америки. 6. Гармонический или мелодический оборот, завершающий музыкальное произведение. 12. Скульптор, народный художник СССР. 13. Медицинский работник. 14. Австралийский остров в Тихом океане. 15. Круглый хлеб. 18. Прозрачная пленка, упаковочный материал. 20. Химический препарат для уничтожения сорняков. 21. Нарицательная стоимость ценных бумаг, банкнот. 22. Поэт-демократ, просветитель, основоположник коми литературы. 24. Действующее лицо «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина. 25. Река в Грузии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 1. Свидетельство. 7. Юрмала. 8. Творог. 9. Кулик. 10. Ребус. 12. Арабика. 16. Сардина. 17. Ариосто. 18. Антресоль. 21. Сопрано. 22. Аэробус. 23. Тюльпан. 25. Орион. 26. Забой. 27. Турист. 29. Бовари. 30. Администратор.

По вертикали: 1. Станюкович. 2. Диорама. 3. Такса. 4. Лимит. 5. Спиноза. 6. Орфография. 9. Консульство. 11. Соболевский. 13. Беккерель. 14. Базаров. 15. Кальман. 19. Тарантелла. 20. Транзистор. 23. Тбилиси. 24. «Невеста». 28. Тикси. 29. Батат.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Первая космическая четверка: Ю. А. Гагарин, П. Р. Попович, Г. С. Титов, А. Г. Николаев.
Фото А. Устинова

А. Леонов. «Восход-11» на орбите». Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм».

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Весна.
Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 23.03.81. Подписано к печати 07.04.81. А 00357. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 782. Заказ № 303.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Ирина Александровна Колпакова. Фото Э. Эттингера

Н. АЛЕКСЕЕВА

...Легкость, воздушность, грациозность, тончайший лиризм, искренность эмоций, сдержанность и благородная простота...

Так на протяжении многих лет — а точнее, тридцати лет творческой работы — говорят об искусстве Ирины Колпаковой, лучшей классической танцовщицы Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова.

А вот слова самой Ирины Александровны:

— Не люблю, когда часто повторяют слово «талант». По-моему, все дело в добросовестном отношении к своим обязанностям. К своей работе.

Она сидит передо мной, стройная, прямая, худенькая, гладко причесанная. Так и хочется сказать: балерина как балерина. Такая, какими обычно и бывают они, когда на некоторое время словно бы спускаются на нашу грешную землю из своего «заоблачного» мира, окруженного для простых смертных ореолом непостижимости,— мира балета. И, судя по поведению балерины, мне кажется, что туда — в этот далекий и волшебный мир — никогда не доносились даже отголоски тех громких, проникновенных эпитетов (притом абсолютно верных), которыми постоянно награждают Колпакову пресса, поклонники ее таланта. Совершенно свободная от приятного, но столь суетного бремени славы, она четко, энергично и очень деловито излагает свои мысли о балете:

— Все просто, нет никаких особых открытий. На сцене важен профессионализм. Но его одного мало. Есть танцовщики, которые знают, как двигать руками, ногами, но им не хватает понимания, зачем и для чего они это делают. Если движения красивы, но бессмысленны, они ни о чем не расскажут. Нужна душа и обязательно — голова, я бы сказала, аналитический ум. Без головы ноги и руки действуют плохо.

Как у многих ее коллег, в характере Колпаковой сразу угадывается та целеустремленность, или целенаправленность, которая вырабатывается в человеке, не мыслящем себе жизни без каждодневного, настойчивого труда. Но есть в этой балерине еще и то, что, думается, свойственно немногим: она потому остается свободной от мирских пустых сует, что уже в самом начале своего пути и по своей доброй воле оказалась пленницей. Пожизненной пленницей т а н ц а. Бесконечного, завораживающего, порой терзающего душу, но не отпускающего ни на миг. Дома ли, на улице, после спектакля или в какой-либо поездке она постоянно думает над тем, что ею уже сделано на сцене и что еще предстоит, вновь и вновь мысленно «прокручивает» найденные нюансы той или иной партии, опять и опять ищет новые штрихи. Ирина Александровна признается: да, она почти всегда находится в таком несколько напряженном состоянии, но оно не гнетущее — больше радостное...

Б А

А началось все это давно, где-то в середине войны, когда маленькой Ирине, эвакуировавшейся вместе с балетным училищем в Пермь, поручили первую в жизни роль — Русалочка в опере «Русалка». Мама «русалочки», Леонтина Карловна, вспоминает, как девочка торопилась на свою премьеру — а бежать надо было несколько километров по сильному морозу,— и как потом каждый раз, подходя к зданию театра, чуть испуганно и восхищенно застывала перед написанной от руки афишкой, где значилась и ее фамилия.

Ирина Колпакова была последней и одной из лучших учениц профессора Агриппины Яковлевны Вагановой, чье имя носит сейчас Ленинградское балетное училище.

Прошедшая прекрасную школу классического танца, балерина и по сей день считает, что блестящему триумфальному шествию своих героинь по всему миру она обязана прежде всего ш к о л е. Верность ей балерина сохраняет как в создании своих неповторимых классических образов — Жизели, Золушки, Авроры, Джульетты,— так и в работе над современным хореографическим языком: Колпакова стала первой исполнительницей главных партий в балетах «Каменный цветок», «Легенда о любви», «Берег надежды», «Сотворение мира».

Современная хореография для Колпаковой — тоже своеобразная школа, способствующая, по ее мнению, всестороннему развитию артиста балета. Вообще можно подумать, что она обожает учиться. Сейчас, например, поступила в консерваторию, хочет стать балетмейстером-репетитором. Не для того, чтобы самой ставить балеты, а еще лучше понимать оркестр, музыку и, таким образом, еще интереснее готовить свои партии, воплощать замысел балетмейстера. К тому же это нужно и для работы с молодежью театра; Колпакова давно уже вводит молодых артистов в свои спектакли, нередко становится репетитором в новых постановках.

Нелишним будет здесь напомнить, что у народной артистки СССР, лауреата Государственной премии СССР немало и других забот. Она избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР и СССР, она — член худсовета и партбюро театра, член правления ВТО. Кроме того, она — мать (кстати сказать, весьма обеспокоенная тем, что ее дочь тоже захотела стать балериной).

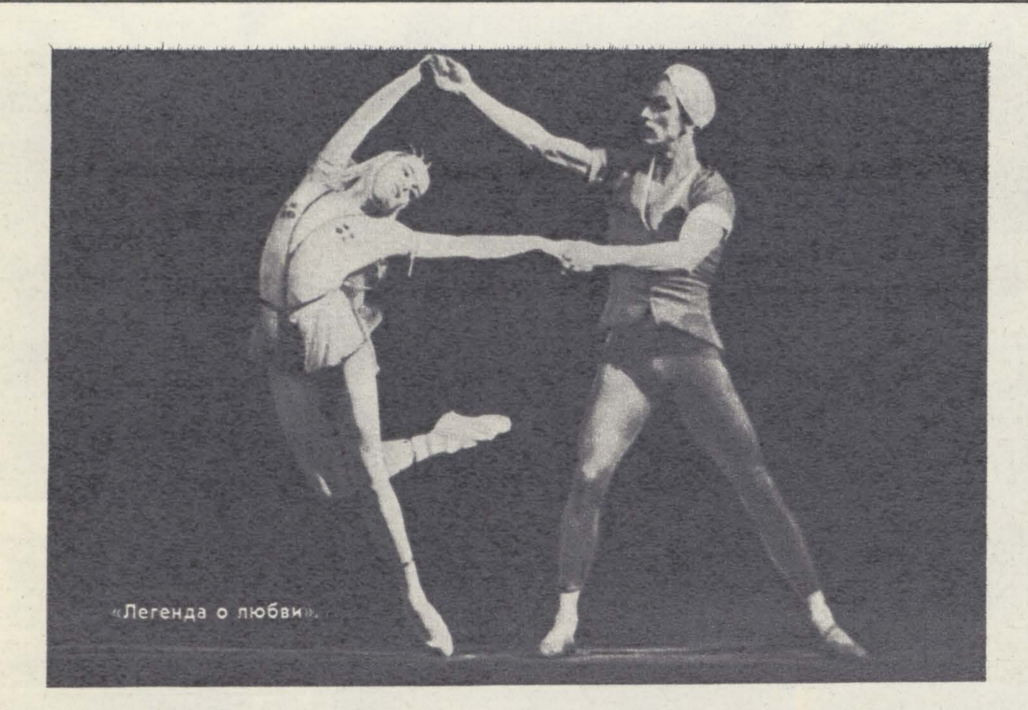
И всему этому Ирина Александровна готова отдавать свои силы, свою душу. Хотя временами, когда возвращается после театра домой, совсем опустошенная, кажется, что ни сил, ни души на что-либо другое уже нет и не будет. Но Колпакова не любит жаловаться на усталость, говорить о своем, порой изнурительном, беспощадном труде, который она так буднично называет работой.

...Элегантность, хрупкость, непринужденность поведения на сцене, легкая акварельность красок, внутренняя соразмерность и отточенность движений...

Так говорят об искусстве Ирины Колпаковой.

«Спящая красавица».

Л Е Р И Н А

«Легенда о любви».

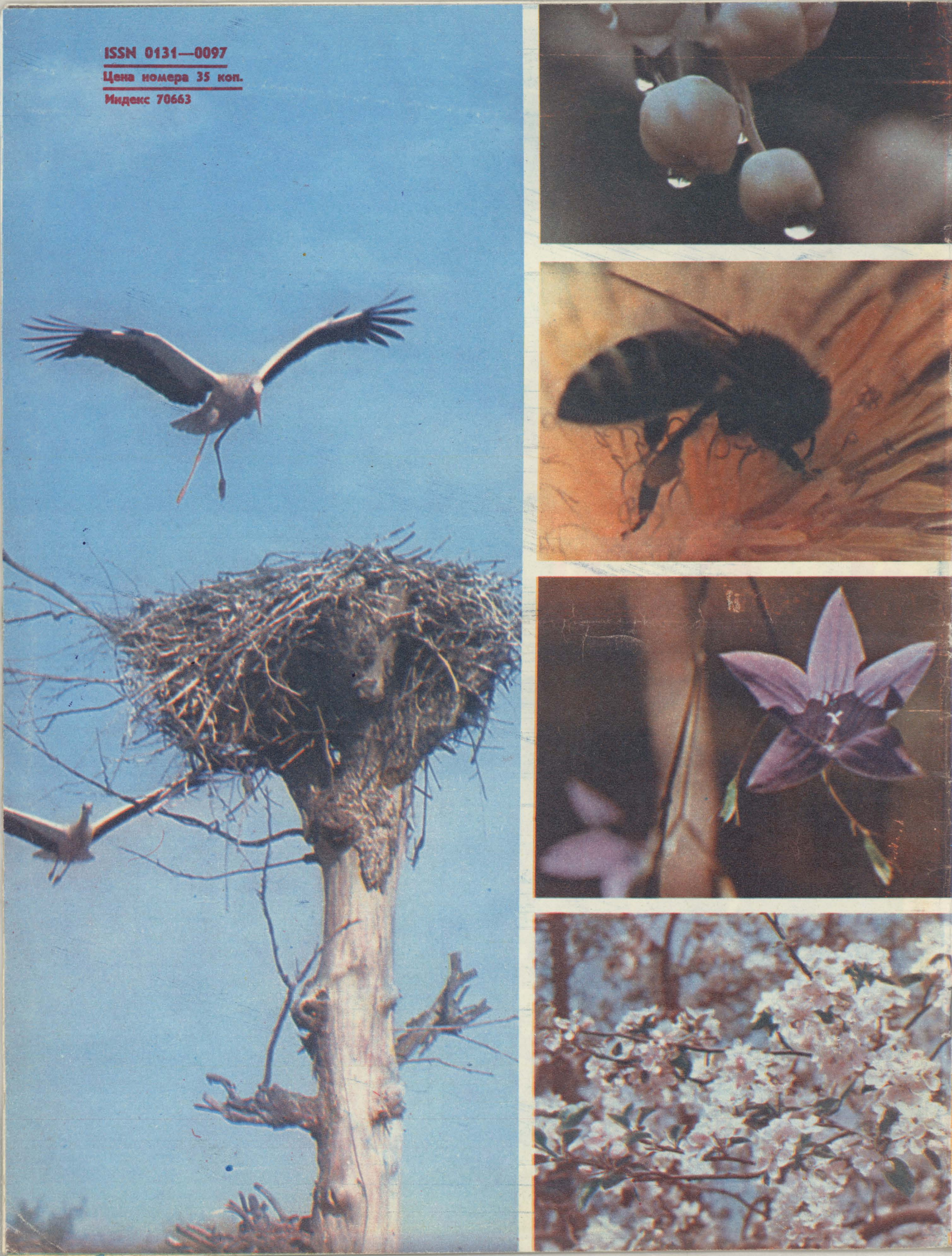
«Жизель».

«Сотворение мира».

«Раймонда».

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663